

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 3(69), 2019

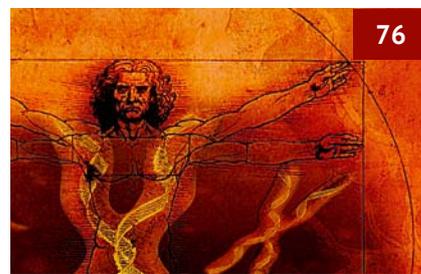
*Глобальный кризис
вместо «конца истории»*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Пятый Сталин
- 10** **Глобальный кризис вместо «конца истории»**
(доклад группы экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО)
«КОНЕЦ ДЕНЕГ» (стр. 11)
«КОНЕЦ ЭКОНОМИКИ» (стр. 16)
«КОНЕЦ ЧЕЛОВЕКА» (стр. 21)
«КОНЕЦ ГОСУДАРСТВА» (стр. 25)
- 30** **Главные тенденции**
(круглый стол Изборского клуба)
- 48** **Размышления об информации**
(беседа с Натальей КАСПЕРСКОЙ)
- 52** Игорь СУНДИЕВ, Андрей ФРОЛОВ.
«Образ будущего» и «переквантование реальности»
- 66** Александр АГЕЕВ.
Цифровизация как шанс и риск
- 76** Алексей АНПИЛОГОВ.
Два пути к бессмертию
- 82** Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Может ли Россия пройти сквозь «чёрную дыру»?
- 92** Андрей ОСТРОВСКИЙ.
Уроки для России
- 104** Карен СВАСЬЯН.
Германия: история одного отсутствия
- 112** **Библиотекарь**
- 113** **Хронология мероприятий клуба**
- 114** Елена ЗУЕВА.
«Всё настоящее вовремя кажется свету...»
(стихи, вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №3(69), 2019 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 08.05.2019

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 0534

/ Александр ПРОХАНОВ /

Пятый Сталин

В русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается государство Российское. На протяжении всей русской истории было пять империй. Это условная формулировка, и многие историки «классического представления» будут возражать такой моей кодификации и классификации русской истории. Но я убеждён, что все пять периодов русской истории носят имперский характер. И в каждой империи присутствует свой Сталин. Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через «исторические инфаркты». И в каждом из этих периодов-рывков присутствует: может быть, условно, а может быть, и не условно — через реинкарнацию одного и того же демиурга, — Сталин.

Первая империя, Киево-Новгородская, начиналась ещё в языческие времена. Она охватывала огромные пространства: от Балтики до Чёрного моря, от Карпат до Урала. В этой империи жили славянские племена, жили угры, финны, варяги, которые двигались с севера «в греки», жили греки, которые двигались с юга на север к варягам, в ней жили хазарские евреи, жили представители Великой степи. И всё это множество пространств, народов, устремлений, верований, языков было организовано имперской силой. Силу эту, огромный имперский интеграл придал пространствам и народам Владимир Святой в Херсонесе. Приняв христианство, он наполнил империю, её пространства небесным, духовным смыслом — учением о Царствии Небесном. Владимир был первым Сталиным. Он сдвинул государство Российское с язычества в сторону христианства, полыхнувшего из Херсонеса вплоть до Тихого океана.

Большой стиль этого первого Сталина, Большой стиль Владимира Святого — это, прежде всего, Херсонес. Христианство в лице греческих проповедников явилось в Херсонес и выбрало Владимира. Не он выбрал среди всех религий, перебирая верования, как на лотке перебирают товары, христианство... Нет! Православие выбрало его, вселилось в него, как таинственная Русская мечта, и создало гигантский имперский стиль — стиль первой русской империи. Перун, опрокинутый в киевские воды, плыл, обращая к небу своё раскрашенное многоцветное лицо, а по берегам рыдали язычники, провозжая своё божество. Волхвы воспротивились явившемуся чужому Богу — Христу и подняли восстание. Владимир жестоко подавил это

восстание. По Шексне и Волге плыли плоты, и на этих плотях торчали воздетые на кольях головы волхвов, язычников.

Большой стиль — это София Киевская и София Новгородская — два великолепных храма с их чудодейственными неповторимыми фресками, золотыми мозаиками. Большой стиль, конечно, это и «Русская правда», и вся симфония явлений, текстов, свершений, побед, катастроф.

Но всё это кончилось, исчезло под копытами татарской конницы, которая положила конец первой империи. После краха Киево-Новгородской Руси остались только огрызки, осколки, которые жадно стремились подобрать соседние цивилизации. Свет первого Сталина погас и померк так, что не должен был возродиться.

Но произошло чудо. Из разверзшихся, чёрных для русского государства глубин, где Русская мечта только слабо мерцала и флюоресцировала, поднялась эта глубоководная рыба, и возникла вторая империя — Московское царство. В недрах второй империи появился свой Сталин — Иван Васильевич Грозный. Иван Грозный свинтил распадающиеся русские окраины и создал могучее государство. Его дизайн, его Большой стиль — это, конечно же, покорение Казани, написание иконы Казанской Божьей Матери. Это приручение, покорение Астраханского царства. Это Александровская слобода, куда царь ушёл, разгневанный на свой народ, на подданных. Там он создал вторую столицу. В Александровской слободе, в Александрове вершились казни, допросы, шли пиры. Там возник таинственный Орден Ивана Васильевича Грозного.

Конечно, дизайном и Большим стилем — ужасным Большим стилем Грозного — явилось разорение Пскова и Новгорода, Твери. Плахи были воздвигнуты на всех русских перекрёстках.

Но его величие, его светоносная загадочная грозная сила пребывает в сегодняшней России. Мы живём в пору, когда Грозный и его образ прорастают сквозь тернии последующих поколений, последующих представлений о нём.

Царство Грозного, царство второго Сталина рухнуло в Смутное время. И опять рухнуло так, что невозможно было представить само дальнейшее существование России. В Кремле сидел супостат, по дорогам скакала бандитская конница, шумели восстания, грабились храмы... Казалось, государство Российское кончилось. Поднималась Речь Посполитая, поднимались могучие европейские страны и цивилизации.

Но вновь поверхность моря русской истории начала светиться, и из таинственных зелёных вод явился третий Сталин, имя которому — Пётр I. Пётр совершил такой рывок, такой толчок, создал такую динамику русской жизни, русского движения, которые мы чувствуем и по сей день.

Большой стиль Петра — это, прежде всего, победа под Полтавой. Это Петербург с золотым шпилем Петропавловской крепости. Утро стрелецкой казни, когда хрустели позвончики у мятежных стрельцов, до этого измученных на дыбах. Это и создание русского флота, и создание всего того, что было после Петра. Ведь в петровский дизайн, в Большой стиль Петра входит и Пушкин, который обожал Петра и создал петровскую симфонию, образ Медного всадника Третьей русской империи. Но над этой империей, по мысли Пушкина, должна была воссиять «звезда пленительного счастья»: эта империя должна быть благой. Она должна отрешиться от чудовищного насилия, от рёва пушек, от «сиянья шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». Петровский дизайн, или петровский Большой стиль, дошёл до XX века: вплоть до 1917 года Россия жила петровским рывком.

Но и петровская империя, и петровский стиль, где были Золотой век, Серебряный век русской поэзии, великие оперы — всё это в два дня кануло на станции Дно, когда произошло отречение царя. Русская империя канула в бездну, в Ганину яму на Урале, куда ушло всё: и победы, и флот, и пушкинские стихи, и романсы, и божественные русские предчувствия, и Николай Фёдоров... И уход этот сопровождался чудовищной бойней. Россия лязгала топорами, вгоняя их в спины своим детям, своим отцам. Гражданская война испепеляла все смыслы и ценности, с которыми враждующие стороны, белые и красные, вступали в схватку. И в этой кровище, в этой бойне, в этом до небес взрыве ненависти исчезало всё разумное и осмысленное.

Тогда возник четвёртый Сталин — собственно Сталин. Иосиф Сталин своей дланью выволок за волосы из хлюпающей, кровавой бойни русскую цивилизацию, жёстко и жестоко поставил её на ноги. Четвёртый Сталин — это центр четвёртой сталинской красной империи. Её Большой стиль, стиль «Сталин» — это стиль необозримыхстроек, которыми закипела страна от океана до пустыни, от Карпат до Тихого океана. Гремели отбойные молотки, вспыхивали сварки — вся страна превратилась

в грандиозную стройплощадку. Возникали заводы, создавались новые технологии, выпускались новые самолёты, танки. В предчувствии близкой войны строилась новая военная красная сталинская цивилизация.

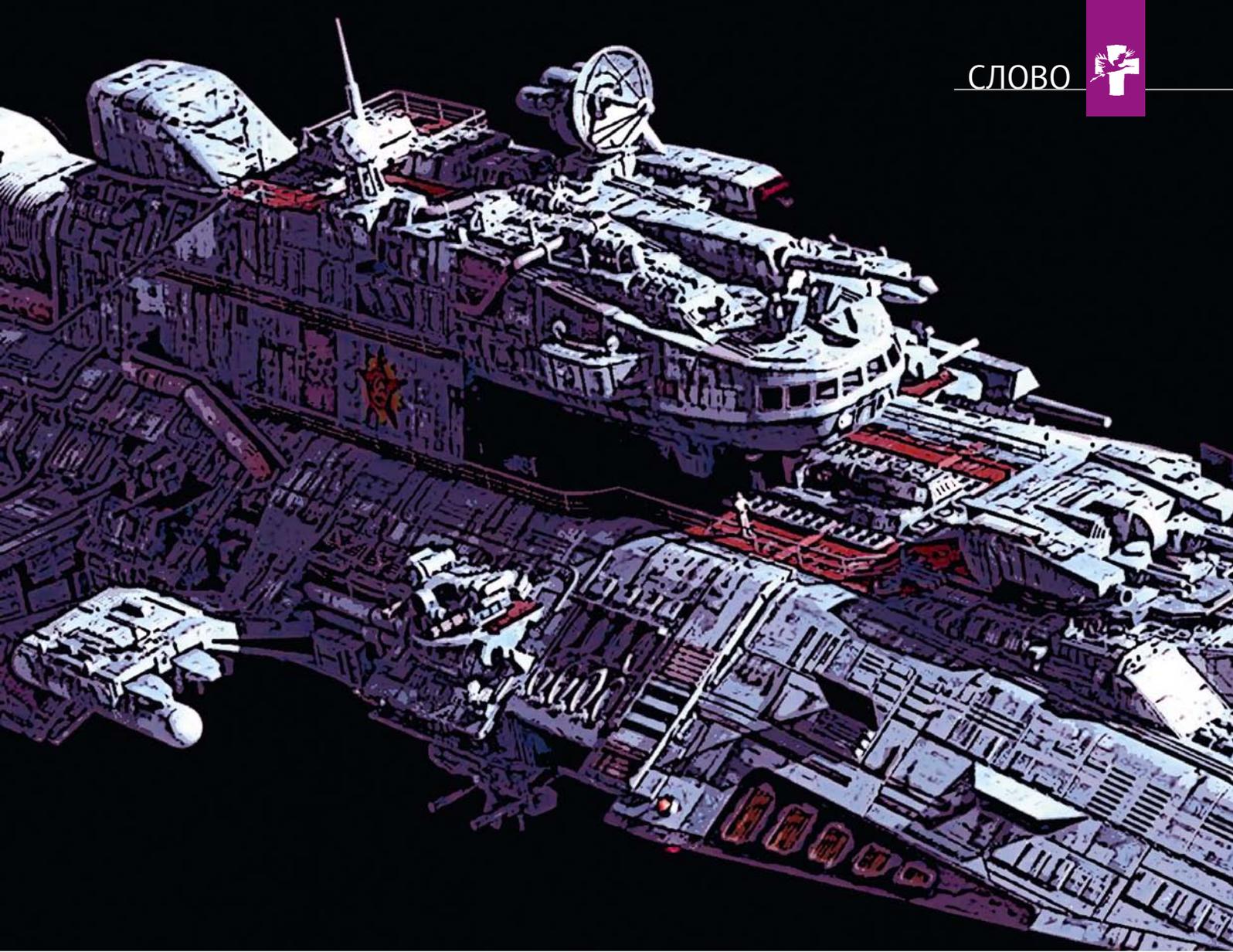
Конечно, Большой стиль Сталина — это и коллективизация, когда на дыбы было поднято вековечное русское крестьянство, оно было оторвано от земли. Его «перепахали», в него внесли абсолютно новый элемент силы — это террор, связанный с раскулачиванием. По всей земле появились многочисленные колхозы, которые мучились, корчились, но потом создали урожаи для будущей войны и урожаи времён войны. И страна выжила, хотя потеряла во время Великой Отечественной самые плодородные земли — Украины и Кубани.

Среди пятилеток, среди грохочущихстроек Большим стилем Сталина были и грозные политические процессы, за которыми следовали расстрелы и расстрельные рвы. Он предложил, навязал России технологию страха, которая в итоге превратила Россию в мобилизованный отряд, где действовали инструментариисстраха и повиновения. Но и инструментариисгероизма! Сталин создал в своём Большом стиле две технологии: технологию страха, ужаса, повиновения и технологию героизма. Он создал технологии, которые создавали из Советского Союза страну мечтателей и страну героев.

В сталинский стиль входят война и Победа. Это целая мистерия — мистерия войны. И каждая из грандиозных схваток в этой войне является своеобразной иконой — окровавленной, мироточащей. Битва за Москву, Сталинградская битва, Курская дуга, «десять сталинских ударов». Я слышал один апокриф, который говорит о том, что во время «десяти сталинских ударов» на небе появилось десять Млечных путей. Вот как мистики воспринимали эту войну!

И, конечно, Победа. А после Победы — Потсдам. До этого — Тегеран, Ялта. Это всё — части Большого стиля Сталина, который в итоге покрасил две трети земного шара в красный цвет.

А ещё — ядерная бомба, которую Россия взорвала после американцев с опозданием на четыре года, ракетный взлёт сталинской цивилизации, Гагарин, который вышел в космос... Гагарин — не хрущёвский сын, он — сталинский сокол. Гагарин был задуман и сотворён сталинской цивилизацией. Он был Александром Матросовым, который не погиб в 1943 году, а выжил, прошёл войну и потом улетел в космос.

Но и сталинский Большой стиль тоже пал, рухнул в 1991 году. И вся Красная империя с великим сталинским стилем превратилась в прах, труху. Опять в России развёрзлась бездна. Опять поверхность российской истории стала беспросветной и мрачной.

Но потом вновь что-то замерцало в этой воде. Опять стала всплывать рыбина. Эту рыбину обнаружили, может быть, с опозданием. Одни изумились, восхитились ею, другие ужаснулись, стали её проклинать, бить гарпуном. Но она возникла!

Я не говорю, что Путин — Сталин. Он не стал Сталиным. Но у него есть время им стать. В Путине есть все черты этого сталинского всплытия, сталинского выхода из потаённой, из донной, глубинной русской исторической среды. И уже можно говорить о стиле «Путин».

Его Большой стиль складывается из таких явлений, как, прежде всего, возвращение Крыма. Это огромный, мощный дизайн, действие которого мы видим по сей день. Это Крымский мост — изысканное инженерное, а может быть, даже культовое, сооружение, которое соединяет

Россию с Крымом и идёт куда-то дальше, это путь, по которому движется Русская мечта.

Путинский Большой стиль — это Гергиев, который дирижирует сначала на развалинах дымящегося Цхинвала, а потом на развалинах Пальмиры в окружении русских военных, лётчиков, что внимают этому стилю. Стиль «Путин» — это грандиозные парады на Красной площади в дни Победы. Они напоминают религиозные мистерии. Недаром Шойгу, когда выезжает на площадь из Спасских ворот, осеняет себя крестным знаменем, как будто входит в храм или монастырь. А «Бессмертный полк»? Это явление абсолютно мистическое и таинственное, потому что «Бессмертный полк» почти полностью воспроизводит пасхальный крестный ход, когда живые чают воскрешения мёртвых, несут в своих руках изображения героев и мучеников минувшей войны и желают их воскресить, не дать им умереть, погрузиться в пучину забвения. Но в какой-то момент пасхальный крестный ход переживает странную трансформацию. Возникает ощущение, что те, чьи фотографии несут над головами, они берут

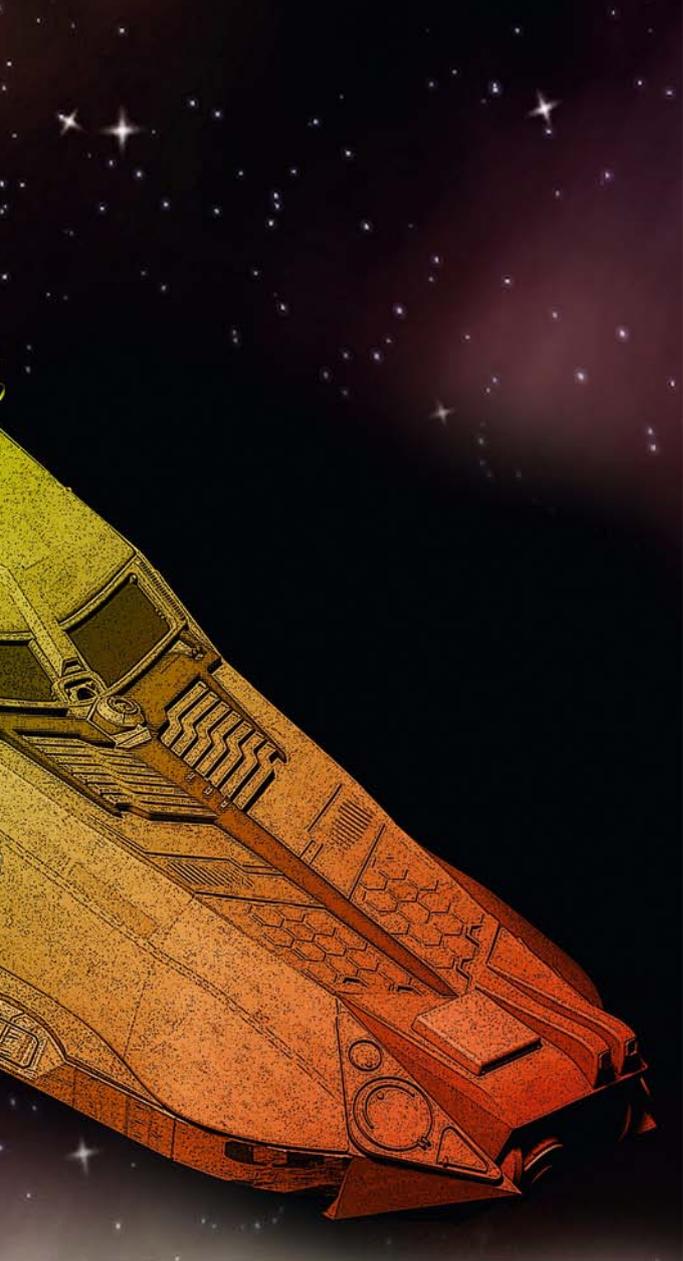
на руки несущих их. И несут нас, ныне живущих, не дают нам погибнуть, не дают почить. Всё это — путинский стиль.

Сталинский Большой стиль изучают искусствоведы, эстетики. Конечно, Иосиф Сталин жил не только землёй, не только геополитикой, геостратегией, военными столкновениями. Он ощущал, что над ним — небо, и чувствовал свою связь с небесами. Не только потому, что окончил семинарию. Здесь было нечто другое — та сила, которая нахлынула на Россию и перевернула её всю. Это была планетарная сила, о которой говорил Вернадский. Сила, когда человеческое становится геологическим, человек становится частью геологической трансформации Земли. И Сталин был носителем этой силы. Не он её создавал — она в него вместилась и формировала его деяния. Делала его тем, кем он стал и кем присутствует сегодня в нашем расколоте сознания.

Для одних он — чудовищный демиург, воплощение зла и бесчинства. Для других — великий строитель, мистический спаситель России.

Сталин чувствовал Небо: человек, который «своевал» такую войну, не может его не чувствовать. Сегодня Победа празднуется нашей церковью как религиозный праздник. И Победа, которая была одержана в 1945 году, — это не только победа военная, идеологическая, геостратегическая, это не только победа, которая изменила конфигурацию мира, передвинула континенты, сместила материки, произвела трансформацию меридианов и параллелей, как в своё время сделал старец Филофей, создав теорию «Москва — Третий Рим», или мистический патриарх Никон, который перенёс под Москву Иерусалим и изменил всю конфигурацию планетарной сетки координат. Эта война и Победа — победа высших райских смыслов над смыслами ада. Ад пришёл в мир, пришёл в Россию. Демоны группы «Центр» двигались на Россию с абсолютной убеждённой, что она будет разрушена, побеждена и опрокинута.

Тогда схватка германского фашизма и Советов превратилась в схватку демонических сил с силами райскими. И райские силы одо-

лели демонов. Советский Союз отдал на это одоление тридцать миллионов своих лучших сынов и дочерей, которые, если их осмыслять религиозно, богословски, являются свято-мучениками. Потому что Священная война кончилась священной Победой. Этот отблеск святости лежит на всех, кто участвовал в этой войне, в этой Победе, — на всех, кто сражался на фронте и лёг костями и кто стоял в тылу у станков. И на тех блокадниках, которые умирали и слушали Ольгу Берггольц в последние минуты своей жизни. Эта война — Священная. Святость легла на всех. Легла на солдат, на офицеров, легла на отделения, на взводы, на роты, легла на батальоны, на корпуса, на дивизии, на фронты. Она, конечно, легла на генералиссимуса. Меня упрекают в том, что я способствовал написанию иконы Сталина, которая вызвала массу нареканий. Но это — не икона Сталина. На иконе изображена Державная Богоматерь, покровительница России. Под образом Богоматери — великие маршалы Победы, и среди них — генералиссимус.

Ощущение войны как мистического одоления ада раем осталось в народе, оно выражается некоторыми священниками, духовидцами, но в целом оно не сформулировано, а живёт как ощущение, как предчувствие, как некая данность.

Конечно, в стиль «Сталин» входят построенные после войны восхитительные города, которые выглядят как музеи. Например, Минск — непередаваемой красоты город, который возник на руинах. Или Киев с его потрясающим мистическим центром — Крещатикум. Это, конечно, имперские города, напоминающие Парфенон или храм Афродиты, — города сталинского дизайна, которые надо отнести к феноменологии труда, сформулированной красными историческими философами, сталинистами как вершина красной эры.

То была безбожная пора, которая отвергла Господа. Но на место Господа был поставлен труд: «Владыкой мира станет труд». Труд, по мнению большевиков, должен был преобразить землю и превратить её в Царствие Небесное на земле. Труд проходит через всю философию сталинского века, через его технологии. Воплощением этих технологий и воплощением этой исторической философии является памятник «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной. Когда я проезжаю мимо этого памятника, то с его приближением чувствую появление серебряного зарева, сияния. Из этого сияния возникают две фигуры — мужчины и женщины, которые летят, как ангелы, богоподобные существа. И я нашёл трактовку этого памятника — то, что вложила в памятник великая Мухина, как она истолковала труд. Ведь Адам и Ева были изгнаны из рая за свершение первородного греха. И Господь напутствовал их словами: «Идите, трудитесь, в поте лица своего добывайте хлеб свой, плодитесь и размножайтесь». То есть труд был дан, с одной стороны, как кара, как возмездие согрешившим людям. А с другой стороны — как инструмент их спасения. Господь вменил им труд. И сама категория труда — божественна. Мы, осмысливая труд, понимаем, что это не просто способ заклывания гвоздей в доску. Это выполнение мессианского предназначения человечества. Человечество было, может, задумано природой, создано Господом для того, чтобы трудилось, трудилось и трудилось... И результатом этого труда должно быть преобразование не только Земли, но и Вселенной. С помощью труда мы должны штопать «чёрные дыры» Вселенной и воскрешать погасшие звёзды. «Рабочий

и колхозница» — это Адам и Ева, которые возвращаются в Царствие Небесное. Они держат в руках орудия своего труда, показывают Господу, чем трудились. Они совершили великий труд во всей своей земной истории. И взлетают в небеса. Это сталинская красная мифология, где труд становится крыльями, которые возносят ещё вчера падшее, ветхое человечество в райские кущи, о которых задумывались большевики.

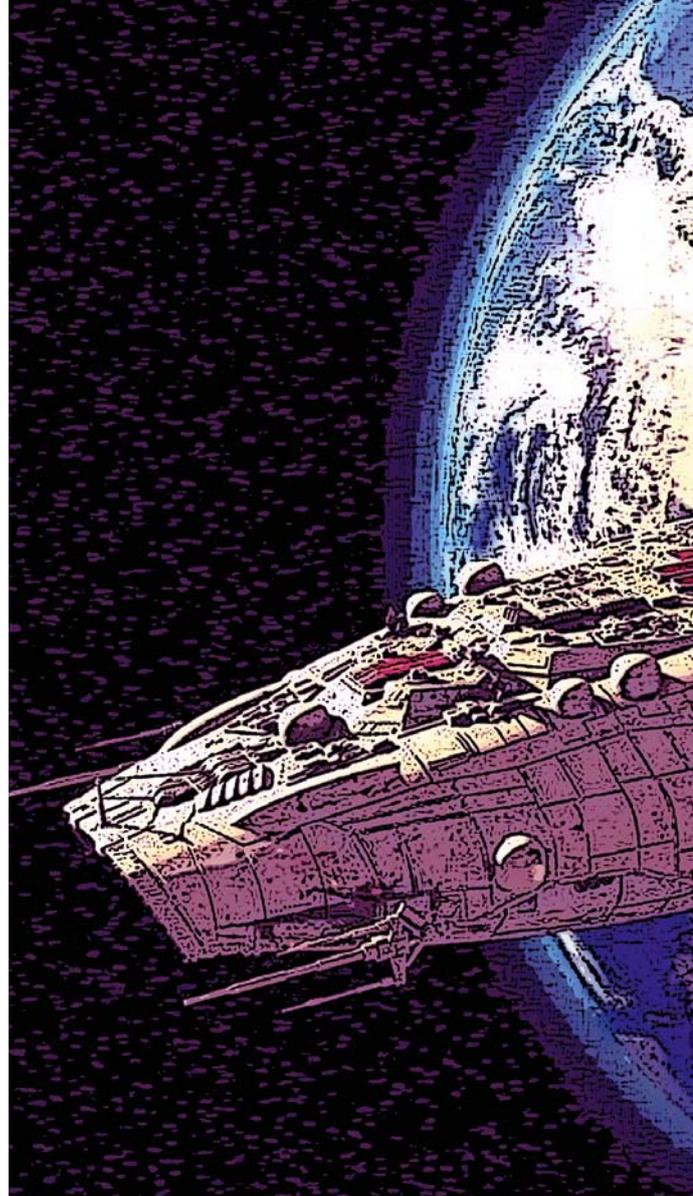
Сталин повелел в городах, разрушенных во время войны, строить обсерватории и планетарии. Он хотел, чтобы советские люди, которые пять лет смотрели только в землю: рыли окопы, траншеи, рыли могилы, глядели под ноги, ища былинку, которую можно было сорвать и съесть во время голода, — чтобы они подняли глаза и увидели звёздное небо. «Звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Ещё одним повелением Сталина было — сажать сады по всем городам. Это была его идея о райских садах. Когда ещё могилы не осели, когда ещё торчали печные трубы сожжённых деревень, он велел сажать сады.

Сталинский дизайн, сталинский Большой стиль — это не только пластика, не только образы. Это таинственное явление, которое живёт и теперь, когда Сталина давно уже нет.

Как объяснить неистребимость Сталина? Ведь десталинизация на протяжении всей нашей последней истории проводилась много раз. И проводилась не скальпелем, не изящно, её проводило государство всей своей мощью.

Первым десталинизатором был Хрущёв. Огромная машина государства была направлена на уничтожение образа Сталина. Его убрали из Мавзолея, его имя стиралось из истории, памятники были сброшены. Тогда, при Хрущёве, возник образ сатанинского правителя. И затем столько раз его вымарывали, стирали, вышвыривали из русского исторического контекста... А он являлся вновь и вновь. Это загадка: почему? На него не работали пропагандистские машины ни советского, ни нынешнего государства. Он являлся сам. Как является фреска, которую записывают поздними записями. Её замуровывают, кладут сверху слои извести — а она медленно, мучительно и неуклонно проступает.

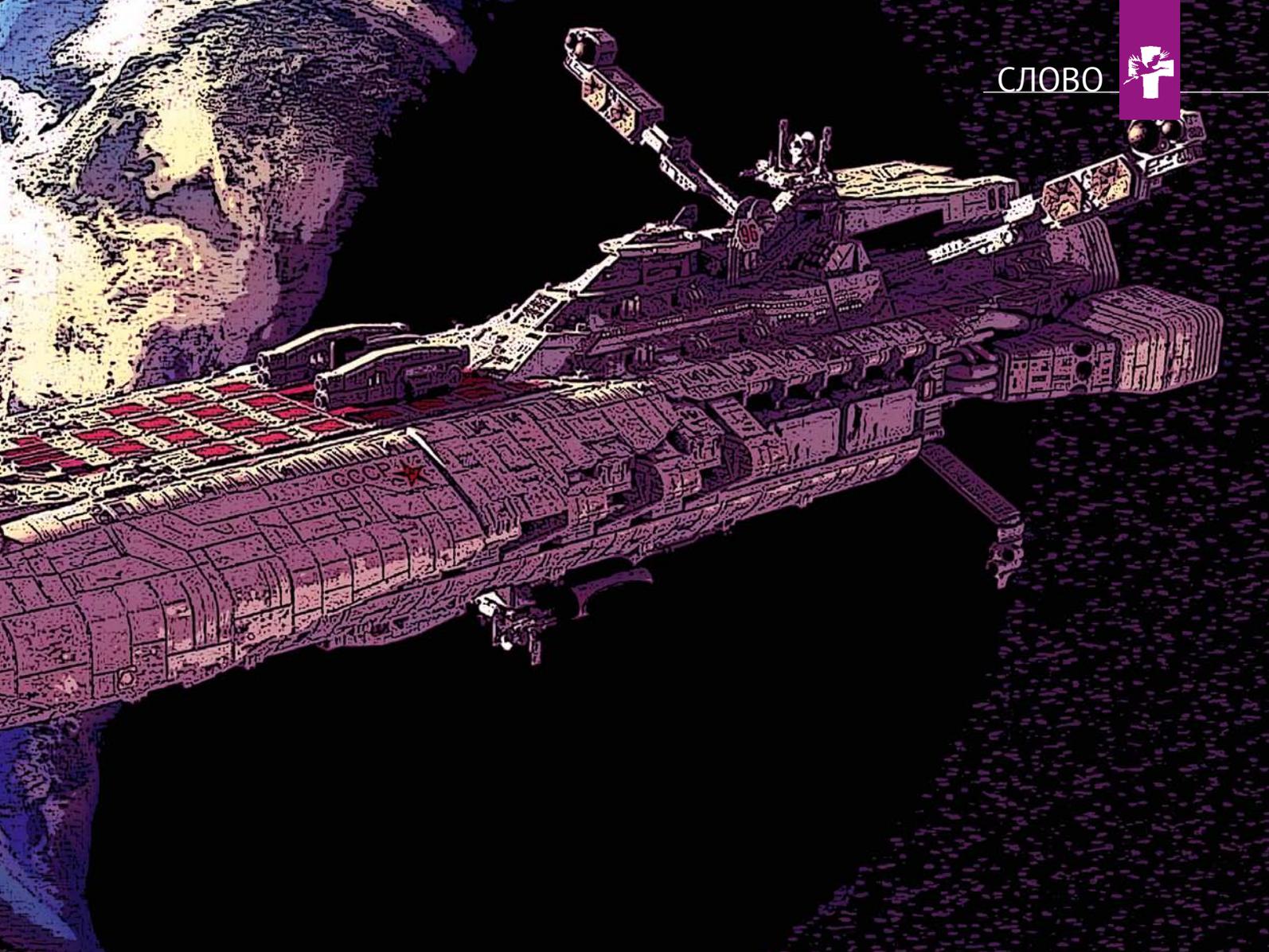
Что такое — возникновение Сталина, его постоянное всплытие, словно таинственной донной рыбы, Китеж-града? Это постоянное воспроизведение и типа государства, и типа общества, и типа лидера. Сталин возвращается,

вокруг имени Сталина ведётся острая и беспощадная полемика, вокруг него движутся целые вихри.

Спектакль Валерия Фокина о Сталине, поставленный в Александринском театре, по существу — антисталинский спектакль. И этот спектакль, как и многие другие формулы, исходящие из антисталинизма, есть не что иное, как продолжение пути Сталина. Мы хотим его уничтожить, отпихнуть, а он благодарит нас за то, что мы таким образом мостим ему дорогу. И он двигается, поскрипывание его сапог слышится уже повсюду.

Многие сталинисты стремятся поставить памятник Сталину: вот во дворе бюст, в коммунистическом офисе, в штабе... Это вызывает во мне чувство разочарования. Даже не потому, что эти бюсты не сравнить с гигантскими скульптурами Сталина на Волго-Донском канале или в Минске. Но сегодня воплотить образ Сталина традиционными формами скульптуры, живописи или музыки невозможно. Мне кажется, что Сталин, его сегодняшнее воплощение, его сущность поддаётся интерпретации с помощью каких-то кванто-

вых представлений о сущностях, о динамике. Сталин — это скорость света. И пусть найдётся скульптор, который изобразит скорость света. Пусть найдётся скульптор с квантовым мышлением и откажется от создания монументов — истуканов из камня или бронзы. Наша монументальная пропаганда грешит обилием таких памятников. То у нас Столыпин стоит, как столп, то императоры Александр II, Александр III... Это всё — эстетические рудименты. Пусть найдётся художник нового стиля — стиля «Сталин» или стиля «Путин» и осмыслит новую эстетику сегодняшнего мира, который меняет кожу и требует новых великих идей и представлений. И одна из этих новых, вечно старых идей — это идея, связанная с Русской мечтой.

Русская мечта — как глубинная таинственная, живущая в русской истории сила, ведущая народ через все пропасти, катастрофы, через все поражения, через победы, через все откровения. Русская мечта — в каждом из нас: и в левом человеке, и в правом, и в сталинисте, и в антисталинисте. Потому что она, Русская мечта, и создаёт нас как народ. Есть мечта,

и мы — народ. Исчезла мечта, и мы — не народ, мы — население: мы рассыпаемся, как пепел из горсти. Сколько народов исчезло потому, что они потеряли мечту! «Я — время, сметающее народы», — говорит Священное Писание.

Сталин — это одно из воплощений Русской мечты, это явление русской истории во всей её тысячелетней протяжённости.

Сталин — это всплеск русского времени, с вершины которого видна бесконечность.

Сталин — это циклотрон, разгоняющий государство Российское до сверхвысоких скоростей, направляющий русский удар в чёрное «яблочко» мирового зла.

Сталин является аксиомой русской государственности.

Глубинный, пятый Сталин сегодня назревает, как назревает среди русских снегов весна. Этот Сталин слышен, как слышен гул ещё не видимых вешних вод. Ясновидцы исчисляют «подлётное время», которое отделяет нас от появления пятого Сталина. Он явится внезапно, как пробуждение, — и всё кругом трепещет и светится, славя его появление. Так расточается тьма, уступая место заре.

/ Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО /

Глобальный кризис ВМЕСТО «КОНЦА ИСТОРИИ»

Доклад Изборскому клубу

Почти тридцать лет назад в американском журнале *The National Interest* (1989, № 16) было опубликовано эссе сотрудника госдепартамента США Френсиса Фукуямы «Конец истории?», где автор, на волне эйфории «коллективного Запада» от неизбежных последствий горбачёвской «перестройки», провозгласил полную и окончательную победу либерализма — победу, которая, по его мнению, навсегда отменит не только любые войны, революции и другие идейно-политические конфликты, но также, вместе с ними, — социально-экономические кризисы, сотрясавшие человечество и определявшие его историческое движение на протяжении многих тысяч лет. «То, чему мы, вероятно, являемся свидетелями, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления», — писал автор. В 1992 году, сразу после уничтожения СССР и мировой системы социализма, Фукуяма, к тому времени снискавший славу политического пророка, выпустил расширенную версию своего эссе в виде книги «Конец истории и последний человек» (уже без вопросительного знака, зато с обозначенной темой «последнего человека», которую мы рассмотрим ниже).

Концепция этого всеобщего либерального рая (или ада) продержалась на плаву очень недолго: по сути, до бомбардировок Югославии, которые начались 24 марта 1999 года (операция *Allied Force*, «Союзная сила»). А после «террористических атак» 11 сентября 2001 года, которые дали США повод для начала «упреждающих антитеррористических» операций по всему миру, уже всем, включая и самого Фукуяму (хотя его мнение к тому времени уже мало кого интересовало), стало ясно, что «конец истории» — по крайней мере, в его либерально-демократической трактовке, — не состоялся. Западная «цивилизация Фауста», давным-давно заключившая свою «сделку с дьяволом», наконец-то, после пяти веков безраздельного доминирования на этой планете, произнесла роковые для себя слова: «Остановись, мгновенье! Ты — прекрасно!» — и всё рассыпалось. Будущее — вместе с настоящим — утратило свою предопределённость и «однополярность», снова стало принципиально стохастическим (случайно-хаотическим) и непредсказуемым.

В отличие от уже весьма многочисленного корпуса «антикризисных» текстов, вклю-

чая опубликованный в конце 2017 года доклад сопредседателей Римского клуба Эрнста фон Вайцзеккера и Андерса Вийкмана «*Сome on!*», настоящая работа не имеет своей целью описать текущую ситуацию и возможные сценарии её дальнейшего развития — да это, исходя из приведённых выше вводных, вообще не представляется ни необходимым, ни возможным. Поставленная здесь цель носит принципиально иной характер и сводится к обозначению хотя бы самых приблизительных контуров ответа на один-единственный вопрос: достигло ли современное человечество границ своего системного развития, тех «пределов роста», за которыми неизбежно должна последовать пока неопределённая по своей длительности эпоха деградации и распада, с возможным переходом в другие цивилизационные формы, в том числе не-человеческие, — или же есть шансы такой катастрофической для нас перспективы избежать и где такие шансы следует искать? Иными словами, мы должны найти и по возможности описать те главные «аттракторы», которые будут определять — и уже определяют! — системную цивилизационную трансформацию человечества.

«КОНЕЦ ДЕНЕГ»

Если попытаться определить сущность нашей цивилизации одним-единственным «главным» словом, то самым точным определением в таком ряду, скорее всего, окажется словосочетание «цивилизация денег». Американский принцип: «субъект X стоит Y долларов» — давно распространился на весь мир, на все страны мира и на всех его обитателей: не только настоящих, но также будущих и прошлых. Обычно этот принцип трактуется как «монетизация человека», первая ступень его низведения к некоей «цифровой сущности». Но у него есть и обратная — не менее, а может быть, и более важная — сторона, которая, как правило, остаётся невидимой, словно обратная стороны Луны: придание деньгам субъектного статуса. Ведь если утверждение « $X = Y$ » верно, то, согласно всем законам формальной логики, должно быть верным и обратное утверждение: « $Y = X$ ».

Именно к феномену денег как некоей «высшей ценности» сводятся сегодня практически все действия и, соответственно, бездействия подавляющего большинства наших современников. То есть именно этот, а не какой-либо ещё феномен является «точкой отсчёта» для описания и понимания совокупности

процессов, происходящих в рамках данной цивилизации.

Тем удивительнее, что у феномена денег до сих пор отсутствует его «ноумен», и в результате данный феномен воспринимается только эмпирически и функционально, через его многочисленные проявления, а на его осмысление наложено своеобразное табу и отсутствует, условно говоря, теория денег — во всяком случае, в варианте открытого для всех, а не какого-то тайного, «сакрального» знания.

В лучшем случае из энциклопедий и учебников можно узнать, что деньги представляют собой «всеобщую меру стоимости» для иных феноменов: как материальных (товары), так и идеальных (услуги), и — внимание, манифестация субъектности! — **«обладают (надо понимать, сами? — Авт.) возможностью напрямую на них обмениваться»**. Следующим шагом, как правило, становится уже описание функций данного феномена — уже с втихомолку приписанным ему статусом субъектности: главных и второстепенных, а также их соотношения между собой.

При этом из сферы внимания — и, соответственно, изучения — полностью исключаются важнейшие проблемы как сущности (природы) феномена денег, так и его мерности. В данной связи весьма показательны слова Уильяма Гладстона, в 1868–1894 гг. четырежды занимавшего пост премьер-министра Британской империи: «Даже любовь не свела с ума стольких людей, сколько мудрствования о сущности денег». Вряд ли эта сентенция хотя бы в малой мере соответствует действительности, зато она прекрасно соответствует негласному «табу» на попытки осмыслить деньги в качестве ноумена, а не феномена.

Если верить другому выдающемуся представителю «западной» цивилизации, немецкому философу Иммануилу Канту, «в каждом отделе естествознания лишь столько настоящей науки, сколько в нём математики». Применительно к феномену денег, к его проявлениям и к его моделированию в разных сферах экономики, — кажется, что математики не просто много, а очень много, запредельно много. Такой «феноменологической» — и весьма качественной! — математикой забиты тысячи профильных журналов, все учебники экономики и монографические исследования, за неё дают академические звания и присуждают нобелевские премии. Но вопрос о математике применительно не к феномену, а к ноумену денег, к деньгам как «всеобщей мере стоимо-

сти», — не ставится и, насколько известно, даже никогда не ставился: из-за отсутствия (или, вернее, «табуированности» и вытекающей из неё «невидимости») самого ноумена.

Между тем, например, проблема мерности денег — впрочем, как и всякой мерности, — это, прежде всего, математическая проблема. И для неё, в рамках современной математики как науки, есть весьма ограниченный выбор принципиально допустимых решений, из которых лишь несколько (а в пределе — вообще только одно) может быть верным. Феномен денег в разных приближениях и проекциях можно представлять в качестве и скалярной (имеющей только числовое значение — например, «сто рублей»), и векторной (имеющей числовое значение и направление — например, «дать сто рублей взаймы»), и тензорной (имеющей числовое значение, направление и различные валентности — например, «перенаправить финансовые потоки») величину.

Проблема здесь не только в том, что деньги оказываются принципиально многомерным феноменом с пока неопределённой высшей мерностью. Проблема здесь ещё и в том, что приведённая выше формула «монетизации человека» $X = Y$ обладает свойством «зеркальности», только если обе эти величины, «X» и «Y», остаются величинами скалярными. Уже в векторной системе измерений из верности утверждения $X \rightarrow Y$ вовсе не следует «зеркально верное» $Y \rightarrow X$. Понятно, что с увеличением степени мерности такая асимметрия нарастает в режиме функции « $1/2$ факториала»: т. е. в двумерной системе координат существует только один тип асимметрии, в трёхмерной — три, в четырёхмерной — уже 12, в пятимерной — 60 и так далее.

Следовательно, субъект, оперирующий феноменом денег в некоей его «мерности n», имеет гораздо большие возможности, чем субъект, оперирующий тем же феноменом в «мерности n — 1», но несравненно меньшие, по сравнению с теми, которые открываются при возможности оперировать в «мерности n+1», не говоря уже о более высоких мерностях (если согласиться с гипотезой, согласно которой данный феномен может выходить за границы «обычной» трёхмерной системы координат).

Что касается сущности (природы) денег, то изначально деньги действительно использовались в качестве универсального обменного товара, который обладал вполне определённым «функционалом», т. е. набором «товарных» свойств и качеств: стабильностью, делимостью и слитностью, лёгкой верифицируемостью,

относительной редкостью, универсально высокой ценностью и т.д. Товары, максимально соответствующие данному «функционалу», рассматривались как «природные деньги», и в их качестве чаще всего и почти повсеместно использовались так называемые благородные металлы, прежде всего — золото и серебро, которые долгое время добывались человеческими сообществами в весьма ограниченных, но тем не менее более-менее достаточных для торговых и прочих операций количествах. Впрочем, в отдельных местах и «на коротких дистанциях» в качестве денег использовались другие металлы и сплавы (медь, бронза, латунь и другие) или даже не-металлические предметы (раковины, куски кожи или шкуры животных, некоторые растения и т.д.).

Эта исторически первая «товарно-функциональная» трактовка природы денег в определённой мере не только дожила до наших

дней, но и, в условиях глобального системного кризиса, в том числе — финансово-экономического, фактически переживает сегодня второе рождение. Что, в свою очередь, сопровождается, например, массированными закупками «физического» золота рядом национальных центробанков, а также решением МВФ о возврате золоту статуса полноценного и полноправного платёжного средства в составе банковских резервов (об этом — чуть ниже).

Второй по хронологии трактовкой природы денег стало их понимание как некоей временной («Время — деньги!») функции стоимости, производной от человеческого труда, в том числе — труда отчуждённого и присвоенного уже в качестве капитала. Наиболее полно и глубоко эта трактовка была обоснована в работах Карла Маркса. Тем самым получила теоретическое и этическое оправдание уже обычная и почти повсеместная к середине

XIX века финансовая практика использования «бумажных» банкнот, не имеющих, в отличие от «настоящих» денег, вообще никакой собственной (внутренней) потребительской стоимости — использовать их каким-либо иным образом (если не считать коллекционирования) нельзя.

И «подсказку» величайшего философа-революционера Маркса насчёт временной природы денег его формальные оппоненты из числа владельцев крупного финансового капитала за последние полтора века использовали по максимуму, подключив в обеспечение эмитируемого ими объёма денежной массы не только все создаваемые товары и услуги текущего цикла производства/потребления, но и будущих, предполагаемых таких циклов, причём эти «активы» ушли далеко за горизонт видимого будущего, как правило, определяемого в 25–30 лет, срок активной жизни одного человеческого поколения. Никого уже не удивляют ценные бумаги со сроком погашения в сто лет, показатели P/E (капитализация/прибыль) по корпоративным акциям свыше 150 и отношение общей денежной массы (L0) к глобальному ВВП с «плечом» более 200.

Такая запредельная «монетизация будущего» (Future is money вместо Time is money), собственно, и позволила создать современную «цивилизацию денег», продлив существова-

ние «капиталистического» способа производства/потребления вплоть до нынешнего дня. Начиная с 1971 г., когда был де-факто отменён золотой стандарт доллара США, мировая финансово-экономическая система начала жить в долгу у собственного будущего, с помощью фьючерсов и других «дериватов» активно «монетизируя» любые будущие активы: недобытую нефть, непостроенные дома, несобранные автомобили и так далее, — вплоть до несостоявшихся природных катастроф и прочих страховых случаев.

Но эта же сверхуспешная «монетизация будущего», предпринятая на основе концепта временной природы денег, привела всё человечество к грани цивилизационной катастрофы, сопоставимой разве что с катастрофой примерно десяти тысячелетней давности, когда невероятные успехи вооружённых копьями, луками и огнём кроманьонцев в деле охоты на крупных млекопитающих привели к резкому сокращению «кормовой базы» для вида *Homo sapiens*, который, согласно всем законам биологии, должен был резко сократить свою численность в рамках нового экологического баланса доступных «пищевых пирамид». Так оно в общем-то и случилось. Но часть наших предков, ничего не зная про эти и другие законы природы, тем не менее опытным путём нашла принципиально иной выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. Этот выход, который

впоследствии получил название «неолитической революции», заключался в коренном изменении доминирующего способа производства/потребления, с переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, усложнению инструментов труда, возникновению ремесёл, торговли и связанного с нею феномена денег.

Сегодня же, наблюдая за метаморфозами данного феномена, мы с высокой степенью уверенности можем сказать о том, что его ноумен имеет не вещественную (и, соответственно, — не энергетическую), не временную, а сугубо информационную природу. Деньги как ноумен являются «информационным пакетом» особого вида: не более, но и не менее того.

И главная проблема сегодня заключается в том, что данный «информационный пакет» чрезвычайно близок к «точке сингулярности». Это касается как его общего объёма, исчисляемого астрономической цифрой порядка квадриллиона (10^{15}) долларов, так и его структуры, более чем на 95% состоящей из неverified информации, своего рода «белого шума». Для иллюстрации этого тезиса достаточно привести историю обменного курса американского доллара к советскому и российскому рублю. В 1989 году официальный обменный курс составлял около 60 копеек за доллар, в настоящее время он колеблется в диапазоне 63–65 рублей за доллар, то есть рубль за последнее тридцатилетие в результате множества потрясений «ослабел» по отношению к доллару примерно в сто раз. Но покупательная способность российского рубля 2019 года по отношению к советскому рублю 1989 года составляет уже примерно 300 к 1 — иными словами, реальная инфляция «деревянного» рубля оказалась за эти годы в три раза ниже, чем у формально «стабильного» и «вечнозелёного» доллара, который устойчиво используется для оценки ВВП и других экономических показателей по всему миру. При этом официальная инфляция доллара за тот же период составила всего 97%.

Иными словами, современные деньги, фактически полностью «привязанные» к доллару США, утратили свою главную функцию: функцию «меры стоимости», восстановить которую через устроенный каким-то особым образом возврат к «золотому» стандарту — принципиально невозможно.

В этой связи решение Банка международных расчётов (БМР) в Базеле по программе «Базель III», согласно которому банки с 29 марта 2019 года получили право, а с 2022 года — обя-

занность учитывать золото в составе собственного капитала по его 100%-ной «рыночной» цене (I категория активов) вместо 50%-ной (III категория активов), как это было ранее, выглядит своего рода жестом отчаяния, эдаким «луддизмом центробанков».

Понятно, что страны, которые в настоящее время являются крупными держателями «царского металла», благодаря этому решению смогут существенно увеличить размер своих балансов. Так, США, с их официально самым большим в мире золотым запасом 8133,5 тонны получают «золотую ренту» в размере около 170 млрд долл. Вроде бы и мелочь по сравнению с их торговым дефицитом и федеральным долгом, но, учитывая американский «финансовый мультипликатор», находящийся около 30-кратной отметки, это равносильно одномоментному «впрыскиванию» в американскую экономику примерно 5 трлн долл., что во многом (хотя и далеко не полностью) объясняет неожиданное на первый взгляд мартовское «торможение» ФРС в деле повышения своей учётной ставки при сохранении курса на снижение баланса.

То же самое справедливо и для других «золотых» государств, обладающих запасами физического золота в размере более тысячи тонн: Германии, Италии, Франции, России, Китая и Швейцарии. Кстати, для РФ «золотой бонус» составит примерно 45 млрд долл., или 2,96 трлн рублей.

Но в глобальном масштабе такой «золотой допинг» позволит разве что снизить объём и концентрацию «супертоксицидных» обязательств — и понятно, что ненадолго и с небольшой эффективностью. Это, по сути, «последний резерв Ставки Верховного главнокомандующего», брошенный в бой, который уже нельзя выиграть.

Конечно, первые тактические последствия такого решения окажутся позитивными и поддержат мировую экономику — если не считать ускоренного роста цен на физическое золото вследствие возникновения повышенного спроса на данный актив. Следовательно, у лондонского «золотого пула» рано или поздно не хватит реального, физического металла для покрытия спроса, а сделки с «бумажным» золотом, ныне составляющие 90% данного рынка и позволяющие много лет держать цену в диапазоне 1200–1400 долл. за тройскую унцию (31,1035 г), рухнут. Есть основания предполагать, что уже к осени текущего года унция золота будет торговаться в диапазоне 1800–2000 долл. А как только цена «чёрного золота», выражен-

ная в золоте «обычном», окажется ниже одного грамма за баррель (сейчас получается примерно 1,627 грамма), нефть начнёт стремительно дорожать в долларовом эквиваленте, что, в свою очередь, неизбежно должно привести к обвалу всей мировой экономики и, соответственно, к «гиперинфляционному шторму», поскольку удержать нынешние 85% долларовой массы в рамках «виртуального сектора» уже точно не получится — даже при отрицательных процентных ставках центробанков и в условиях практически бесконтрольной эмиссии ими денежной массы и деривативных финансовых инструментов.

Точно так же пока несостоятельными оказались попытки изменить сам «информационный пакет» современных денег при помощи технологий «электронных валют» и «криптовалют»; прежде всего — из-за фактической анонимности и вытекающей из неё безответственности эмитента, который к тому же пытается установить полный контроль над этими «информпакетами», блуждающими в пространстве глобального рынка.

Так или иначе приходится констатировать предсмертную агонию денег — одного из самых фундаментальных институтов человеческой цивилизации, имеющего многотысячелетнюю историю. «Конец денег» сегодня — не яркий образ и не фигура речи, а почти неизбежная реальность самого ближайшего будущего.

«КОНЕЦ ЭКОНОМИКИ»

Вместе с «концом денег» неизбежным видится и наступление «конца экономики», поскольку современная «либерал-монетаристская» матрица предполагает «на выходе» не хлеб, не автомобиль и не дом, и не какие-то иные товары и услуги, имеющие реальную потребительскую ценность, а ПРИБЫЛЬ, выраженную, конечно же, в денежной форме. Но, поскольку эту прибыль из-за «конца денег» становится невозможным ни точно рассчитать, ни точно определить, ни, соответственно, правильно использовать в дальнейшем, процесс производства/потребления теряет и свою цель, и свой смысл, и вообще выпадает из той системы координат, в которой он ранее существовал, словно выброшенный на берег кит.

Тем более что в целях «максимизации прибыли здесь и сейчас» столь же максимально, запредельно сокращаются любые расходы: от налогов, которые прячутся в «офшорные» юрисдикции, до «одноразовых» автомобилей

и уничтожения окружающей среды. Иными словами, потенциальные ресурсы, которые находятся в распоряжении человечества, «выедаются» ускоренными темпами, несмотря на все мантры об «устойчивом развитии», «охране природы» и прочей «зелёной экономике».

Прошедшие на наших глазах истории «сланцевой революции» или хищнической добычи углеводородов в России в 90-е годы прошлого столетия наглядно показывают, что для нынешнего способа производства/потребления рациональное использование природных ресурсов остаётся или пустым звуком, или оружием конкурентной борьбы. Реальный КПД таких вариантов «нефтегазодобычи» составляет примерно 20–40% от оптимального, зато позволяет получить 60–80% потенциального финансового потока в кратчайшие (от 3 до 7 лет вместо 20–25) сроки. Только для России и только в сфере добычи углеводородов потенциальные потери за четверть века «рыночных реформ», то есть конвергенции с «глобальным рынком», оцениваются на уровне 3–3,5 трлн долл.

«Зелёные» солнечные панели в Калифорнии появляются благодаря возникновению ядовитых «редкоземельных» ландшафтов в Китае, поверхность Мирового океана покрывают растущие «мусорные континенты», а чистая вода и даже чистый воздух медленно, но верно переходят в разряд всё более ощутимого «товарного дефицита».

Всё это уже со второй половины 60-х годов прошлого века начало проявляться в виде различных кризисов: энергетического, экологического, продовольственного и так далее. Но до тех пор, пока кризис не ударил по миру финансов, его предпочитали не замечать и замалчивать, а после того, как это после краха банка Lehman Brothers стало невозможным, — залить новыми триллионами долларов. В результате вся человеческая цивилизация, по сути, работала и продолжает работать «на свалку и пустыню». Но, пока эти кризисные явления не затрагивали собственно финансовую сферу, они не могли восприниматься системно, как различные, но взаимосвязанные части одного целого.

Собственно, даже сейчас, через 10 лет после краха 2008–2009 годов, такое восприятие отсутствует, а симптомы болезни пытались и пытаются излечить путём усугубления её причин — непрерывным увеличением денежной массы путём «количественного смягчения» (Quantitative easing, QE). В результате возникает система с положительной обратной связью, степень структурного хаоса в пределах которой

стремительно нарастает по модели «взрыва сверхновой звезды», с «горизонтом событий» в 25–30 лет, за которым будущее просто перестаёт «монетизироваться», как не способен коксоваться уголь несоответствующего качества.

Комплекс ценностей и целей, оформленный в знаменитом докладе того же Римского клуба «Пределы роста» от 1972 года, предусматривал из 12 вероятных сценариев будущего только три «оптимистических», при которых человечество не деградировало и не самоуничтожалось. При этом в каждом из них как обязательный элемент присутствовало ограничение рождаемости для стабилизации, а в идеале — сокращение численности населения планеты. Двумя другими фундаментальными инструментами признавались ограничение капитальных инвестиций и контроль загрязнений, что требовало создания единого глобального контролируемого рынка в рамках «конвергенции» двух мировых социально-политических систем: капиталистической и социалистической.

«Образцово-показательный» практический пример такой «конвергенции» продемонстрировало так называемое объединение Германии в 1990 году, остальные же составляющие дан-

ного процесса оказались ещё более спорными и свелись к деиндустриализации и депопуляции «конвергированных», а на деле — поглощённых «глобальным рынком» государств и обществ социалистической системы. Отдельный случай представляет собой начатая ещё в 1979 году «конвергенция» Китайской Народной Республики, сохранившей свой политический суверенитет и за 30-летие 1989–2018 гг. ставшей новой «мастерской мира», со среднегодовым темпом роста ВВП на 8,8%. Китайскую модель во многом удалось задействовать также сожжённому американскими напалмом и дефолиантами социалистическому Вьетнаму. Но это — лишь исключения, подтверждающие общее правило.

В целом же за последние полвека (1 января 1969 года — 1 января 2019 года) население нашей планеты увеличилось с 3,608 до 7,678 млрд человек, т.е. на 4,07 млрд человек, или в 2,128 раза, номинальный мировой продукт (Grand World Product, GWP), согласно данным МВФ, вырос более чем в 25 раз, с 3,4 почти до 80 трлн долл., реальный (в постоянных ценах 1969 года) — в 2,3 раза, до 7,381 трлн долл., а с учётом растущей доли виртуального сектора

в глобальной экономике можно сделать вывод о том, что реальное производство/потребление товаров и услуг в среднем на душу населения практически не увеличилось (прирост составил всего 8% за 50 лет), зато стало куда менее равномерным: «верхние» 10% мирового населения сейчас ежегодно получают примерно в 1,5 раза большую часть GWP, чем 50 лет назад (33,4% против 23,7%), а «нижние» — почти в 3 раза меньше (1,1% против 3,5%).

Причём этот процесс, согласно данным отчёта МВФ 2018 года «Построение единого будущего», происходит на фоне снижения межстрановых и роста внутристрановых показателей неравенства¹. Иными словами, в целом богатые во всём мире продолжают богатеть, а бедные — беднеть. При этом уровень жизни

примерно 60% населения Земли стал ниже, чем был в 1969 году, когда денежная масса оставалась ещё — пусть формально — привязана к золотому носителю, а матрица «глобального рынка» только создавалась.

При этом объём международной торговли вырос с 375 млрд долл. (около 11,03% GWP) в 1969 году до 18,1 трлн долл. (22,65% GWP) по итогам 2018 года, то есть в 48,2 раза по номиналу, или в 4,46 раза в ценах 1969 года. Ещё более существенными в данной связи являются сразу два обстоятельства. Первое заключается в том, что степень автаркии (несвязности) мировой экономики в целом за эти полвека существенно снизилась: с показателя 9 до 3,4. А второе — в усилении анизотропии (неоднородности) пространства мировой торговли.

¹ <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2018/eng/assets/pdf/imf-annual-report-2018-ru.pdf>

Если взять Тор-20 крупнейших экономик — участниц мировой торговли 2017 года (данные за 2018 год пока не верифицированы), то сводная таблица их показателей будет выглядеть примерно следующим образом.

Как можно видеть по приведённым в табл. 1 данным, среди Тор-20 лидеров мировой торговли шесть: США, Япония, Великобритания, Испания, Индия и Канада, — являются ярко выраженными (отрицательное сальдо больше 5% от общего объёма экспортно-импортных операций) импортёрами; а восемь: КНР, Германия, Италия, Сингапур, Тайвань, Россия, ОАЭ и Швейцария, — столь же ярко выраженными (положительное сальдо больше 5% от общего объёма экспортно-импортных операций) экспортёрами. Итого значительный торговый дисбаланс имеют 14 из 20 крупнейших торговых экономик мира. В то же время сбалансированной структурой торговых операций (менее 1% в ту или иную сторону) обладает одна только Бельгия. Такой «разнос» в условиях современной «глобальной» экономики является своего рода «новой нормой», поскольку, с небольшими вариациями по странам, наблюдается на протяжении уже нескольких десятилетий и продолжает нарастать, что было бы — ведь любая разбалансировка внутри системы ведёт к её краху — совершенно невозможным без наличия каких-то дополнительных компенсаторных механизмов на уровне уже не торгового, а общего платёжного баланса.

Совокупный внешний мировой долг за последние 50 лет вырос более чем в 10 раз относительно к объёму GWP, а по номиналу — почти в 240 раз. В 1969 году он составлял около 31% GWP, то есть чуть более 1 трлн долл. А за 2018 г., по данным межбанковского Института международных финансов (Institute of International Finance, IIF), этот показатель увеличился на 3,3 трлн долл., до 243 трлн долл. (317% GWP). Из них на долю государств приходится 64,5 трлн долл., на долю нефинансового сектора экономики — около 72 трлн долл. и на долю финансового сектора — 59,8 трлн долл., долги домохозяйств составили 46,2 трлн долл. Иными словами, каждый доллар роста GWP оплачивался в ушедшем году примерно 1,1 доллара прироста глобального внешнего долга. И это — далеко не рекорд, скорее напро-

№ п/п	Название страны	Экспорт	Импорт	Сальдо торгового баланса
1.	КНР	2157	1731	+ 426
2.	Германия	1576	1104,6	+ 471,4
3.	США	1401	2352	- 951
4.	Япония	683,3	766,6	- 83,3
5.	Республика Корея	552	514,2	+ 37,8
6.	Франция	541,4	524,4	+ 17
7.	Гонконг	540	520,6	+ 19,4
8.	Нидерланды	526,1	477,8	+ 48,3
9.	Италия	499,1	435,8	+ 63,3
10.	Великобритания	436,1	782,5	- 346,4
11.	Канада	433,4	471	- 47,6
12.	Мексика	406,3	417,3	- 11
13.	Сингапур	396,3	309,7	+ 86,6
14.	Тайвань	344,8	272,4	+ 72,4
15.	Швейцария	337	286,7	+ 50,3
16.	Россия	336,8	212,7	+ 124,1
17.	ОАЭ	314	241,3	+72,7
18.	Бельгия	309	306,1	+ 2,9
19.	Испания	301,3	431	- 129,7
20.	Индия	299,6	467,5	- 167,9

Таблица 1.

Экономики Тор-20 мировой торговли 2017 года (в млрд долл.)

тив: годом ранее, в 2017 году, прирост глобального долга составил 21 трлн долл. при росте GWP всего на 1,08 трлн долл. Особенно остро это проявилось в американской экономике, что во многом послужило «звоном погребального колокола» для политики «количественного смягчения» со стороны ФРС США и для начала повышения ею своей учётной ставки.

Если сравнить приведённую выше таблицу с Тор-20 стран — кредиторов США на 1 февраля 2019 года², то в нём, помимо «плюсовых» КНР (1-е место по экспорту, 1-е место в запасах «трежерис»), Германии (2/20), Ирландии (23/5), Бразилии (26/3), а также «минусовых» Японии (4/2) с Великобританией (10/4), окажутся такие сугубо «финансовые» юрисдикции, как Люксембург (63/7, европейский офшор) и Каймановы острова (167/9, британский офшор).

2 <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>

Отсюда можно сделать вывод, что реальные торговые и финансовые потоки даже на государственном уровне (не говоря уже про уровень корпоративный) в чрезвычайной степени «разведены» между собой, и в случае каких-либо серьёзных потрясений нынешнего «глобального рынка» ситуация в мировой экономике окажется немногим лучше ситуации 90-х годов для «постсоветских экономик», в том числе и российской, когда на пике спада наблюдалось сокращение реальных объёмов производства/потребления в диапазоне 40–50%.

Данный вывод подтверждается и данными по чистой международной инвестиционной позиции (Netto International Investment Position, NIIP) — показателю, который представляет собой разницу между официальными совокупными внешними обязательствами и внешними активами страны.

Здесь также наблюдаются гигантские дисбалансы. Первая десятка экономик-«должников» (в трлн долл.) по абсолютному размеру выглядит следующим образом: США — 8,1, Испания — 1,0, Австралия — 0,74, Бразилия — 0,72, Ирландия — 0,52, Мексика — 0,48, Индия — 0,37, Франция — 0,37, Турция — 0,35, Италия — 0,33. А вот, для сравнения, Топ-10 экономик-«кредиторов»: Япония — 3,07, Германия — 1,8, КНР — 1,75, Тайвань — 1,18, Гонконг — 1,18, Швейцария — 0,84, Норвегия — 0,73, Сингапур — 0,64, Саудовская Аравия — 0,59, Великобритания — 0,57. Россия в списке экономик-«кредиторов», состоящем всего из 25 государств, занимает достаточно высокое 13-е место с показателем +227 млрд долл.

Максимальное в новейшей истории отношение совокупного государственного внешнего долга к GWP было зафиксировано в 1946 году и составляло 148%, сейчас оно находится на уровне примерно 80%. Но тогда промышленность, сельское хозяйство и финансовый сектор внешних долгов, в отличие от нынешней ситуации, практически не имели. Понятно, что все эти долги современные государства, корпорации, отдельные домохозяйства и человечество в целом имеют не перед какими-то «инопланетянами», а друг перед другом. Но эти долги выражены в денежной форме, по преимуществу — долларовой, которая, как отмечено выше, приобрела достаточно «пластилиновый», если не «текучий» или даже «газообразный», вид и стремится вообще к «улетучиванию». В результате как глобальный, так и текущий учёт и взаимозачёт этих долгов, подобно учёту прибылей/убытков, становится не только всё

менее точным, но и всё менее возможным. Уже упомянутая выше «сланцевая революция», когда в добычу нефти и газа из низкопроницаемых коллекторов (tight oil&gas, TOG) вкладывались десятки и даже сотни миллиардов долларов на основании того, что финансовые потоки от пиковой нефтегазодобычи покрывали сумму текущих платежей — пусть даже с неким дальним прицелом на демпинг и захват контроля над мировым рынком углеводородов, — это, конечно, уже явный перебор рисков, но перебор, выражающий всю логику развития нынешнего «глобального рынка». Игра в крокет свернувшись ежами вместо мячей и молотками из живых фламинго, описанная Льюисом Кэрроллом в книге «Алиса в Зазеркалье», выглядит далеко не верхом абсурда по сравнению с нынешней глобальной финансово-экономической ситуацией.

Человечеству в его нынешнем виде для гарантированного самоуничтожения даже не понадобится ядерная война — ему достаточно просто продолжать жить по-прежнему: «как раньше», «как всегда». И, соответственно, продолжать культивировать нынешнюю экономическую модель. Но, напомним, речь идёт не просто о замене одной модели «денежной» экономики на другую: скажем, с биметаллической на фидуциарно-фиатную, а о переходе к принципиально новому типу экономики — «постденежной», в рамках которой будут учитываться и оцениваться не только определённый комплекс транзакций внутри общества и между разными обществами, но и транзакции в системе «общество–природа». Экономика должна «разомкнуться» за пределы человечества и превратиться в качественно иную систему, которую можно назвать «синергономикой» (от греч. συνεργία — «содействие», «соучастие»), то есть наукой и практикой гармоничного взаиморазвития природы и общества. Или же «коллапсировать» в «чёрную дыру» — вместе со всей современной цивилизацией.

Тем самым сегодня можно говорить о конце «присваивающей», «неолитической» экономики, чей возраст и традиции начитывают более десяти тысяч лет, о переходе всего человечества от неолита, эпохи «новых камней» (от греч. νέος — «новый» + λίθος — «камень»), к ноолиту (от греч. νοῦς «разум» + λίθος — «камень»), эпохе «разумных камней», что очень точно соответствует полупроводниковой «начинке» современных компьютеров. Вопрос только в том, сохранится ли при этом само человечество в его традиционном понимании?

«КОНЕЦ ЧЕЛОВЕКА»

Независимо от расы, культуры, вероисповедания и других отличий между собой, все мы, люди, принадлежим к популяции одного биологического вида, который по латыни именуется *Homo sapiens*, «человек разумный», и даже более того — одного подвида *Homo sapiens sapiens*: двуполых двуногих и двуруких теплокровных позвоночных млекопитающих существ с аномально большим, сравнительно с другими известными нам биологическими видами, головным мозгом.

Данные генетических исследований утверждают, что люди современного биотипа («Y-хромосомный Адам» и «митохондриальная Ева») появились 150–200 тысяч лет назад. И нам до сих пор неизвестны имеющие иную, чем *Homo sapiens*, природу системы, способные обладать свойством самосознания (самоотражения) и, соответственно, статусом субъектности.

Иными словами, человеческая цивилизация, во всех её социальных, общественных проявлениях, строилась исключительно на биологическом фундаменте вида «человек разумный», а потому носила и до сих пор носит исключительно антропогенный и антропоцентричный характер. Однако уже в обозримом будущем эта ситуация может полностью измениться.

Всё то, что до сих пор считалось в лучшем случае проявлением беспредельной человече-

ской фантазии, раскрываясь, как правило, через различные системы художественных образов, от фольклора и религиозных мифов до science-fiction, и принадлежало по преимуществу к сфере эстетического познания, — не сегодня-завтра благодаря научно-технологическому прогрессу может стать объективной, предметной и массовой реальностью: своеобразным «концом человека» не только в его традиционно уникальном статусе субъекта, но и, соответственно, в самом прямом, физическом смысле.

Весь спектр последствий подобного перехода пока даже нельзя адекватно представить, поскольку и с теоретической, и с практической точки зрения множественная эволюция «диссипативных», по терминологии И.Р. Пригожина, систем такого уровня выглядит уникальным событием — сравнимым, например, с такими событиями, как «Большой взрыв» в истории нашей Вселенной, зарождение жизни на Земле, «кембрийский взрыв» многоклеточных организмов или же сам антропогенез.

Подавляющее большинство современных философов и футурологов пытаются моделировать дальнейшее развитие сообщества субъектных систем при помощи терминов «трансчеловечество», «постчеловечество» или «альтчеловечество», часто используя эти термины как синонимы «не-человечества» и одновременно — как антонимы по отношению к человечеству «традиционному». Столь

явная неупорядоченность терминологии свидетельствует, прежде всего, о том, что данная проблематика до сих пор даже не сформулирована в корректном с точки зрения науки виде.

Являются ли конфликты «традиционного» человечества с разными «не-человечествами» будущего: как всеми вместе, так и каждым из них по отдельности, или же конфликты между разными типами «не-человечеств» — неизбежными или, напротив, невозможными? Необходимо ли полное табу на научно-технологические эксперименты в данной сфере, так и полная, ничем не ограниченная свобода для них.

Повторим, что целью настоящего доклада является поиск и, по возможности, максимально полное описание главных аттракторов системной трансформации человеческой цивилизации. С этой точки зрения необходимым представляется не только различение и классификация технологических магистралей «дегуманизации» человечества, но и закрепление за ними соответствующих терминов.

То есть развитие технологий человеческой цивилизации достигло такого уровня, на котором стали принципиально возможными следующие направления социальной эволюции, которые можно назвать «неосоциогенезом».

«**Трансчеловечество**» — результат направленных изменений вида *Homo sapiens* и, возможно, других биологических видов путём использования технологий «генной инженерии».

«**Альтчеловечество**» — «субъектная» интеграция систем организма *Homo sapiens* и, возможно, других биологических видов с неорганическими компонентами нано-, микро- и макромасштабов.

«**Постчеловечество**» — создание искусственных систем, обладающих свойствами самосознания, самоотражения и саморазвития как минимум на сопоставимом с *Homo sapiens* и человеческими сообществами уровне без использования биогенных элементов.

Разумеется, возможны и различные комбинированные варианты применения подобных «субъективирующих» технологий.

Период 2017–2018 годов с этой точки зрения можно считать настоящей «зоной бифуркации вокруг аттрактора». Даже с учётом возможной «фейковой» составляющей приведённых ниже сообщений ясно, что «дыма без огня» не бывает.

«В начале ноября 2018 года в Китае родились первые генетически модифицированные дети. Вмешательство в их геном на стадии эмбриона сделало двойняшек, получивших имена Лула и Нана, невосприимчивыми к ВИЧ».

«В 2018 году более 3,5 тысячи граждан Швеции добровольно записались на чипирование; подкожный чип, вживляемый с помощью специального пистолета между большим и указательным пальцем, позволит объединить в одном устройстве кошлёк, проездной на метро, поезд, пропуск от офиса и ключи от квартиры».

В мае 2017 года «искусственный интеллект», программа AlphaGo, победила в матче против Кэ Цзе, сильнейшего в мире игрока в го, а ещё раньше, в феврале 2017 года, алгоритм Libratus впервые обыграл в безлимитный те-хасский холдем четырёх профессиональных игроков в покер, выиграв при этом 1,8 млн долл. Кроме того, как отмечается, во время обучения нейросети регулярно корректируют собственные настройки способами, которые создатели не в состоянии интерпретировать.

То есть мир действительно уже сейчас стоит на грани такого перехода, в ходе которого человек потеряет привычный статус «меры всех вещей» и «вершины творения».

Перспективы «неосоциогенеза» приобретают особую остроту на фоне растущей «прекариатизации» человечества, когда социально-экономическая «матрица» глобализма делает ненужным и бессмысленным существование уже сотен миллионов и даже миллиардов людей, поскольку ресурсная база планеты не бесконечна, производство основной массы товаров и услуг может осуществляться практически без участия «живого» человеческого труда, а платёжеспособный спрос и рост ВВП (при отсутствии роста реального сектора экономики) обеспечиваются пока за счёт «эмиссионной» накачки через разного рода кредитные механизмы.

Иными словами, существование значительной, а в ближайшей перспективе — и подавляющей части человечества становится «нецелесообразным» с финансово-экономической точки зрения. В отличие от продуктов транс-, пост- и альтчеловеческих технологий, которые, напротив, будут становиться всё более востребованными в рамках «повышения глобальной конкурентоспособности».

Британский физик-теоретик и космолог Стивен Хокинг, при жизни страдавший от бокового амиотрофического склероза и считавшийся одним из главных «гуру» современной науки, в своей последней книге «Короткие ответы на серьёзные вопросы», увидевшей свет в октябре 2018 года, писал: «Уверен, что в течение этого века люди откроют для себя возможность модифицировать как свои интеллектуальные способности, так и инстинкты, например, агрессию... Появление суперлюдей сразу приведёт к возникновению серьёзных политических проблем с неулучшенными людьми, которые не будут в состоянии с ними конкурировать. По-видимому, они вымрут или станут мало-значимыми. Вместо этого мы получим расу

людей, которые сами себя проектируют, всё больше и больше улучшаясь».

На самом деле перспективы человечества выглядят гораздо более сложными и гораздо менее определёнными, чем выделенный Стивеном Хокингом и предсказанный ещё Фридрихом Ницше конфликт между «юберменшами» и «унтерменшами», и речь должна идти не о «расе суперлюдей» или даже разных «расах суперлюдей», а об отмене самого понятия «человечество» или же о выходе данного понятия за рамки биологического вида *Homo sapiens* и его социально полноценной (дееспособной) и полноправной части.

Возможно, с этой точки зрения масштабные эксперименты последнего времени с «толерантным» и «мультикультурным» обществом, правами сексуальных и прочих меньшинств, «международным терроризмом», «кризисом беженцев» etc. носили своего рода пробный характер, а настоящие «краш-тесты», с вытеснением «неконкурентоспособных систем», только предстоят. И далеко не факт, что они будут везде и всегда носить управляемый контролируемый характер. Возможно, отдельные аспекты такого неосоциогенеза удастся «приморозить» — как, например, после Карибского кризиса 1962 года было «приморожено» создание, развитие и распространение ядерного оружия, которое, впрочем, в отличие от неосоциогенетических систем, априори не обладало качеством субъектности и способностью к саморазвитию.

Одним из главных инструментов неосоциогенеза могут оказаться уже привычные и даже «банальные» социальные сети, где анонимность участников, а также наличие «закрытых» уровней и групп уже на нынешнем уровне развития технологий позволяет создавать почти бесконечное множество «онлайн-личностей», виртуальных крипто- и псевдосубъектов, то есть существование и даже моделирование идеальной среды для неосоциогенеза уже налицо.

Кажется, совсем недавно в связи с изменением коммуникативного поведения людей, которые всё в большей степени «переселяются» в интернет-пространство, активно обсуждалась проблема «нетократии» как нового типа социального устройства, реализуемого посредством Мировой сети. И, соответственно, связанная с проблемой «нетократии» проблема «нетосов» — «сетевых коммуникативных общностей» как носителей такого типа, идущих на смену традиционным «этносам» и «демосам», которые на фоне «нетосов», как и деньги на фоне криптовалют, внезапно обнаружили свою истинную

природу. Отечественные критики демократии как системы политической власти любят называть её «демонократией», вкладывая в это определение отрицательные, негативные смыслы и даже не подозревая, насколько близко они подходят к истине — только «с обратной стороны Луны». Дело в том, что греческое слово δῆμος, т. е. «народ», означает коммуникативную общность людей на основе определённой территории, места, полноправных обитателей полиса, сельской общины и т. д. А слово δαίμων [даймон], т. е. «дух», «божество», — означает не просто «дух» или «божество», а «дух» или «божество» той же самой определённой местности, её «сверхъестественное» население, в каком-то смысле зеркальное и дополняющее население естественное, то есть «демос». Отсюда и такая фонетическая близость (а за вычетом «дополняющих» гласных — полная идентичность) двух этих слов.

Что же касается «этноса», то слово ἔθνος тоже переводится с греческого как «народ», но это совершенно другой тип «народа», коммуникативной общности: не на основе территории, а на основе комплекса «нравов и обычаев», то есть «этоса» (ἦθος). С этой точки зрения «нетос» оказывается несколько ближе к виртуальному «этносу», чем к виртуальному «демосу».

В принципе, формирование подобных «альтернативных» общностей было даже предусмотрено американской стратегией национальной безопасности в концепции «мягкой силы» (soft power) как одно из средств контроля других суверенных государств, в том числе — их ослабления, подчинения или даже разрушения с возможностью последующей «пересборки». В данной связи не стоит забывать, что сам интернет создавался в рамках взаимодействия Пентагона с американскими спецслужбами и американским академическим сообществом через программу DARPA и до сих пор имеет «закрытый» сверхскоростной сегмент, который может использоваться исключительно военно-политическими структурами США — в то время как «открытый» глобальный сегмент интернета находится под непрерывным мониторингом серверов американских спецслужб, именуемых в просторечии «ботами ЦРУ», как об этом свидетельствуют показания Эдварда Сноудена и публикации WikiLeaks.

Но на пороге «конца человека» и появления новых субъектов ноосферы проблема «нето-

са» приобретает весьма специфические черты, поскольку в рамках данной коммуникативной общности ситуативно отличать Homo sapiens от генномодифицированного человека, «киборга», системы искусственного интеллекта или иных представителей транс-, пост- и альтчеловечества будет всё сложнее, если вообще возможно. В киберпространстве «эмулировать» можно не только текстовые сообщения, но также любые аудио- и видеофайлы, в общем — практически всё. Тем более что развитие 3D-печати вкупе с нано- и биотехнологиями в принципе открывает возможность для создания любых «тел» — носителей комплекса программ «субъектного» уровня сложности и выше³. Вопросы предполагаемой стоимости, стабильности и безопасности создания, функционирования и утилизации подобных систем-«суперменов» здесь намеренно оставляются в стороне, чтобы не выходить за рамки целей и формата настоящего доклада. Но понятно, что они будут налагать некие дополнительные по отношению к неизбежным правовым ограничениям на развитие данной сферы.

Одним из важнейших моментов неосоциогенеза представляется также изменение коммуникативной этики, комплекса поведенческих стандартов (этоса) в межсубъектных отношениях, весьма заметное уже на нынешнем уровне развития социальных сетей и других интернет-сообществ. Аксиология (система ценностей) в коммуникативном режиме «онлайн» заметно отличается от сложившихся за тысячелетия жизни в режиме «офлайн»: за редкими исключениями, лишь подтверждающими общее правило, по сравнению с традиционными культурно-историческими нормами она выглядит намного более простой и намного более конфликтной, — а с появлением в данном пространстве акторов иной, не-человеческой природы ситуация начинает выглядеть принципиально непредсказуемой.

Все последствия такого вскрытия «ящика Пандоры XXI века»: идеологические, военно-политические, финансово-экономические, эстетические, этические, правовые, криминальные и т. д., — трудно себе представить и тем более предсказать, но избежать его вряд ли удастся. И это, в свою очередь, приведёт к фундаментальной трансформации всех субъектных сообществ, включая их базовый на сегодня государственный уровень.

³ Как сообщила израильская газета Haaretz, учёные Тель-Авивского университета успешно «напечатали» 3D-модель человеческого сердца (<https://inosmi.ru/science/20190417/244959907.html>).

«КОНЕЦ ГОСУДАРСТВА»

Базовый характер института государства подтверждается тем, что оно сегодня выступает главным идентификатором субъектности человека, подтверждая основные события его жизни — например, такие как рождение и смерть, — а также его права и обязанности, в том числе связанные с гражданством или отсутствием такового.

Учения и концепции, отрицающие необходимость и оправданность существования государства, принято называть «анархическими» или «анархистскими». Это не совсем правильно, поскольку «настоящие» анархисты отрицают не только государство и собственно государственную власть, а любую власть вообще. Тем не менее такое именование, что называется, прижилось и стало едва ли не повсеместным.

И это не удивительно, поскольку ещё со времён Никколо Макиавелли, т. е. с конца XV — начала XVI вв., «власть» стала ассоциироваться — по преимуществу и прежде все-

го — с «государством». «Государство» же, *etat* по-французски или *state* по-английски, — означает, по этимологии данных понятий, «свод положений», «записей», имеющих силу закона (кстати, отсюда же — слово *estate* в значении «недвижимость», т. е. не просто «недвижимость», а «недвижимость», на кого-то, на какой-то субъект оформленная и в этом качестве могущая служить предметом различных правовых транзакций, включая куплю-продажу). Данный термин в западноевропейских языках не только не идентичен русскому термину «государство», предполагающему обязательное наличие субъекта-«государя», но даже находится с ним в отчасти антонимических отношениях. Понятие *state* отрицает понятие *possession*, означающее как раз «государство», т. е. «владычество», «державность» некоего субъекта над определённой территорией или определённой человеческой общностью, с правом налагать на объекты своего «владения» или «держания» те или иные «уроки» (*session*): налоги, повинности и т. д...

Отсюда вытекает, что любой анархист по определению является антиэтатистом, то есть противником государства и государственной власти, но далеко не всякий антиэтатист является анархистом — точно так же, как далеко не всякий, например, антихристианин является атеистом. Подобное различие проведено здесь для того, чтобы читатели, знакомые, например, с уже неоднократно упомянутым выше докладом Римского клуба «Come on!», где предлагается «поставить под вопрос легитимность абсолютного суверенитета государств с учётом глобального масштаба последствий тех или иных действий», не называли и не считали его авторов «анархистами». Да, они — «антиэтатисты». Но — не «анархисты», нет, ничего подобного! Поскольку со знанием дела констатируют, что «политическая элита во всём мире сильно зависит от инвесторов и могучих частных компаний», и в общем-то не видят в этом ничего дурного. Но «традиционную», «обычную» государственную власть (state power) они при этом считают «плохой, неправильной, негодной» властью, которую нужно заменить на «хорошую, правильную, годную». По самым разным, но всё-таки взаимосвязанным причинам.

Например, «современной государственной власти просто нечего предложить нетокра-

там», — как утверждали авторы программной книги «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» (2003) Александр Бард и Ян Зодерквист. Или: «государство как неэффективный собственник не имеет права регулировать оборот криптовалют, лишаящих правительства и банки незаслуженных доходов». Или: «Трамп — не мой президент!» Этот список можно множить и множить.

«Этатизм» как концепция «единой универсальной государственной власти», которая сама по себе стала возможной только вследствие утверждения «католического» догмата *filioque*, устранившего раздельность светской и духовной властей, за пять веков своего существования и развития достигла небывалых успехов. И одновременно, судя по всему, — своих системных границ.

Как известно, перед началом Первой мировой войны на нашей планете существовало всего 59 независимых государств, перед началом Второй мировой — уже 73, сегодня только в составе ООН — 193 государства-члена, а всего их число, с учётом непризнанных или частично признанных states, приближается к 250... При этом, как неоднократно отмечал в своих выступлениях (например, в речи на Петербургском международном экономическом форуме 2 июня 2017 года) президент

РФ Владимир Путин, сегодня «в мире не так много стран, которые обладают привилегией суверенитета», то есть правом самостоятельно и свободно оперировать как внутри формальной юрисдикции собственного государства, так и за её пределами.

Экономика «глобального рынка», основанная на «империи доллара», начала формироваться сразу после окончания Второй мировой войны и — в полном соответствии с теоретическими выкладками Маркса — была направлена на ослабление суверенитета всех без исключения государств современного мира, стирание национальных и прочих культурно-исторических границ между ними и внутри них.

Первым этапом этого процесса, занявшим период 1947–1971 гг., стало разрушение «старых» колониальных империй с международным признанием государственного суверенитета бывших колоний и других зависимых территорий: от Пакистана (дата вступления в ООН — 30 сентября 1947 года) до КНР (дата вступления — 25 октября 1971 года) и ОАЭ (дата вступления — 9 декабря 1971 года). За эту почти четверть века к 50 «старым» членам ООН присоединились 77 «новых», из них 62 представляли бывшие колонии, «подмандатные» и другие зависимые территории.

Как раз тогда, 15 августа 1971 года, 37-й президент США Ричард Никсон объявил о временном запрете конвертации доллара в золото по официальному курсу для центральных банков, а 17 декабря 1971 года состоялась первая девальвация доллара по отношению к золоту — без возобновления свободного обмена.

«Деколонизация» мира, в ходе которой были разрушены колониальные империи «старых» европейских держав, сменилась «неоколониализацией», в ходе которой ведущую роль играли уже не государственные или межгосударственные, а формально финансово-экономические структуры, получившие название «транснациональных корпораций» (ТНК). А за ними, в свою очередь, как выясняется уже сейчас, стояли крупнейшие финансовые центры Запада, получившие право не оглядываться на «золотой» и прочие барьеры, почти свободно эмитируя «мировые валюты», прежде всего — доллар ФРС США.

Понятно, что придумать флаг, герб, гимн, принять конституцию, провести выборы и сформировать все «положенные по списку» органы трёх ветвей власти, включая армию и спецслужбы, собирать налоги и утвердить бюджет, даже написать «национальную историю» — ещё не оз-

начает стать суверенным государством. В получившей широкую известность книге Джона Пёркинса «Исповедь экономического убийцы» (2004) «сумма технологий» для подчинения государств третьего мира, т. е. развивающихся стран, интересам «глобального рынка» ТНК и международных финансовых институтов описана достаточно полно и подробно. Термин *failed state* («несостоявшееся государство») уже стал одним из штампов современной мировой политики. Та же Украина, до 1991 года бывшая, наряду с Россией и другими союзными республиками, частью одного государства, СССР, является самым наглядным примером подобного *failed state*.

Расчленение Югославии и Судана при помощи гражданской войны и внешнего военного вмешательства, фактическое расчленение Ирака и Ливии, чуть было не состоявшееся расчленение Сирии, нынешняя ситуация в Венесуэле, где США и их союзники признали «временным главой государства», по сути, «человека с улицы», не говоря уже о множестве менее вопиющих нарушений государственного суверенитета, — всё это указывает не только и даже не столько на кризис международного права, сколько на принципиальную «девальвацию» самого государства в качестве «стандартной» единицы человеческой общности: экономической, политической и культурной.

Но, пожалуй, самая большая проблема, которая заставляет говорить о «конце государства» в том же духе, что и о «конце денег», «конце экономики» или «конце человека», — это даже не чрезмерное преувеличение количества и ослабление качества государств современного мира; не процессы неосоциогенеза, изменяющие саму природу субъектных общностей (сообществ), и даже не глобальный финансово-экономический кризис, ещё очень далёкий даже от первых шагов на пути создания синергономики и нового типа тоталитаризма.

О «конце традиционного государства» заставляет говорить, прежде всего, усиление конфликта между *state* и *possession*, зеркально отражаемых в статусах «гражданства» и «подданства», даже в самых успешных и вроде бы полностью суверенных государствах мира, которых осталось уже немного и постепенно становится всё меньше. Даже в США, традиционно считавших себя образцом государственной (*state*) демократии для всего мира и создававшихся в войне за независимость против британского владычества (*possession*), после избрания президентом Дональда Трампа

с неожиданной силой проявились противоречия между системой институтов публичной власти и так называемым Deep State («глубинным государством»), по сути, не имеющим к феномену state никакого отношения, зато полностью относящегося к феномену possession, т. е. системой лиц и сообществ, осуществляющих управление вне и помимо «писаного права». Так что трактовка нынешним «хозяином Белого дома» действий своих политических оппонентов как попытки государственного переворота вполне объяснима и оправданна. Во всяком случае, говорить о полном или хотя бы значимом совпадении институтов публичной и реальной власти применительно к современным США уже не приходится. Их векторы после инаугурации Трампа окончательно разошлись в разные стороны, а потому больше не являются и даже со стороны не выглядят однонаправленными.

В Великобритании из-под действия законодательства по целому ряду параметров выведен правящий монарх, который имеет право не только в любой момент назначать и смещать правительство, выборы в парламент, объявлять войну и т. д., но вдобавок имеющий полный личный суверенитет над «коронными» территориями, официально даже не входящими в состав Соединённого Королевства. И здесь мы также видим длящийся вот уже более двух лет и дошедший уже до абсурда спектакль с Брекситом, причем правительство консерваторов во главе сначала с Дэвидом Кэмероном, а затем — с Терезой Мэй выглядит настоящим театром марионеток.

В КНР — пожалуй, самом успешном из всех государств современности — вопросы «владычества» решает компартия Китая через свои выборные органы, а вопросы оперативного управления — институты собственно государственной власти Китайской Народной Республики. При этом партия де-факто руководит и вооруженными силами страны (через Военный совет ЦК КПК), и её спецслужбами (через «партийную разведку»). Отдельным ресурсом развития и ресурсного обеспечения КНР можно считать зарубежные китайские общины («хуацяо»), тесно связанные с «исторической родиной».

Япония, которую в настоящее время невозможно отнести к числу суверенных государств, но до 1945 года, несомненно, бывшая таковым, демонстрирует уникальный пример сохранения собственной possession в виде института императорской власти, в то время как её state почти полностью сформирован под диктовку

из Вашингтона и во многом контролируется Соединёнными Штатами.

В сходном с Японией положении находится и Германия, где институт императорской власти был уничтожен ещё в 1918 году, а попытка создать, при помощи США и Великобритании, новый нацистский Рейх закончилась катастрофой и для Германии, и для всего мира. Прошедшее в 1990 году восстановление единства этой страны (путём присоединения ГДР к ФРГ) расширило её границы, но не привело к изменению зависимого от США её статуса как «экономического гиганта и политического карлика».

Израиль как государство вообще можно рассматривать как функцию многочисленного и многообразного «еврейского мира», в котором государственные законы и интересы, по большому счёту, носят второстепенный характер относительно законов и норм «еврейского мира» в целом.

Что касается России (Российской Федерации) как государства — правопродолжателя Союза Советских Социалистических Республик, то её определённые внешнеполитические успехи при очевидных и много лет нерешаемых проблемах внутри страны свидетельствуют о том, что и она уже не является государством в традиционном, классическом смысле слова, а её собственный Deep State, в отличие от тех же США, хотя и не находится в конфликте с публичными институтами государственной власти, но, судя по всему, вынесен за пределы национальных границ, а его вектор интересов совпадает с вектором интересов российского общества лишь частично и только вне юрисдикции собственно РФ.

Отдельным признаком «конца государства» можно считать формирование во всех перечисленных выше «ведущих» государствах мира тотального контроля за своими гражданами при помощи технологий передачи и хранения удалённых данных, а также систем искусственного интеллекта, что полностью разрушает принципы state («управления правами человека и гражданина») и выводит принципы possession («владычества») за пределы компетенции любых человеческих общностей. Такой «сход цивилизационной лавины», который будет манифестировать одновременно «конец денег», «конец экономики», «конец человека» и «конец государства», — впрочем, не имеющий ничего общего с «концом истории», — представляется неизбежным на протяжении уже ближайших 10–15 лет.

Подводя итоги настоящего доклада, необходимо констатировать следующее.

- Человеческая цивилизация далеко не полностью исчерпала внутренние и внешние ресурсы для своего развития и не близка к их исчерпанию в обозримом будущем. Однако исторически сложившиеся и закреплённые формы освоения, а также использования этих ресурсов привели к глобальному системному кризису, который наиболее остро проявляется в сферах финансов, экономики и субъектности: как самого человека, так и различных форм человеческих сообществ, прежде всего — институтов государства.
- В современном мире отсутствует (пока не сформирована) какая-либо субъектность, обладающая адекватной и эффективной аксиологией для преодоления данного глобального кризиса, по своей глубине и масштабам не имеющего аналогов в доступной нам истории человечества, за исключением реконструкций «неолитической революции».
- Такая субъектность принципиально может и должна быть сформирована в ближайшие 10–15 лет, её отличительными системными признаками будут: переход на «безденежные» и синергономические процессы в производстве/потреблении, включая безотходные технологии, в том числе — энергетические; максимальная интеграция и уровень контроля над процессами неосоциогенеза; преодоление конфликтов типа state/possession на нынешних государственных и межгосударственных уровнях.
- Российская Федерация в этих условиях пока сохраняет свою позицию в ряду ведущих держав современности благодаря военно-политическим, социально-экономическим и научно-техническим заделам, созданным в советский период. Вместе с тем данные не обеспечивают нашей стране надёжной защиты от описанного выше «окна угроз XXI века» и требуют качественно иных стратегических подходов к обеспечению системной безопасности и развития, включая новую цивилизационную матрицу, которую Российская Федерация, с учётом требований синергономики и неосоциогенеза, в форме Русской мечты могла бы предложить как своему населению, так и глобальному сообществу. В противном случае будет нарастать вероятность распада под давлением со стороны субъектных систем нового типа и уничтожения не только Российского государства, но и русской цивилизации в целом.

Главные ТЕНДЕНЦИИ

Станет ли 2019-й годом великих потрясений?

Александр НАГОРНЫЙ,
*политолог, заместитель
председателя Изборского
клуба:*

— Уважаемые коллеги! Темой нашего обсуждения сегодня будет прогностика на 2019 год, прежде всего — возможные сценарии развития конфликта в так называемом глобальном треугольнике XXI века, то есть с участием трёх ведущих держав современности: США, КНР и России. Мы видим, что наши американские, как принято выражаться, партнёры сейчас ведут сразу три войны: холодную гражданскую — внутри самих Соединённых Штатов, торговую — против Китая и санкционную — против нашей страны. Они вышли из Договора по ракетам средней и меньшей дальности, они спровоцировали политический кризис в Венесуэле, они пытаются организовать блокаду Ирана, они, вопреки своим обещаниям, не выводят свои войска из Сирии и перебрасывают оттуда исламских террористов на территорию Афганистана. А в последнее время многие весьма влиятельные и высокопоставленные лица в Америке заговорили о возможности превентивного обезоруживающего удара по нашей стране. Это беспрецедентная вещь, которой не было со времён Карибского кризиса, то есть почти 60 лет. С чем это может быть связано? Моя гипотеза заключается в том, что США в финансово-экономическом отношении проигрывают Китаю, а потому намерены нанести удар, как им представляется, по более слабому, но не менее важному элементу современной международной системы, а именно — по России.

В своём федеральном Послании 20 февраля 2019 года президент Путин сосредоточился в основном на социально-экономических и лишь отчасти — на внутривосточных проблемах нашей страны, что было вполне

предсказуемо и оправданно с точки зрения реакции российского общества на предпринятые всей «властной вертикалью» в прошлом году попытки решить свои финансовые и другие проблемы за счёт большинства населения РФ. В этой связи стоит заметить, что мы, похоже, вновь, уже на другом историческом витке, стремительно приближаемся к той точке бифуркации, где внутренние угрозы для системы становятся опаснее внешних. Как мы знаем, предыдущую такую точку бифуркации, в конце 80-х — начале 90-х годов, Советский Союз не прошёл — в отличие от Китайской Народной Республики. Результат сегодня, через треть века, налицо, и он бесспорен: Китай не только вышел на первое место в мировой экономике, но и продолжает стремительное развитие, в то время как Российская Федерация и другие «постсоветские» государства до сих пор, по большому счёту, не вернулись к уровню 1990 года. Поэтому, как отметили авторы основного доклада на Мюнхенской международной конференции по безопасности 2019 года, фундаментальная социально-экономическая слабость России делает её впечатляющие успехи в военно-политической сфере неустойчивыми, а потому у Москвы мало шансов конкурировать с США в долгосрочной перспективе. Так ли это, по-вашему?

Владимир ОВЧИНСКИЙ,
доктор юридических наук:

— Противоречия России с Америкой сегодня носят системный, а потому непрерывно растущий и принципиально нерешаемый «по-хорошему» характер. Сколько ни пытайся эти противоречия сглаживать или «не замечать», они постоянно будут вылезать наружу, причём всё сильнее и сильнее. Афганистан, Сирия, Украина, Венесуэла, «Северный поток — 2», Арктика и так далее.

Поэтому, хотя все и говорят, что мировая экономика оправилась от потрясений десятилетней давности, но новый, ещё более масштабный финансовый кризис уже на подходе, а традиционный для Америки и для всего «коллективного Запада» способ выхода из него — через войну или подготовку к войне, через оживление военно-промышленного комплекса, захват рынков и создание новых рабочих мест. Я не так давно встречался с таким известным человеком, как сопresident Римского клуба Эрнст фон Вайцзеккер и задал ему вопрос относительно технологий, способных уничтожить человечество, — «чёрных шаров», как назвал их автор бестселлера «Искусственный интеллект» Ник Бостром. Так вот, он ответил, что помимо технологий искусственного интеллекта и редактирования генома человека, каждая из которых, безусловно, может сыграть роль такого «чёрного шара», существует и третья угроза — геоинжиниринг, целенаправленное изменение глобального климата, технологии которого уже разработаны до высокой степени готовности в Соединённых Штатах. А там, добавлю уже от себя, считают, что для спасения Америки с остальным человечеством можно делать всё что угодно.

Отсюда следует вывод, что новая мировая война не просто неизбежна, а уже давно началась и находится на восходящем тренде. Причём она имеет, на мой взгляд, сразу три лица. Прежде всего, это целый ряд или, вернее, система так называемых региональных конфликтов, которые тянутся годами и даже десятилетиями, ни один из них не завершается, но всё время добавляются новые. Теперь на очереди, судя по всему, ещё и Венесуэла. Далее, это санкции, «торговые войны», распространение юрисдикции США за пределы

их национальной территории, на весь мир под предлогом использования доллара в качестве глобальной валюты. И наконец, это гонка всех видов вооружений, включая, что сейчас особенно важно, сферу технологий — потенциальных «чёрных шаров».

Для американцев всё это — путь к спасению их экономики, а для нас означает угрозу полного свёртывания всех программ развития, о которых говорил Путин в своём федеральном Послании, поскольку бюджет-то у России один, его не хватит одновременно на гонку вооружений и на социально-экономическую модернизацию.

Это в Вашингтоне могут включить свой печатный станок и пользоваться ресурсами всего мира, а наши ресурсы и возможности строго ограничены. Думаю, такие соображения нельзя игнорировать при оценке текущей ситуации и при составлении прогнозов на ближнюю перспективу.

Что же касается превентивного удара, то ни одна страна мира, реально имеющая возможности для нанесения такого удара, от такой возможности на деле никогда не отказывалась и соответствующие планы по нанесению такого удара имеет и совершенствует. И США, и Россия, и Китай, даже КНДР. Это аксиома. Просто начинают говорить на эту тему вслух, когда надо добиться каких-то целей. В данном случае, думаю, американцы хотят приостановить реализацию российской программы перевооружения армии и заодно — выбить дополнительные ассигнования Пентагону в Конгрессе США.

Леонид ИВАШОВ,
*генерал-полковник,
президент Академии
геополитических проблем:*

— Я соглашусь с Владимиром Семёновичем в его оценке угрозы превентивного обезоруживающего или уничтожающего удара

со стороны США по нашей стране. Разговоры о таком ударе — это допинг для военных корпораций, на котором сейчас держится весь реальный сектор американской экономики. Остальное производство оттуда или ушло, или поддерживается искусственно — например, как сланцевая нефте- и газодобыча. С актуальной военной повестки дня пункт о возможности нанесения такого удара был снят как раз в эпоху Карибского кризиса, когда стало ясно, что системы ракетно-ядерного вооружения достигли такого уровня развития, что ответный удар в любом случае становится неизбежным и наносит неприемлемые потери для государства-агрессора. Как говорил тогда министр обороны Роберт Макнамара, если Америка может уничтожить Советский Союз семь раз, а Советский Союз Америке — всего четыре раза, то война с массированным применением ядерного оружия становится ненужной и невозможной.

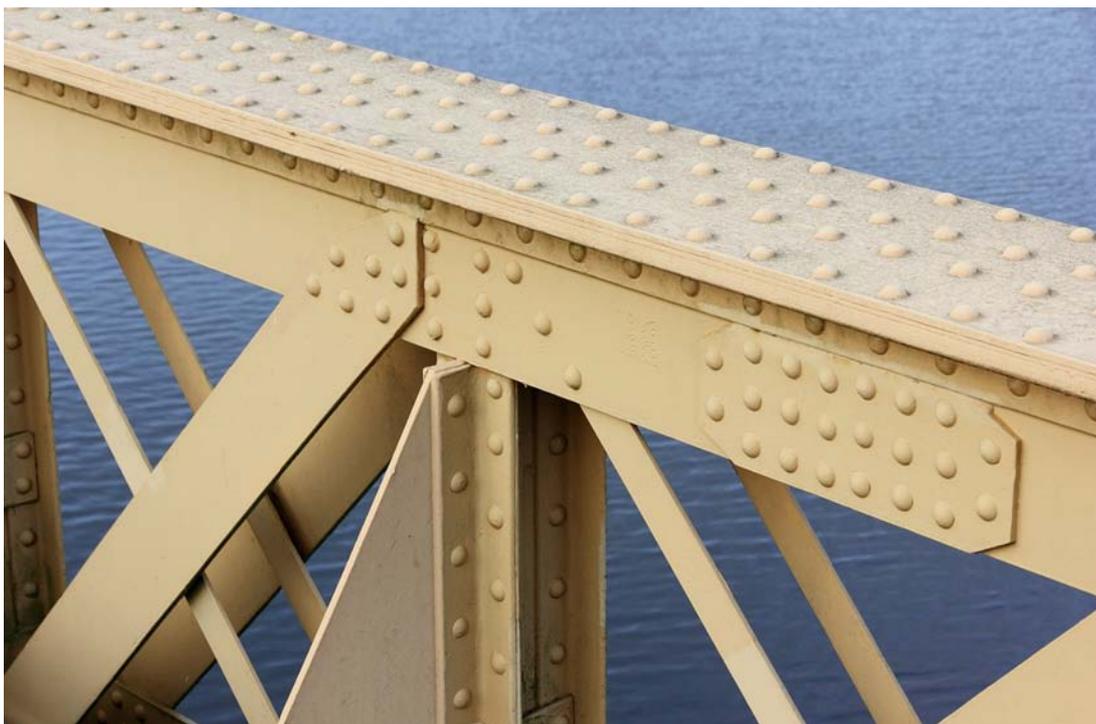
Поэтому с середины 60-х годов данный сценарий перестал рассматриваться всерьёз, начались советско-американские переговоры: сначала об ограничении, а затем — и сокращении стратегических ядерных вооружений, а холодная война стала разворачиваться на других фронтах. Так оно и продолжается вплоть до настоящего времени.

К тому же если Китай ежегодно — фактически в долг — поставляет в США товары на 400 с лишним миллиардов долларов, а из России американские и другие западные банки просто вывозят по 300 с лишним миллиардов долларов в год, то кто будет резать «куриц», несущих такие «золотые яйца»? Просто у них любимыми способами будут отбирать как можно больше этих самых яиц. Вот в чём состоит смысл западных санкций против нашей страны, никакого другого

смысла у них нет. То, что проделали с РУСАЛОм Дерипаски, хотя проделают и с «Газпромом», и с «Роснефтью», и с любой другой российской «естественной монополией», не говоря уже про бизнес помельче. С Китаем всё сложнее, поскольку он, хотя и платит натуральную дань Америке, начал развивать внутренний рынок, а полтора миллиарда китайцев, потребляющих мировые ресурсы хотя бы на уровне беднейших стран ЕС, — это катастрофа для глобальной экономики из-за перераспределения ресурсов, которые сейчас Пекин подгребаёт под себя везде, куда только может дотянуться, причём — без единого выстрела. Отсюда для США сегодня «цель номер один» — это Китай, а не Россия. Россия Америке, по большому счёту, не опасна, а вот КНР — опасна чрезвычайно. Но для нашей страны, прежде всего — для русского народа, главной угрозой сегодня являются не американские ракеты или компьютерные программы, а вымирание и деградация, которые обусловлены вопиющим социальным неравенством в распределении национального дохода, уничтожением советских систем образования и здравоохранения, а также настоящим информационным террором.

Михаил ДЕЛЯГИН,
*доктор экономических наук,
директор Института проблем
глобализации:*

— У нашего государства есть две фундаментальные взаимосвязанные проблемы. Прежде всего, оно как было создано в годы перестройки и рыночных реформ с целью утилизации советского наследия совместными усилиями западной и отечественной либеральной «элиты», так с тех пор свою сущность и не изменило. Поэтому — и это его вторая проблема — никакого стратегического

мышления, никакого серьёзного проекта будущего у нашей государственной власти не было, нет и быть не может. Она по инерции хочет встроиться в глобальный либеральный проект, но туда её не пускают. А с ядерными баллистическими ракетами и «Единой Россией» она там вообще не нужна — даже тушкой или чучелком. Только полтора или даже два десятка новых «украин» — тогда добро пожаловать, вот только не к столу, а на стол! Как говорится, «все мы в одной лодке, но некоторые — в качестве провианта». Возникающий у них, как говорится, когнитивный диссонанс порождает трепыхания на тактическом уровне. Но даже постоянные тактические победы могут слагаться в стратегические поражения — как у Наполеона в России или у американцев во Вьетнаме.

Обладая хотя бы зачатками стратегического мышления, нельзя не понимать, что обворовывать собственную базу: будь то дом и семья или страна и её народ, — это самоубийство. А для российской бюрократии и олигархата,

которые всё, что у них есть, хранят на Западе, это — НОРМА. А потому, например, борьба с коррупцией производит порой впечатление подрыва основ современной российской государственности, о чём свидетельствуют и некоторые недавние законодательные инициативы. При этом в политическом сознании Запада мы — хуже запрещённых в Российской Федерации террористических организаций «Талибан» или «Исламское государство», само наше существование воспринимается там в качестве акта агрессии.

Процессы, идущие в современном мире, просто не укладываются в сознании российской государственной власти. Проблема не столько в том, что в России есть пропасть между российской властью и народом: власть давно научилась находить в этом для себя пользу, развлечение и удовольствие, — сколько в пропасти между российской властью и реальностью. Реальность из мировосприятия российской власти выпала полностью.

Простой пример: у государства сегодня есть две наибо-

лее острые проблемы. Первая, экономическая, — дорогой кредит, который блокирует любое развитие. И вторая, политическая, — пенсионная реформа, не просто в открытую укравшая пять лет жизни у целого народа, а при этом ещё публично и неспровоцированно его оскорбившая. Люди это запомнили и перестали воспринимать государство как нечто если и не дружественное им, то хотя бы не прямо враждебное. Это первая фаза государственного переворота, когда людей намеренно лишают возможности нормальной жизни, специально и целенаправленно доводят до такого состояния, чтобы они не защищали, а разваливали своё государство. На мой взгляд, ключевая — либеральная — часть российской политической тусовки сейчас усиленно работает над доведением граждан страны до майдана. И здесь мало украсть пять лет жизни пенсионной реформой, мало обкладывать их налогами за каждый шаг и чих по принципу «просто так» — нужно публично плевать им в лицо, заявляя, что государство «ничего

не должно», советовать диету из «макарошек» и платить пособие 50 рублей в месяц на ребёнка-инвалида, при этом навязчиво демонстрируя роскошь своей жизни с полной безответственностью и безнаказанностью, вызывая моральное отторжение. Поэтому уже в апреле 2019 года я жду перехода госпереворота в следующую стадию – пробных масштабных выступлений «снизу». Не обязательно в Москве или Питере, но «разведки боем» где-нибудь в важном регионе типа Башкирии или Свердловской области. Таким образом, воспринимать современное Российское государство в качестве сознательного субъекта мировых процессов не следует. Тезис о том, что никто не будет бомбить территорию России, поскольку её ресурсы и без того принадлежат Западу, – на мой взгляд как минимум спорный. Ни одна «цветная» революция не происходила в государстве, реально противостоящем США и их союзникам. Всякий раз это была спецоперация по превращению

союзника в слугу, а слуги – в раба и, соответственно, по сокращению расходов на его содержание с повышением извлекаемой прибыли.

Но, поскольку этот метод, при всей его изощрённости и внешней эффективности, не расширяет, а сужает общую ресурсную базу, он уже всюду затрагивает и тех, кто находится наверху «пищевой цепочки». Свидетельства тому – «холодная внутриэлитная гражданская война» в США, Брексит, «жёлтые жилеты». Это – проявления глобального системного кризиса не просто мировой экономики, а всей человеческой цивилизации. Цены уже 11% европейских корпоративных облигаций находятся ниже 90% от номинала – по сравнению с 2% и 3% год и два года назад, а до того таких не было вообще. То есть мы уже вошли в зону депрессии, которая будет хуже Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов XX века, но пока все старательно закрывают на это глаза и делают вид, что всё в порядке: уж больно страшна неумолимо наступающая реальность.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,

востоковед, профессор РУДН:

– Сегодня у одной лишь китайской провинции Гуандун ВВП равен и даже немного превышает весь российский. Правда, и ВВП одного американского штата Калифорния сопоставим с ВВП Великобритании. Так что о многополярном мире можно говорить только в теории. Мир сегодня вновь двуполярный, только место СССР в нём занял другой социалистический, подчеркну это особо – социалистический, гигант. Китайская Народная Республика в этом году отметит своё 70-летие и одновременно – 70-летие установления дипломатических отношений между СССР и КНР.

Мы наблюдаем противостояние двух новых полюсов. Причём, по моим наблюдениям, в Пекине не сильно рассчитывают на помощь Москвы. Эксперты считают нашу страну слабой и продолжающей слабеть, а её политическое руководство – слишком прозападным. Владимир Путин и Си Цзиньпин ещё в ходе своей первой встречи

2013 года договорились ежегодно встречаться пять раз. В 2018 году впервые за минувшее время таких встреч было всего четыре. Для китайцев, придающих большое значение соблюдению ритуалов, это — знак.

Ещё один знак: затруднения в межбанковских отношениях между нашими странами продолжают существовать, хотя объём взаимной торговли в 2018 году превысил отметку в 100 млрд долларов. Всё это не свидетельствует о динамике стратегического сближения наших стран. В лучшем случае наступил некий застой. Преодолеть его можно было бы подготовкой крупных, знаковых событий на китайском направлении, включая заключение в 2021 году нового российско-китайского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, где стоило бы обозначить переход к союзническим отношениям вместо нынешнего невнятного «стратегического партнёрства», а также подтвердить нерушимость всей границы между двумя странами. Действующий договор 2001 года рассчитан на 20 лет с возможностью пролонгации. А последний спорный участок границы был ликвидирован в 2004 году на основании соглашения, а не договора.

У Китая хватало проблем и раньше, но в последние пару лет началась открытая фаза «сдерживания» со стороны Америки. Но всё это время Поднебесная выдерживает свой курс, демонстрируя наличие не просто стратегического мышления, а долгосрочного стратегического мышления и планирования, рассчитанного до 2049 года. Си Цзиньпин провозгласил программу «Китайская мечта» в 2012 году. На первые 5 лет, от съезда до съезда, создали проработанную по годам, по отраслям, по регионам дорожную карту развития, со всеми реперными

точками, механизмом контроля и коррекции. В 2017 году, через пять лет, прошёл XIX съезд КПК. На нём удостоверились — всё идёт точно по расписанию. Тогда «Китайскую мечту» утвердили уже как новую теоретическую установку, которую назвали «Новая эпоха социализма с китайской спецификой». Просто «социализм с китайской спецификой» — это Дэн Сяопин. А «Новая эпоха» — это Си Цзиньпин. На том же «всекитайском партсъезде» наметили новую точку на пути к 2049 году. К 2035 году половина намеченного должна быть достигнута. А ещё в знак одобрения деятельности Си Цзиньпина отменили ограничение двумя пятилетними сроками для одного генсека. Товарищу Си к 2035 году должно исполниться 82 года — это вполне реально для китайской политики; тот же Дэн Сяопин прожил, как известно, 93 года и до конца влиял на партию и государство.

Уже первый успех китайской долгосрочной стратегии взбесил Запад, она получила название «китайского заговора» и даже «китайского реванша». Дональда Трампа особенно возмутила утверждённая XIX съездом программа «Сделано в Китае — 2025», согласно которой к 2025 году КНР должна стать мировым лидером в десяти важнейших технологиях XXI века. После этого он начал активную работу по сдерживанию развития Китая. Разгорелась «торговая война», начинается «технологическая блокада».

Поэтому возникают вопросы: насколько далеко могут пойти американцы в сдерживании Китая, и насколько далеко зайдут китайцы в традиционном для них стремлении избежать противостояния «острием против острия»? Американцы уже требуют от Китая структурных изменений: поставлен вопрос о прекращении государственной

поддержки социалистического сектора экономики и предоставлении большей свободы частным корпорациям. Этот процесс должен проходить под контролем специальных органов, учреждённых США. Чем не возврат к временам Опиумных войн, когда внешнюю торговлю поверженной Поднебесной стали контролировать таможи Англии и Франции?

В Вашингтоне намерены остановить развитие Китая так же, как они в 1985 году остановили развитие Японии через известное «соглашение отеля «Плаза», из-за которого Страна восходящего солнца вот уже треть века находится в ситуации экономической рецессии и упадка национального духа, старения и вымирания своего населения. Но начатые Америкой действия на фронтах торговой войны, технологической войны, финансовой войны, на мой взгляд, не настолько опасны для будущего Китая, как возможность подрыва воли у руководства КПК и КНР. Если Си Цзиньпин под давлением США и проамериканской части элиты дрогнет, как дрогнул в своё время Горбачёв, то вся нынешняя китайская мощь, как тогда советская и чуть ранее — японская, сразу же «превратится в тыкву».

Получится ли у Вашингтона сломать политическую волю Пекина, как это удалось ему с Токио и с Москвой, пока непонятно. Но давят они очень мощно и всерьёз. Есть сведения, что летом 2018 года, когда проходила ежегодная неофициальная встреча китайского руководства на морском курорте Бэйдайхэ, поднимались очень неприятные вопросы со стороны ряда влиятельных фигур. В первую очередь они касались конфликта с Америкой, который якобы начал Си Цзиньпин, отступив от завета Дэн Сяопина «держаться в тени, копить силы и ждать удобного случая». Ещё указывали на то,

что он может стать пожизненным лидером, как Мао Цзэдун, да ещё и тратит слишком много средств не на внутренние проекты, а на внешние, типа программы «Пояс и путь». Так ли это было на самом деле — никто никогда не узнает. Но то, что в китайском руководстве существуют разные взгляды на настоящее и будущее, — это очень вероятно. Недаром проблеме единства в партийном руководстве в последние годы были посвящены сразу три пленума ЦК. Недаром не стихает борьба с коррупцией, мишенями которой становятся крупные, очень крупные фигуры руководства. Буквально на днях прошла информация о том, что к пожизненному заключению приговорён бывший начальник Генштаба НОАК генерал Фан Фэнхуэй. Официальное обвинение — коррупция, но без политической составляющей на таком уровне никакие обвинения не проходят, это понятно.

Лично я уверен в том, что Си Цзиньпин удержит «штурвал». Всё его восхождение к верховной власти сопровождалось борьбой, преодолением кризисных ситуаций. Кроме того, на XIX съезде он провёл на ключевые посты в партии и государстве целый ряд единомышленников и лично преданных ему людей. Ситуация на самом деле остаётся весьма сложной. Она непременно скажется на противостоянии двух мировых полюсов.

Александр ДОМРИН,
политолог:

— Для Америки 2019 год — это год начала новой президентской кампании. Интриги со стороны Республиканской партии не будет. Трамп выставит свою кандидатуру и будет переизбран. Не думаю, что столь же триумфально (в английском это называется «in a landslide» — «в оползень»), как это произошло в 1972 году,

когда за Ричарда Никсона проголосовали 49 штатов, а за его оппонента, Джорджа Макговерна, от Демократической партии — только либеральный штат Массачусетс и бюрократический округ Колумбия. Но переизбран Трамп будет.

«Мантрой» Майкла Бома, постоянного американского участника многочисленных ток-шоу на российском телевидении, давно уже стало утверждение, что Россия никого в Америке не интересует и что до России в США никому нет дела: ни среди населения, ни в «вашигтонском обкоме». Недавнее заявление начальника штаба ВВС США Дэвида Ли Гольдфейна свидетельствует об обратном и является своего рода ответом на федеральное Послание президента России 20 февраля 2019 года и, прежде всего, — на ремарку Владимира Путина о том, что в случае военной угрозы в адрес России ответный удар будет нанесён не только по сопредельным территориям (Польше, Румынии или Прибалтике), где НАТО разместит ракеты, нацеленные на Российскую Федерацию, но и по «командным пунктам» или «центрам принятия решений», то есть по Брюсселю и Вашингтону.

О чём же сказал четырёхзвёздный генерал, служивший в Ираке и бомбивший Югославию? Любопытная деталь: в мае 1999 года его самолёт был сбит сербской ПВО. Будущему начальнику штаба US Air Forces удалось катапультироваться, и его нашли в ходе спасательной операции. Но, похоже, травма не зажила, и ему опять хочется повоевать — теперь уже против России. По словам Гольдфейна, Вашингтон готов потратить на разработку новой «стратегии боевых действий» против России и Китая 135 млрд долл. Эта «стратегия» должна стать ответом на некие «угрозы», ко-

торые «вашигтонский обком» усмотрел для себя со стороны Москвы и Пекина. Как говорит Гольдфейн, новый сценарий подразумевает «скрытое вторжение» на территорию противника. Будут задействованы все американские войска, а главная роль достанется истребителю F-35. Американские СМИ сравнили заявление Гольдфейна с легендарным «тройанским конём». Однако всё же остаётся неясным, как именно США планируют реализовать свои новые угрозы.

Очевидно, что такие заявления в отношении изменения стратегических планов со стороны Пентагона не могут делаться в отрыве от идеологического контекста действий Госдепартамента и администрации президента США. И если военный компонент будет включать в себя вторжение в воздушное пространство России и Китая, как обозначил Гольдфейн, то «тройанский конь» предполагает активизацию в нашей стране «пятой колонны», а это, в свою очередь, означает дальнейшую подпитку русофобских настроений на территории России, что настораживает даже больше, чем потенциальная угроза прямого военного вторжения и «безответного удара», поскольку имеет куда большее отношение к реальности.

Боюсь, что Россия пока не осознала, что ей фактически уже объявлена война. А российское общество уже находится в состоянии крепости, которую необходимо защищать. Не надо иллюзий: санкции США и их союзников против России введены надолго, если не навсегда, — вне зависимости от того, кто победит на президентских выборах в США в 2020 году и далее. Поэтому строить на обозримую перспективу нашу внешнюю и внутреннюю политику нужно исходя из того, что давление на Россию не прекратится.

Елена ЛАРИНА,
конфликтолог:

— Я хочу обратить внимание коллег на весьма популярную, но недостаточно исследованную тему технологической зависимости всего мира, включая нашу страну, от США. Политика нашего государства, крупных российских корпораций уже несколько десятилетий действительно была направлена сначала на конвергенцию, а затем — и на интеграцию с глобальным рынком, который с середины 60-х годов XX века создавался под эгидой однополярного мира Pax Americana. После 1991 года мы продавали нефть, газ и прочие сырьевые товары, а на вырученные деньги покупали всё остальное. С 2014 года нам перестали продавать новые технологии и оборудование, а теперь речь идёт о запрете всех импортных поставок, необходимых для работы уже имеющихся предприятий.

Отечественные и китайские аналоги, как правило, оказываются хуже по своим параметрам и вызывают ускоренный износ единиц оборудования в целом. Это приведёт к постепенному выбытию российских производственных мощностей, кумулятивный эффект может ощутимо проявиться уже к концу текущего — началу 2020 года, особенно в агропромышленном комплексе. Но это не столько американское достижение, сколько наша проблема.

Если в 2012 году доля РФ в мировом хай-тек производстве составляла 0,5%, то в 2018 году — только 0,2%. Из тысячи самых мощных суперкомпьютеров, сегодня работающих в мире, на долю США и КНР приходится более 750, а Россия имеет всего три, или 0,3%. Эту грустную статистику можно продолжать по разным отраслям, включая космос, авиастроение и даже такие вроде бы благополучные

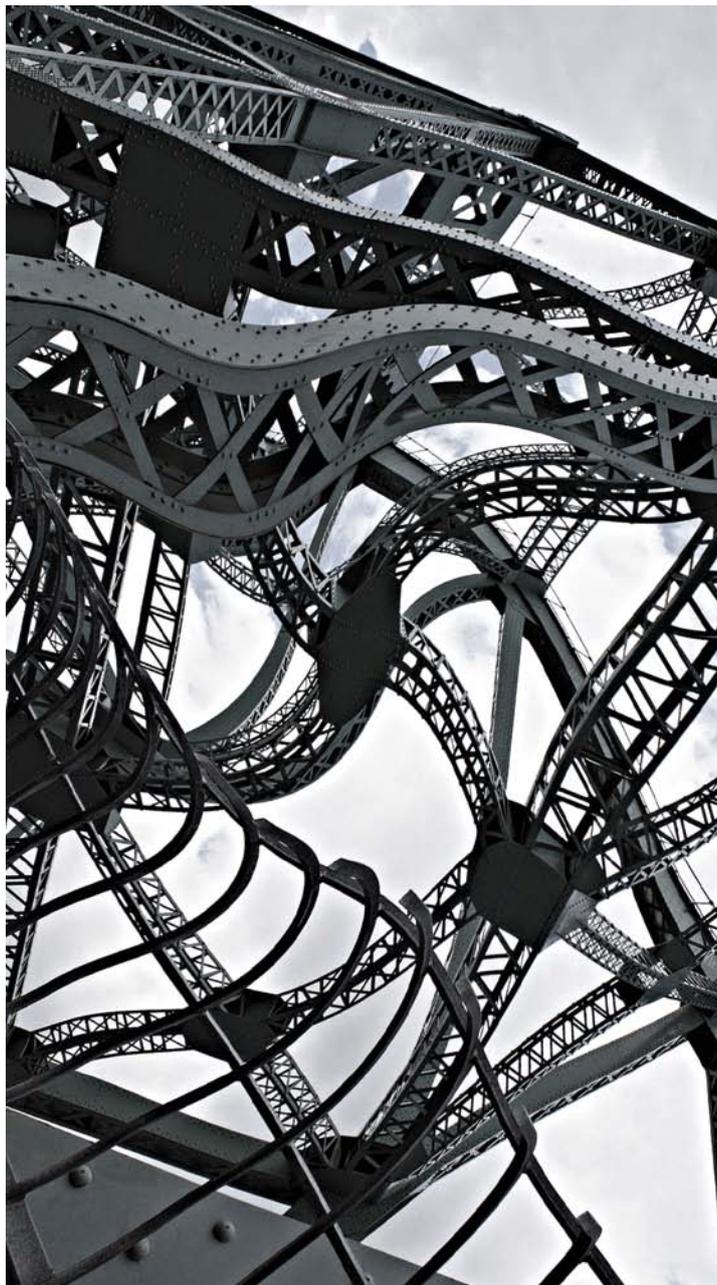
отрасли, как «оборонка» и ядерная энергетика. Но ещё хуже то, что мы почти тридцать лет жили на «заделах» и «запасах», доставшихся нам от советской эпохи. Этот ресурс сегодня вычерпан уже до нуля, многие технологии утрачены, а ничего нового, по большому счёту, так и не создано, с нынешним же нашим потенциалом, особенно — кадровым, даже рассчитывать на это не приходится.

Константин БАБКИН,
председатель Федерального совета ВПП «Партия дела», президент ООО «Новое Содружество» и ассоциации «Росспецмаш»:

— Если говорить о федеральном Послании президента России, то в целом оно мне понравилось. Что я услышал и чего не услышал?

Нацеленность на поддержку семей, на борьбу с бедностью, обеспечение безопасности стра-

ны – это всё правильные послылы. Очень порадовали заявления о необходимости поддержки отечественных производителей, о том, что им должны отдаваться приоритеты и преимущества при госзаказах. Это очень важно. Важно и то, что наша страна накопила финансовую подушку безопасности, размер которой превышает объёмы государственного и частного долга. Но, на мой взгляд, логично было бы продолжить высказывание предложением снизить налоги. Но нет.

Была ещё раз обозначена цель, что мы должны двигаться вперёд и развивать свою экономику темпами выше мировых. Однако очевидных вещей, связанных в этой связи с приданием налоговой системе стимулирующего характера, смягчением денежно-кредитной политики, я не уловил, к сожалению. Поэтому вперёд мы будем двигаться с переменным успехом, и жизнь и дальше нас ждёт непростая.

Президент упомянул некоторые проекты развития. Возмож-

но, я что-то упустил, но опять же не услышал, в чём будет их смысл. Очень бы хотелось, чтобы они не приобрели характер только имиджевых проектов. Важно, чтобы они работали на собственную экономику, развивали реально нужную инфраструктуру и обеспечивали рабочие места российским подрядчикам. Надеюсь, так оно и будет.

Упомянуто было также про то, что в России созданы исторические возможности для качественного роста в ряде отраслей, в том числе в машиностроении, станкостроении и так далее. Я с этим согласен. Мы имеем исторический шанс получить динамичное технологическое развитие в реальном секторе. С чем это связано? Мы достаточно сильно отстали от других стран. Больше четверти века мы находимся в серьёзном кризисе. И на фоне того, как некоторые страны утроили объёмы производства, наше государство до сих пор не вышло на тот уровень, который был ещё стабилен в 1990 году.

Это касается и сельского хозяйства, и станкостроения, и машиностроения. Там до сих пор не преодолели негативные эффекты. У нас действительно есть все объективные возможности, чтобы наверстать упущенное и получить прорывные результаты. Но для этого нужна правильная экономическая политика. Я понял, что президент в отношении поддержки своих производителей, в отношении протекционизма настроен положительно. Если ещё он обратит свой взор на налоговую и денежно-кредитную политику, то всё получится.

В целом настрой в Послании прозвучал позитивный, хотя, по всей видимости, конкретной смены курса в ближайший год ожидать не стоит. Но я убеждён, что когда-нибудь это произойдёт.

Сергей ЗАВОРОТНЫЙ,
политолог:

— Сегодня, перефразируя известные слова Карла Маркса, можно сказать: «Призрак бродит по планете, призрак китаизма». И для нынешней российской «элиты» нет большей угрозы, чем Китай. Потому что китайская модель несовместима с моделью олигархического капитализма, вот уже более четверти века существующей в России. Это совершенно другая политико-экономическая система, в рамках которой почти полтора миллиарда человек за каких-то 40 лет совершили невероятный культурный и технологический рывок, по своим масштабам намного превосходящий советский прототип — правда, без внешнего вторжения и без холодной войны. Сегодня человечество, можно сказать, выбирает между iPhone и Huawei, и это не выбор модели коммуникатора, а выбор своего будущего. Россия же достаточно успешно торгует оружием, энергоносителями, но не будущим человечества, она человечеству сегодня ничего не предлагает. Поэтому я полностью согласен с тем утверждением, что главный конфликт сегодня — не между «коллективным Западом» и Россией, а между США и Китаем.

Что сегодня осталось у Америки? У неё осталась военная мощь, 90% производства мировой информации, две трети финансовых транзакций через доллар и технологическое превосходство, которые очень быстро тают. А значит, вариант у них только один — монетизировать свою военную мощь. И Трамп, который начинал с очень разумных в теории вещей, сейчас работает по этому варианту.

Он развязал торговую и, как правильно здесь уже отметили, технологическую и финансовую войну с КНР, он атаковал главный китайский плацдарм

в Латинской Америке — Венесуэлу, признав её президентом Хуана Гуайдо, а также пригрозив Кубе и Никарагуа. И он делает всё, чтобы дестабилизировать Евросоюз — главного торгового партнёра КНР. Объём внешней торговли Китая с Европой составил в 2018 году больше 618 млрд евро, или 722 млрд долларов, в то время как с Америкой — 633,52 млрд долларов.

В Евросоюзе же теперь, особенно — после Брексита, будет доминировать Германия, которая, как пылесос, втягивает в себя все инвестиции, деиндустриализуя все остальные экономики: Франции, Италии, Испании и так далее. 40% немецкого экспорта идёт внутри ЕС, поэтому в Берлине так страшно переживают за «единую Европу»: если они этого своего рынка лишатся, там произойдёт страшное падение экономики. А сохранить единство Европы они могут, только став главным распределителем российских ресурсов, необходимых европейской экономике. Отсюда — всяческое давление на власти России при одновременном замыкании на себя «Северных потоков» и прочей логистики.

Но не надо забывать, что союз Германии с Россией является страшным сном не только для Лондона, но и для Вашингтона, которые будут вбивать любые клинья между Берлином и Москвой: Польша так Польша, Прибалтика так Прибалтика, Украина так Украина... Поэтому не надо думать, что, например, «евромайданный» режим в Киеве после президентских выборов весной нынешнего года окажется каким-то менее антироссийским, чем при Петре Порошенко. Думаю, даже наоборот. Речь ведь не идёт о том, чтобы «вернуть Крым и Донбасс» или улучшить социально-экономическое положение. Речь идёт о том, чтобы Украина была антироссийской,

а в идеале — ещё и «яблоком раздора» между РФ и ФРГ.

Кстати, Меркель под этим подписанием и, пока она занимает пост федерального канцлера, ничего не изменится. Когда журналисты спрашивали, известно ли ей про сайт «Миротворец», который принадлежит МВД Украины и на котором вывешены данные депутатов бундестага, политиков, общественных деятелей и журналистов, она ответила буквально следующее: «Мы слышали о таком сайте, но не располагаем информацией о том, что он принадлежит украинскому Министерству внутренних дел и используется для преследования инакомыслящих». Это притом что глава МВД Украины Арсен Аваков и депутат Верховной рады Антон Геращенко неоднократно признавали, что база данных МВД соединена с базой данных «Миротворца», присутствие в которой того или иного лица является основанием для задержаний на границе. Вот до какого цинизма доходит сегодня европейская политика.

В целом же мои ощущения таковы, что 2019 год, если даже он не станет годом глобальной финансово-экономической катастрофы, неизбежно окажется годом значительного обострения военно-политической обстановки во всём мире, особенно по периметру российских границ, причём не только на украинском направлении, но и в Центральной Азии и (не исключено!) даже в Закавказье, где пока вроде бы всё утихло.

Владимир ВИННИКОВ,
культуролог:

— Отвечая на вопрос, поставленный нашим модератором в начале этого круглого стола, должен сказать, что заявленная слабость современной России — это, на мой взгляд, во многом величина мнимая. Когда мы говорим, например, о Великой Отечественной войне и Победе 1945 года, то всегда

упоминаем о подвиге советского народа, о массовом героизме наших отцов и дедов. Но история той войны нам, по большому счёту, до сих пор неизвестна в её полноте и цельности, и она далеко не закончена даже сегодня, через семьдесят с лишним лет после красного знамени над Рейхстагом и капитуляции Третьего рейха. Кстати, нынешняя Украина — самое наглядное, хотя и далеко не единственное, свидетельство тому. И на одном этом примере при желании и умении всё можно разглядеть словно в капле воды: позицию Европы, позицию Америки, позицию остального мира, включая тех, кто открыто называет себя «жидобандеровцами», и так далее.

Разговоры о том, что Россия — отсталое захолустье современного мира, которое не имеет достойного будущего в своём нынешнем виде, идут уже не первое десятилетие и даже не первый век. Но если бы это действительно было так, на её месте уже давно находилась бы россыпь «нефтестанов» и «газостанов», управляемых энергетическими и прочими западными ТНК при помощи местных компрадорских элит. Но раз этого не происходит, — значит, в войне, развязанной против нас «коллективным Западом», мы не проиграли и даже сегодня не проигрываем, хотя силы вроде бы очевидно неравны. То есть удельная «свободная энергия» русской цивилизации почему-то «здесь и сейчас» всегда оказывалась, в конечном счёте, выше, чем у вроде бы самой передовой и образцовой западной цивилизации. Этот «фактор X» проявлял себя всегда, чуть ли не со времён Сергия Радонежского и Куликова поля. Собственно, он и является «ядром», определяющим всю энергоинформационную структуру того, что можно назвать «Русским миром» или, если угодно, «Большой Россией». Тут можно го-

ворить подробно и долго, поскольку уже лет тридцать этой проблематикой вплотную занимаюсь, но только сейчас «мозаика начала собираться» в полной мере. Если тезисно, то нынешняя Российская Федерация — это далеко не вся «Большая Россия», как не являлся ею ни Советский Союз, ни Российская империя. РФ — только «верхушка айсберга», на которой размещены стратегические ядерные силы, а также системы их жизнеобеспечения и безопасности. Остальные девять десятых «Большой России» скрыты под водой современной глобальной экономики и, соответственно, политики. И там идёт совсем другая жизнь с совершенно иными законами. Например, сегодня Китай находится в позиции, с которой он выступает против США, а значит, и против всего «коллективного Запада». Это, на мой взгляд, едва ли не главная стратегическая победа «Большой России». Могла ли она случиться раньше, в других условиях, например, во времена Сталина и Мао Цзэдуна, — очень большой вопрос, который даже сейчас представляет не только академический, но и серьёзный практический интерес.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Благодарю всех коллег за прозвучавшие здесь выступления. Моя заключительная ремарка будет связана с федеральным Посланием президента России. Я бы назвал его самым неожиданным из всех аналогичных президентских посланий — не только Путина, но и Ельцина с Медведевым.

Впервые за долгие годы от президента я услышал о том, что у нашего государства, оказывается, снова есть деньги, и их достаточно для того, чтобы не только профинансировать «национальные проекты», но и поддерживать — пусть даже в очень ограниченных масштабах — достаточно широкие категории

социально уязвимых граждан России. Совсем недавно нам говорили совершенно обратное: что денег в казне нет, а потому — нужно затягивать пояса, поднимать налоги, увеличивать на пять лет пенсионный возраст, повышать размер МРОТ, от которого, согласно нашему законодательству, рассчитываются чуть ли не все штрафы и пени, взимаемые с населения.

Возникает вопрос: с чем это связано? С ростом цен на нефть? С переливом сэкономленных «пенсионных» денег в «родительские» и прочие выплаты? С целевым использованием на эти выплаты тех нераспределённых остатков бюджетных средств, о которых уже не первый год говорит Михаил Геннадиевич Делягин и которые, по его подсчётам, достигли планки в 13,4 трлн рублей? С какими-то изменениями в мировой политике и экономике, позволившими снизить зарубежные «нормы резервирования»? С чем-то ещё?

Лично я склоняюсь к тому, что мы имеем дело с новой постановкой того же сценария, по которому проводилась «монетизация социальных льгот» в 2005 году: сначала отобрать у людей часть их будущих доходов, а потом — вернуть часть отобранного, заодно перераспределив её в «нужную» власти сторону. Как раз на 2020 год, с которого должна начаться львиная доля обещанных президентом выплат, планируются и первые поступления средств по линии «оптимизации пенсионного обеспечения». Как говорит один известный отечественный телеведущий: «Совпадение? Не думаю». Все мы слышали про «налоговый манёвр» правительства, который ничуть не снизил стоимость бензина на российских АЗС, но зато привёл к резкому обострению отношений с Белоруссией, кото-

рая потеряла на нём до 350 млн долларов в год. Теперь к нему нужно добавить «социальный манёвр», когда за счёт будущих пенсионеров будут финансировать дополнительные выплаты молодым семьям, и так далее.

Возможно, всё это кажется и мелким на фоне глобальных мировых проблем, но если наше государство, если наша власть обладают инстинктом коллективного самосохранения, — подобного рода «мелочи» игнорировать нельзя. Все вы помните английский стишок про то, к чему привела потерянная подкова: «Лошадь захромала, / командир убит, / конница разбита, / армия бежит, / враг вступает в город, пленных не щадя, / потому что в кузнице не было гвоздя!» Мы эту пенсионную проблему в своё время разобрали, что называется, «по винтику», не хочу повторяться; скажу лишь, что выдвинутую в Думе законодательную инициативу о том, чтобы сделать невыплаченную часть пенсионного капитала наследуемой, скорее

всего, «зарубят» как «безответственный популизм», а о начислении процентов на сумму пенсионных отчислений граждан государству вопрос даже не поднимается. То есть наша власть, увы, действительно не просчитывает последствия своих решений — как минимум в социальной сфере — хотя бы на пару шагов вперёд, не говоря уже про более отдалённую перспективу.

Кроме того, президент в федеральном Послании сообщил, что правительство в 2018 году получило отсрочку на выполнение поставленных перед ним в «майском указе» задач, но больше отсрочек не будет. И это хорошо, это сняло многие вопросы. Но почему общество узнало об этой отсрочке только теперь, уже после того, как стало ясно, что ни одна из «указных» задач не выполнена? Это была какая-то государственная или военная тайна? То есть диалог между российской властью и российским обществом не ведётся, налицо только монолог.

Интересно, что та же структурная ситуация складывается в отношениях российской власти с «коллективным Западом», только здесь не принимаются во внимание уже её собственные реплики и интересы. Что вызывает вполне закономерную и очень острую реакцию со стороны Кремля. Но пока не изменяет отношения «властной вертикали» к населению России. Что ж, «какою мерою мерите, такую же отмерится и вам». Возможно, отношение власти к народу кому-то кажется вполне оправданным после событий 1991 и 1993 годов, но, на мой взгляд, проблема здесь есть, и она с развитием событий становится всё глубже и острее. Думаю, в ходе последующих обсуждений мы к ней ещё вернёмся.

Что же касается внешнеполитической и глобальной экономической ситуации, то все участники нашего круглого стола разделяют мнение о том, что 2019 год, с очень большой вероятностью, станет годом больших потрясений для всего мира, не исключая и Россию.

Размышления об информации

*Беседа с главой группы компаний InfoWatch
Натальей КАСПЕРСКОЙ*

«ИЗБОРСКИЙ КЛУБ»: Наталья Ивановна, вы являетесь одним из ведущих специалистов в сфере информационных технологий. Насколько, на ваш взгляд, обоснованы опасения, что воздействие через интернет, через информационные сети на политическую, экономическую и технологическую сферы нашей страны может оказаться настолько сильным, что в России будет создана совершенно новая кризисная ситуация?

Наталья КАСПЕРСКАЯ: Сразу необходимо уточнить: я не являюсь специалистом по информационным технологиям. Я — специалист по информационной безопасности, а это в некотором смысле принципиально иная сфера деятельности. Потому что информационные технологии — это, прежде всего, всякие новые «штуки»: искусственный интеллект, технологии манипуляции через интернет и тому подобное. Мы же придумываем защиту от связанных с этими новыми технологиями угроз в разных сферах нашей жизни, поэтому я нахожусь в определённой оппозиции к новым информационным технологиям и отношусь к ним весьма скептически.

Проблемами собственно информационной безопасности я занимаюсь более двадцати лет и ещё не видела ни одной новой технологии, которая несла бы в себе исключительно заявленный функционал. Обязательно в комплекте с ней проходят какие-то «закладки», новые способы мошенничества, вторжений, а также хищений информации. Ваши же опасения по поводу интернета, насколько я могу понять, лежат в области не технологической, а информационно-ментальной. Но интернет — всего лишь способ доставки информации. Такой же, каким раньше были газеты, до них — писчие книги, а в обществе, не знавшем письменности, — скажем, легенды и мифы, которые передавались из уст в уста.

«И. К.»: Наши далёкие предки ещё в пещерах высекали разные рисунки.

Н. К.: Да, так и надо к этому относиться, то есть как к способу доставки информации. Конечно, интернет — очень быстрый способ, всё моментально долетает до его пользователей. И он ещё — очень зрелищный: видео, картинки и тому подобное. Этот информационный поток огромен, в нём трудно разобраться, и чем дальше, тем труднее. Объём интернет-информации долгое время ежегодно удваивался, и даже сегодня, уже на очень высокой базе, он продолжает расти со значительной скоростью.

Но сейчас этот рост в большей мере происходит за счёт картинок и видео — они очень много «вешают» в байтах. Тексты постепенно заменяются визуальными способами донесения информации, которые приучают нас по-другому воспринимать информацию. Я — не профессиональный психолог или преподаватель, который мог бы компетентно оценить эти изменения с точки зрения формирования личности или образовательного процесса. Но я могу поговорить о технологических аспектах.

«И. К.»: В чём они заключаются?

Н. К.: Например, теперь гораздо проще и легче стало осуществлять хищение информации или, например, слежку за нужным субъектом. Если раньше при «разработке» компании, корпорации или госоргана нужно было продумывать целую разведоперацию с целью получения доступа к конфиденциальной информации, то сейчас это не нужно. Потому что, например, есть мессенджеры — прекрасный способ общения. Многие министерства работают через мессенджеры. В том числе — российские.

Когда Роскомнадзор боролся с Павлом Дуровым и пытался заблокировать «Телеграм», то в какой-то момент ему это удалось, но в результате наше Министерство связи на несколько дней прекратило свою работу. Это был настоящий шок для его сотрудников — ведь они настолько привыкли общаться в мессенджерах, что тогдашний министр Николай Никифоров просто на работу не приезжал. А тут ему пришлось приехать.

«И. К.»: Концептуальная опасность — в том, что эти основные площадки, где наши чиновники обсуждают вопросы государственной важности, контролируются не Россией, а в основном США. Это — как шахматная доска с их правилами игры, и мы, получаемся, играем в их игры.

Н. К.: Да, и надо учитывать, что сами технологии мессенджеров (как и интернет) — это так называемые облачные сервисы. Это значит, что хранилища данных находятся где-то в «облаке». Эти облака, если мы говорим о популярных приложениях Telegram, Viber или WhatsApp, находятся за пределами РФ. То есть любая конфиденциальная информация (в том числе касающаяся персональных данных) вообще не должна туда попадать, поскольку это — прямое нарушение Федерального закона 152 «О персональных данных». Если мы конфиденциальную информацию отправляем

в «облако» — значит, мы не можем контролировать, что с ней дальше там происходит. А «облако» — это большое количество серверов. Поскольку ты за это «облако» не платишь, и оно тебе предоставляется бесплатно, как сыр в мышеловке, то ты не можешь и требовать от них, чтобы они оберегали твою информацию. Поэтому всё, что туда положено, считай, может быть доступно кому угодно. И обмен какой-то важной информацией или тем более документами с помощью таких программ — это как минимум странно. Видимо, в сознании многих людей связанные с этим риски не учитываются или же чашу весов склоняет в сторону «облаков» то, что это очень удобный, быстрый способ коммуникации, а сейчас почти все хотят быть постоянно «на связи».

«И. К.»: Но есть ведь и пример проекта WikiLeaks, сумевшего проникнуть в сети закрытого общения, а потом выкладывать в публичное пространство огромные массивы информации, которые диффамировали западную политическую элиту...

Н. К.: WikiLeaks — очень неоднозначный проект. Я не знаю, кто его создал, и не поручусь за его истинные цели и намерения. Тот факт, что любая утечка через WikiLeaks, как правило, освещается большинством глобальных СМИ, наводит на размышления. Вот вы, например, печатаете свою статью в журнале «Изборский клуб» или в газете «Завтра» — и что, сразу прибегают CNN с BBC её перепечатывать и комментировать, что вы там «нарыли»? Сомневаюсь... А здесь всё происходит ровно таким образом. Как-то в одном заграничном аэропорту я наблюдала на экранах четырёх телевизоров с разными каналами, как все они — где-то последовательно, где-то параллельно — комментировали одну из таких утечек WikiLeaks. Это смотрелось удивительно...

«И. К.»: Существует информационное поле, которое складывается из социальных сетей типа Facebook, телевидения, YouTube, газет, журналов и так далее. И все эти мощные «информационные пушки» контролируются силами, которые могут полностью «загасить» одну информацию и «раздуть» другую — например, «накрутками» лайков. Вот YouTube тоже странно работает. Там есть ролики, которые неожиданно выстреливают по непонятным причинам, а некоторые — не идут. Эти алгоритмы неизвестны, они не объявляются, правила игры

таинственны, и поэтому их невозможно никак оспорить. Как известно, в России даже нет представительства Facebook! В связи с этим возникает вопрос: есть ли в России необходимая технологическая, интеллектуальная и финансовая база для создания собственной национальной системы, своего информационного мира?

Н. К.: Технологические возможности для этого есть. Вы правы в том, что иностранные площадки ангажированы. Более того, американские площадки подчиняются закону, который был принят в 2001 году, после взрыва башен-близнецов, и назывался раньше «Патриотический акт» (USA Patriot Act). Этот закон устанавливал обязательный характер сотрудничества корпораций с правительством США. Потом он был переименован в «Акт о свободе». У американцев прямо по-оружейски получилось: свобода — это рабство, мир — это война... «Акт о свободе» свёлся к тому, что все обязательно должны «сливать» информацию. В этом смысле выступление главы Facebook Цукерберга в Сенате США я бы даже не назвала выступлением. Это был допрос — он там как уж на сковороде вертелся, и в конце концов его вынудили извиниться и публично согласиться на сотрудничество. Возможно, Facebook и до этого сотрудничал, но ему надо было показать пользователям Сети, что он не такой уж и ангажированный.

То есть проблема даже не в том, что у нас нет собственных платформ. У нас как раз даже для YouTube есть альтернатива — RuTube. И не в качестве социальных платформ, пожалуйста, есть сети «ВКонтакте», «Одноклассники». Проблема, прежде всего, в том, что если вы начали пользоваться какой-то соцсетью, завели себе там друзей, загрузили котиков и музыку, создали группы, то есть потратили на это какие-то силы и время своей жизни, а потом вдруг всё это исчезает — у вас возникнет фрустрация!

А вот в КНР нет никакого «Фейсбука», они удушили его в зародыше. Я как-то спрашивала одного китайца: «Как вы себя чувствуете без «Фейсбука»?» Он ответил: «Отлично!» Они не знали его и не знают. У них — несколько своих соцсетей. Мы же пустили к себе эту возможность вещать на нашей территории, поэтому у нас выстраивается куда более сложная история. И она связана не с технологическими возможностями, а с государственной волей. Но есть и некоторые технические ограничения. Блокировать какой-то контент внутри «Фейсбука» очень трудно. Если даже мы видим группу,

явно распространяющую наркотики, делающую призывы к суициду, террору или как-то иначе нарушающую законы РФ, — мы можем с «Фейсбуком» только договариваться. И они не обязаны выполнять наши пожелания, поскольку, повторюсь, даже не имеют официального представительства на нашей территории. Они ничем не рискуют и ни за что не отвечают, поэтому что хотят — то и делают. Единственный реальный способ — это просто «заглушить» весь «Фейсбук». Это вполне осуществимо для компьютеров, но в мобильных приложениях на смартфонах сделать это куда сложнее. В качестве приложения связь работает немного по другим каналам, поэтому разве что — всё целиком «глушить».

«И. К.»: Говорят, Китай взаимодействует с остальным интернет-миром, образно говоря, через «узкое бутылочное горлышко». Что-де существует всего один кабель, через который соединение проходит, и они сразу всё контролируют...

Н. К.: Я думаю, что это не соответствует действительности. Тем более что огромное количество китайцев находится за пределами КНР, они очень разные, и далеко не всегда сотрудничают со своей страной.

«И. К.»: Есть ощущение, немного тревожное и трагическое, что современные информационные технологии являются тем локомотивом, который будет создавать не только новые виды техники и услуг, но и новое общество. Если это так, то, выходит, приоритет в этих технологиях и распределит лидерство в XXI веке. Сейчас мы видим две соревнующиеся страны: США, являющиеся матрицей этих технологий, и наступающий им на пятки Китай — прежде всего, в производстве так называемого «железа» и в создании цифровых систем. А насколько отстаёт здесь Россия?

Н. К.: Я много лет боролась за IT-импортозамещение в нашей стране. Ещё до историй с блокировкой Visa и других

западных платёжных систем, которые стали у нас происходить после Крыма. Уже тогда мы говорили, что налицо нечестная конкуренция на рынке, поскольку приходят транснациональные корпорации, «заливают» всё деньгами: идут в госкомпании, условно говоря, материально их заинтересовывают и начинают продавать, а мы не в состоянии конкурировать с таким предложением, потому что у них цены во много раз ниже, материальные и рекламные возможности — совершенно колоссальные. Я говорила о том, что нужно создавать преференции для отечественного разработчика. Тогда меня слушали вполуха. Я не знаю, сколько бы ещё велись такие диалоги с властями предрезающими, но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. После того как западный мир явно продемонстрировал физическую возможность отключения у нас своих платёжных систем, в правительстве России резко призадумались о возможных последствиях и приняли соответствующие программы импортозамещения. И сейчас в общем-то довольно успешно внедря-

ют отечественные разработки в органы государственной власти. Дело уже дошло до компаний с госучастием, там всё идёт сложнее — через осязаемое сопротивление, но тем не менее идёт...

Минсвязи РФ приняло список обязательных продуктов, контролирует их внедрение. Конечно, это процесс довольно сложный. Но по информационным технологиям мы, как страна, на самом деле находимся в удивительной позиции. Нам ведь всё время любят тыкать, что у нас объём рынка 3% от мирового, что здесь никогда ничего не будет, это не выгодно — и так далее, и тому подобное. Но если мы посмотрим на количество технологий, которые содержатся в этом малом, трёхпроцентном объёме, то у нас соотношение получится намного лучше, чем, например, у Соединённых Штатов. Да, у США, допустим, есть все технологии, 100%. Потом берём наши технологии — и в «софте» у нас, я считаю, процентов девяносто технологий есть. По «железу» — хуже, поскольку эта сфера сложнее восстанавливается, а в своё время мы отечественную электронную промышленность, к сожалению, уничтожили

почти полностью. Начаты какие-то движения, но пока весомых результатов нет. Повторюсь: для нашего объёма рынка у нас много технологий. Оппоненты любят говорить, что качество этих продуктов сильно отстаёт от общемирового. Вопрос этот — лукавый. Потому что качество продукта невозможно проверить, не начав использовать. А чем больше его используешь, тем активнее разработчики доводят свой продукт «до ума», подгоняют к требованиям пользователей: и базовым, и специфическим. У нас есть продукты, которые замечательно конкурируют на мировой арене. Тот же «Антивирус...», система защиты от утечек DLP. В нашей группе компаний InfoWatch это — флагманский продукт. Мы не просто конкурируем с западными вендорами, а по многим параметрам их обходим. По уровню информационной безопасности — однозначно. У нас в этом плане есть всё. Назовите какую угодно тему — и я вам скажу, что там происходит и какие компании чем заняты. У нас около 300 известных компаний в области информационной безопасности. А с учётом дальних регионов можно «накопать» ещё столько же. Но мы не умеем эти технологии доводить до уровня конфетки в красивых «фантиках». Поэтому не всегда хорошо продаём свой продукт на глобальном рынке. Вот и пользуются такой популярностью разговоры о том, что «ваши продукты хуже». Может быть, «по красоте» — да...

«И. К.»: В какой степени оправданы опасения, что в «час X» при помощи «закладок» в импортной технике можно будет нанести ущерб российской экономике, инфраструктуре, простым гражданам нашей страны?

Н. К.: Сейчас такое возможно даже без всякого «часа X», поскольку все современные продукты и технологии имеют опцию удалённого управления. Включая автомобили, кстати. Современный автомобиль — это большой компьютер на колёсах. У него есть операционная система, которая соединяется с интернетом, у него обязательно есть встроенная антенна, чтобы передавать техническую информацию производителям. Они это делают, чтобы не упускать клиентов, — ведь они хотят не просто продать автомобиль и забыть про него, а всё время «стричь деньги» с клиента путём продажи ему различных сервисных продуктов. В автомобиле всегда всё ломается, конкуренция за продажу устройств слишком высока, поэтому базовую маржинальность они вынуждены держать близко к нижнему пределу. А заработок на сервисе уже неограничен. Что такое дополнительные

сервисные продукты? Вот вам встраивают эту антенну. А если вы её из своей машины удалите, то ваша карета превратится в «тыкву» — просто перестанет ездить, и всё.

«И. К.»: Но ведь санкции, которые выдвигает Вашингтон, пока выглядят смехотворно. Они могли бы многократно усилить своё давление на Россию, вмешиваясь в наши внутренние процессы производства/потребления.

Н. К.: Думаю, они не будут этого делать до самого начала горячей войны. Это моё личное мнение, я могу здесь ошибаться. У них есть задача превратить страну в зону своего влияния. Речь идёт о конкуренции: ничего личного, только бизнес...

«И. К.»: Интернет и телевидение являются мощнейшими средствами воздействия на менталитет как отдельных людей, так и различных человеческих сообществ. Подобные воздействия, например, на Украину привели там к трансформации общественного сознания, которая для нас чрезвычайно болезненна.

Н. К.: Безусловно, существуют методики представления информации в определённом виде. Человек может, благодаря интернету, начать общаться исключительно с кругом единомышленников и не выходить «за капсулу» такого суженного общения. У нас есть компания, которая занимается анализом социальных сетей, мы наблюдаем некоторые «анклавы», где люди начинают жить в особой атмосфере и больше не приемлют иного мнения, «затаптывают» человека с другими взглядами. А если у него хорошая аргументация — его просто «банят» и дальше продолжают жить в сфере своего «медиакомфорта».

«И. К.»: Как в фильме «Матрица»: главное — не адекватное восприятие реальности, а то, что воображает сам человек...

Н. К.: Даже не том, что воображает, а в том, что ему показывают... В сигнале. А сигнал, к сожалению, всегда проходит в чьих-то интересах.

«И. К.»: Есть информация о том, что в США намерены создать сеть космических спутников и через неё «посадить на интернет-иглу» практически всё население мира. Не даст ли реализация этого проекта дополнительные возможности влиять на политические процессы по всему миру?

Н. К.: С технической точки зрения есть возможность симметричного проведения интернета, когда реципиент воспринимает интернет непосредственно, то есть, условно говоря, имеется прямой сигнал. Но пока это очень сложная инженерная задача. В несимметричном варианте у реципиента есть необходимые для принятия сигнала системы приёмки. Они, как правило, адаптированы для конкретного вида сигнала. И если мы не ставим у себя эти адаптированные системы, то, соответственно, и не можем получить этот сигнал. Если же удастся реализовать симметричный сигнал и донести его до всей территории, тогда защищаться сложно. Можно было бы защищаться, как от радиоволн — путём глушения, но тогда ты заглушишь и что-то другое...

Пока эксперименты с симметричным проведением были не очень успешны, но теоретически это вполне реализуемая задача: если люди поставили себе задачу доставлять интернет в любую точку мира — это лишь вопрос денежных средств, скорее всего... И на всякое действие есть противодействие — собственно, как раз то, чем занимается и будет заниматься наша группа компаний. У нас есть несколько программ, которые нацелены на повышение научно-технической компетенции, и у нас есть для этого возможности — наша исторически сложившаяся хорошая математическая школа сказывается, как бы её ни расшатывали. У нас — прекрасные программисты, которые могут делать самые сложные вещи. Из тех программ, которые есть в России, самая известная — это программа «Цифровая экономика». В ней шесть направлений — в частности, по технологическим заделам для создания наших собственных систем будущего, в том числе и квантовых компьютеров...

«И. К.»: **Могут ли наши программы идти не в «догоняющем» режиме, а с опережением?**

Н. К.: Нам так и надо двигаться, потому что догонять бессмысленно! Например, создание собственных смартфонов было бы, мне кажется, правильным шагом. Или создание собственной российской доверенной среды. Но нам не хватает системности, мы расплываемся по множеству направлений.

«И. К.»: **В данной связи хотелось бы напомнить о ситуации с атомным проектом в СССР на рубеже 40–50-х годов прошлого века. Страна, находясь в условиях войны и послевоенной разрухи, имея валовый**

национальный продукт, в десятки раз меньший, чем у США и других капиталистических стран, решила проблему за счёт создания централизованного проекта — и за кратчайшие сроки добилась результата! Сейчас подобная ситуация наблюдается в сфере информационных систем, что видно на примере столкновений США и КНР вокруг компании Huawei. Может быть, нашему правительству нужно обратиться к управленческому опыту времён Берии?

Н. К.: Вы всё правильно говорите, но это вопрос не ко мне. Я не являюсь государственным деятелем.

«И. К.»: **Но разве вы не можете оказаться в ситуации, когда вам предложат такую роль?**

Н. К.: Мы занимаемся информационной безопасностью в рамках наших возможностей, но построение такой национальной программы — это всё-таки государственная задача! Тут должны государственные мужи думать. Мы стараемся что-то делать и как Ассоциация разработчиков программных продуктов (АРПП), и как члены Национальной платформы промышленной автоматизации (НППА), учредителем которой наша компания стала два года назад. Пытаемся донести мысль об опережающем развитии. Но для того, чтобы сделать единый проект, нужна государственная воля...

Вот есть программа «Цифровая экономика» — это первая попытка сделать нечто вне рамок коммерции. Потому что все институты развития, которые у нас есть, — ориентированы на прибыль: и «Сколково», и Российская венчурная компания (РВК), и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), и инвестиционная компания «Росинфокоминвест», созданная при Минсвязи. Они не проинвестировали ни одного нашего проекта. Мы пытались получить инвестиции, но там настолько чудовищные, противоречивые и странные условия, что их просто невозможно выполнить... Поэтому и появляются клоны западных интернет-«проектиков» о том, как продавать пиццу бабушкам средних лет...

«И. К.»: **Кстати, такой проект действительно существует...**

Н. К.: Да их много! И вопрос: нам надо проекты подобного уровня финансировать или не надо?! Выясняется, что в этой коммерциализации не достигаются никакие цели. В этом смысле не проще ли действительно сложить деньги в две альтернативные конторы, соревнующиеся меж собой? В частности, проект по доверенной

платформе или смартфон сделать отечественный, почему нет? Была попытка: Yota. Людям дали деньги, они эти деньги «съели», выпустили на рынок продукт, который потом продали китайцам, и на этом дело закончилось. Национальной платформы в результате так и не возникло.

Мы в своё время для Ассоциации разработчиков программных продуктов (кстати, насчитывает 157 компаний технологического сектора) нарисовали карту всех имеющихся IT-технологий. Отсутствующее выделили красным цветом; то, что есть, — зелёным; а то, что нуждается в доработках или существует в прототипах, обозначили чёрным. Как я уже говорила, на «железном» фланге у нас почти сплошь красный цвет, на ПО-фланге — многое зелёным выделили. А инфраструктурные вопросы у нас — серединка на половинку получились. Минсвязи, отвечающее за «софт», предложило согласовать критерии по собственно отечественному «софту», и мы два года решали эту сложнейшую задачу. Потому что разработчики, например, могут быть

в России, а собственник — жить в Сингапуре. И как прикажете оценивать такой продукт, он отечественный или нет? Или, наоборот, собственник живёт в России, а разработка у него в Праге или на Украине. Мы долго спорили и в конце концов пришли к каким-то критериям. Но помимо них Минсвязи постановило, что должен быть экспертный совет из 40 человек, который будет всё решать-различать. Я, как член этого экспертного совета, могу сказать, что поначалу на нас вылился немислимый поток «софта» — до 600 продуктов! Сейчас по «софту» — уже больше 5000 продуктов в российском реестре.

А за «железо» у нас отвечает Минпромторг, который тоже начал согласовывать критерии. Может быть, и согласуют... когда-нибудь, в рамках «Цифровой экономики». Но разве не идиотизм, что за «железо» и «софт» у нас отвечают разные министерства?! Они же по-разному устроены, у них разные начальники, они, в конце концов, конкурируют между собой! А теперь скажите: программно-аппаратный комплекс,

тот же смартфон, который у нас в кармане лежит, — это что: «софт» или «железо»? Вы скажете — «железо», а я скажу, что это на 90% «софт», потому что там куча программ, которыми вы пользуетесь. Без них смартфон — не смартфон...

«И. К.»: Когда общество оказывается пронизано цифровыми технологиями, выстраивается иная модель: образования, потребления информации и так далее... Ведь эти технологии всё равно придут к нам: из-за океана или из-за Китайской стены, — но придут неизбежно. И если у нас не будет своей государственной модели, то чужие технологии понижут наше общество «снизу». Есть ли у нас какая-то концепция, более широкая, чем даже «цифровая экономика»?

Н. К.: «Цифровая экономика», как мне казалось, должна была бы стать такой концепцией. Потому что это межведомственное взаимодействие, где объединение происходит по принципу наличия информационных технологий как основного субъекта. Но каждое ведомство

стало тянуть на свою сторону — как лебедь, рак и щука. Я наблюдаю эти процессы изнутри...

«И. К.»: А интегратор есть? Вот интегратором атомного проекта был Лаврентий Павлович Берия...

Н. К.: Интегратор у нас — Аналитический центр (АЦ) при правительстве Российской Федерации. А от бизнеса в этой роли выступает Автономная некоммерческая организация (АНО) «Цифровая экономика». Но там нет «архитектора» — важной для любых проектов вещи! Такого, каким для космических проектов был Королёв! Я думаю, что если бы не он, мы не создали бы ракету, способную летать в космос и забрасывать на орбиту полезную нагрузку. А в АЦ в ответ на «сетевые вопросы» отвечают: «Мы в этом ничего не понимаем, мы только рамки вам создаём». АНО «Цифровая экономика» — это просто собрание бизнесменов из крупных компаний. Как ни крути — они свои интересы лоббируют, они по-другому работают. И дальше это как-то подразделяется

на «ключевые показатели эффективности» (Key performance indicators — KPI). А почему именно эти KPI, почему эти направления, а не другие? Как и кто их выбирает? — непонятно...

«И. К.»: Если сейчас не совершить рывок в сфере «цифрономики», то в ближайшие 10–15 лет нас ожидают тяжёлые времена, потому что есть и американская доминанта, и китайский Huawei, уже ощутимо опередивший американцев. Есть ли с нашей стороны хотя бы понимание этой ситуации?

Н. К.: В данной связи выскажу мысль, несколько противоречащую вашей позиции. Нам надо объединяться с китайцами. Догнать китайцев по «железу» уже почти невозможно. Да, у нас тоже ведутся разработки собственных процессоров, но остаётся нерешённым и нерешаемым вопрос по себестоимости — ведь, чтобы достичь конкурентоспособного уровня по цене, нам нужно производить миллионы штук, внутри России или ЕврАзЭС такого рынка нет; а выйти на внешний рынок — значит, либо вложить огромное количество денег сразу, либо каким-то образом объединиться — с теми же китайцами. Потому что сейчас всё массовое «железо» российского производства делается в Китае; давайте не будем строить иллюзий насчёт отечественных шильдигов на электронных изделиях. За исключением штучных экземпляров, которые производятся у нас для спеццелей: спецкомпьютеры и так далее... Китайцы, разумеется, будут пихать туда свои «закладки». Но ведь это меньшее зло, поскольку они, в отличие от наших «западных партнёров», по крайней мере, не военные противники России.

«И. К.»: Интересен сам тип личности программиста — ведь это особые люди, которые живут в своём, особом мире... Как они формируются, нужны ли им широкие знания, в том числе — гуманитарные? И если вы говорите, что надо изобретать, то это предполагает наличие творческого типа личности. В советское время «физики» часто были «лириками», а что такое — современный программист-«креативщик»?

Н. К.: Программист программисту рознь. Тут, как и в любой специальности, существуют различные роли. Есть программисты низового уровня, так называемые кодеры, которые пишут код по ранее заданным алгоритмам и схемам. Это могут быть даже студенты, ведь очень часто программировать начинают ещё в школьные годы. Программирование — это вообще спорт молодых. Есть ведущие программисты (специ-

алисты), которые пишут модели, то есть программируют на концептуальном уровне. Есть IT-менеджеры, которые ещё и руководят своими командами, распределяют большие задачи на весь коллектив. Есть технические директоры. Есть, конечно, аналитики, которые определяют, каким образом лучше решить ту или иную задачу, — ведь на самом деле программист очень многое делает не сам, а пользуется готовыми решениями. Прежде чем создать продукт, нужно понять сценарии и способы реализации для платформ, и всю эту информацию необходимо предоставить программистам, с тем чтобы они сами выбрали оптимальный способ. То есть целый клубок специальностей и технологических разделений... К тому же есть разделение по языкам программирования — кто-то программирует на Java, кто-то на C, кто-то вообще на Assembler, хотя сейчас таких практически не осталось. И человек, пишущий интерфейсы, будет отличаться от системного программиста.

Я считаю, что программистов надо учить фундаментальным наукам. Говорят, что индийцы фундаментальным наукам не учат, у них задача — быстро дать много людей, которые могут начать что-то писать, то есть кодеров. В одной индийской фирме Infosys работает — не удивляйтесь! — 400 000 человек, занятых только написанием «софта» на заказ. Есть и такая фирма — не буду её называть, — с менеджером которой я встретилась на какой-то конференции. Смотрю на визитку и интересуюсь, чем занимается эта компания. Он мне отвечает: «Мы программируем на заказ» Чтобы поддержать разговор, потому что раньше никогда не слышала о такой компании, спрашиваю: «О, круто! А много у вас сотрудников работает?» Оказывается, 350 тысяч человек! У меня три сотни сотрудников — и то сложно...

Программисты — это люди, которые мыслят алгоритмически. Это люди со структурированным умом, погружённые в математические модели. Это сфера, несколько противопоставленная обычному человеческому общению, хотя я знаю исключения из этого правила. Это, естественно, вовсе не значит, что этих, условно говоря, отстранённых людей нельзя объединить, нельзя вместе с ними решать задачи. Это вопрос правильного управления коллективом.

«И. К.»: Наталья Ивановна, спасибо вам за очень интересную беседу!

*Беседовали Александр НАГОРНЫЙ
и Андрей ФЕФЕЛОВ*

/ Игорь СУНДИЕВ, Андрей ФРОЛОВ /

«Образ будущего» и «переквантование реальности»

«**О** образ будущего» и понятие о нём не только всегда присутствовали в истории человечества, но и оставались «светлыми»: будущее воспринималось как *лучшее* существование для себя и для своих потомков (например, дети психологически воспринимаются как воплощение нашего «лучшего и светлого будущего»). Ранее роль регулятора в развитии социальных процессов выполняли мифология, религия и идеология, перемешиваясь между собой, но при этом суть не менялась — образ будущего всегда представлялся «светлым», то есть «лучшим», «лучше прежнего».

Можно с уверенностью сказать, что существует точный маркер направленности вектора развития общества: если впереди «светлое» и «лучшее» будущее, — это признак того, что общество движется вперёд, развивается. Если «светлого» образа будущего не видно или в коллективном сознании преобладают и «муссируются» «природные и техногенные катастрофы, вторжения злобных пришельцев» — это говорит о том, что общество стагнирует или даже деградирует.

Самое удивительное, что мы, люди, в настоящее время являемся и «наблюдателями», и участниками грандиозных «мета-событий», происходящих с нашими социальными и физическими системами, — процесса **«переквантования реальности»**, т. е. завершения одного «мета-события» и перехода к последующему «мета-событию». Находясь «внутри» процесса, мы, вероятно, не можем своим человеческим сознанием соотнести масштаб грядущих изменений с теми процессами, которые наблюдаем в социальной среде (для человека социальная среда всегда является средой обитания и психологической средой), и продолжаем мерить нашу социальную жизнь в экономических, политических и военных «событиях».

Согласно концепции функциональных систем, предложенной академиком К. В. Судаковым, «всё мироздание пронизано находящимися в тесных иерархических отношениях между системоквантами различного уровня организации от физического уровня через системокванты живых организмов до системоквантов космического уровня». Хотим мы этого или нет, на наших глазах закончился «мета-системоквант» развития масс-кинетического мира («косной» и «живой» материи) и начинает формироваться следующий «мета-системоквант», в котором будут доминировать информационно-смысловые структуры и процессы.

Откуда нам становится понятным и очевидным, что время зоопопуляции как системного построения с доминантой витальных потребностей — закончилось? Об этом свидетельствует тот факт, что современное состояние производительных сил (автоматизированные производства, материаловедение, логистика, управление базами данных и др.) уже могут полностью удовлетворить витальные потребности человеческой популяции. Но до тех пор, пока витальные потребности определяют смысл существования большинства людей, говорить о движении «вверх» — бессмысленно. Естественно, что у каждого человека должен быть выбор: будет он двигаться вперёд и вверх или остановится на витальных потребностях, но принудительно «превращать человека обратно в обезьяну» — верх социального цинизма (кстати, обезьяна не имеет психосоциальных потребностей — ей и без Пушкина хорошо).

Важно отметить, что **«переквантование реальности»** происходит не «плавно», а совершается в виде квантового скачка — «молниеносно»: известная Кривая Панова — Снукса — Курцвейла (1996–2005), характеризующая процессы текущих «мета-изменений» в социуме и нашем континууме «встала вертикально», — что, по мнению этих учёных, означает, что количество событий на единицу нашего времени стало «стремиться к бесконечности»: мы уже оказались «почти» в так называемой «точке сингулярности», т. е. в точке перехода в иное качественное состояние (в соответствии с графиками А. Панова и Р. Курцвейла момент *Сингулярности* прогнозируется в 2020–2045 гг.) (см. *график 1*). Непосредственно для социума этот переход выглядит как завершение функций зоопопуляции (обеспечения витальной доминанты) и начало развития психосоциальной формации, с доминированием информационно-смысловых и нравственно-этических потребностей человечества.

Образно говоря, возникновение «слепого пятна» на «образе светлого будущего» человечества связано с рядом *субъективных* («социальных» и «над-социальных») и *объективных* («мирозданческих») причин, а также с методологическими аспектами современных научных исследований в условиях резкого «перепада» («снизу–вверх»), в скачкообразном повышении уровня сложности наблюдаемых структур и процессов. Повышение «уровня сложности» системных построений характеризует повышение результативности в их «работе против энтропии», но «задаёт задачи» учёным,

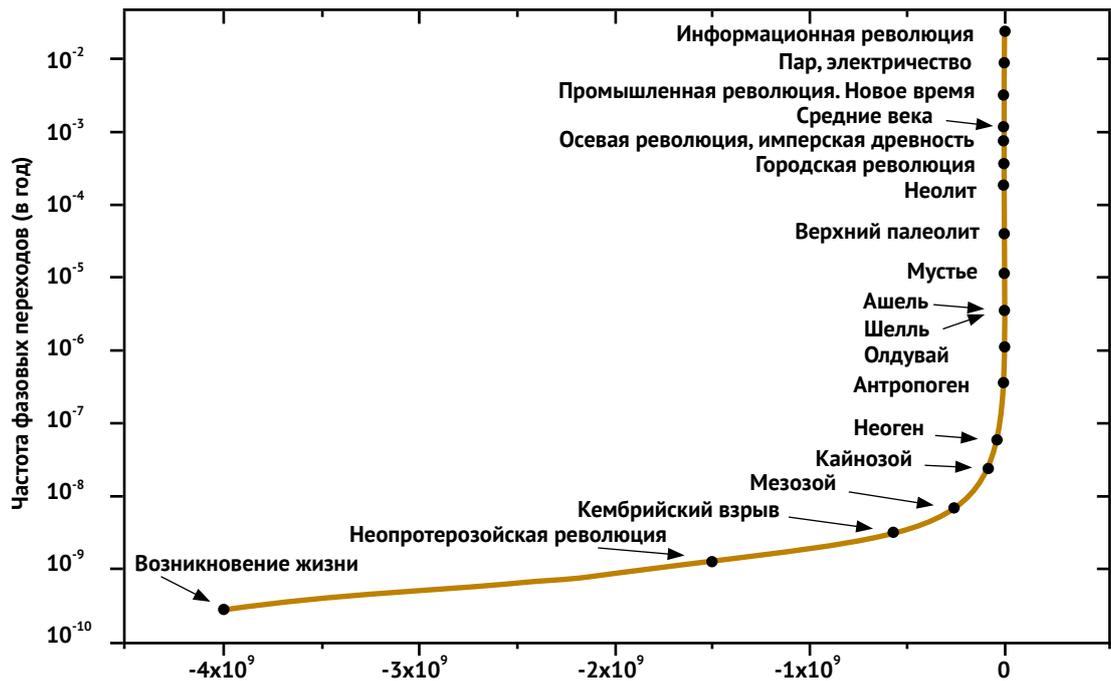

График 1

Масштабная инвариантность распределения биосферных фазовых переходов во времени, по А.Д. Панову, 2008.

которым нужно подобрать соответствующую методологию, чтобы описать эти процессы усложнения.

Примером такого осмысления «перепада в уровне сложности» явилась работа известного австрийского физика Э. Шредингера «Что такое жизнь. С точки зрения физика» (1945), раскрывающая суть различия между живой и неживой природой: живое отличается более высоким уровнем сложности по отношению к неживой природе, хотя и строится из тех же самых атомов (что определяет его особые антиэнтропийные свойства: «организм способен «пить упорядоченность» из внешней среды, нанизывая на себя поток порядка»). Показательно, что «прикладным» результатом этого осмысления явилось открытие химической структуры генетического кода Дж. Уотсоном и Ф. Криком.

Соответственно, «психическое» должно обладать ещё большим уровнем сложности по отношению к «неживой и живой природе», обеспечивая таким способом его специфические антиэнтропийные качества.

Надежду на подбор соответственной научной методологии в критический момент «переквантования реальности» вселяет С.Г. Кара-Мурза: «В переломный момент истории наука проявляет себя как рациональная, конструктивная и освобождающая сила. Она выявляет симптомы, ставит диагноз, объясняет суть

кризиса и раскрывает пути его преодоления... Однако, судя по тем процессам, которые происходят в науке, можно надеяться, что она найдет формы синтеза рационального метода познания с моральными ценностями и с другими феноменами общественного сознания, предложит человеку новые модели его взаимоотношений с людьми и природой, в которых свобода будет компенсирована ответственностью, а свободное развитие личности — сочетаться с новыми формами коллективизма и солидарности».

Действительно, ясно увидеть «образ светлого будущего» для всего человечества из нашей социальной реальности стало достаточно затруднительным. Ведь процесс усложнения затрагивает не только Природу и социум, но и всё Мироздание в целом — по масштабам и значимости изменений квантовый скачок равен «Большому взрыву»: закончен первый этап (мета-системоквант) формирования Мироздания в формах «косной» и «живой материи», и сейчас на наших глазах (точнее, при нашем непосредственном участии) начинается формироваться следующий мета-системоквант, связанный с развитием психических и психосоциальных процессов. Можно сказать, что «**Переквантование реальности**» — **объективный мета-процесс**, затрагивающий все аспекты «бытия и сознания», произвольно «отменить» который невозможно.

Самое удивительное в этом объективном «мета-процессе» то, что его *субъективным фактором является человек* (Homo sapiens). Человек выступает не как «песчинка», затерявшаяся в безжизненном космосе («размер в данном случае не имеет значения»), а как носитель уникального свойства — *нравственно-этического поведения*. Именно *нравственные свойства человека* являются фактором сверхэффективного «сдерживания» энтропии, необходимого на следующей ступени развития Мироздания. Это не означает «дематериализацию»; это означает, что на «твёрдом фундаменте» масскинетических форм произойдёт усложнение — «перепрошивка» структур бытия, в результате которой доминанта системоквантов сместится с атомарно-молекулярных «процессов» на информационно-смысловые «события».

Ещё одна важнейшая характеристика систем, находящихся на грани перехода в иное качество, т.е. на более высокий уровень сложности, — они неминуемо проходят «болезненную» (именно «кризисную») стадию *пенности*. По заключению И. Коньшева, «пена давно привлекала внимание физико-химиков... На основании сложных расчётов лорд Кельвин (1824–1907) показал: ячейки, сформированные пузырьками пены, возможно рассматривать как элементарные многогранники, на которые разбивается пространство... Пена состоит из множества пузырей, которые соприкасаются друг с другом. Наиболее выгодной формой мыльного пузыря в составе пены с точки зрения минимизации поверхностного натяжения оказался додекаэдр» (см. рисунок 1).

Фактически — это информационный процесс, приводящий к резкому увеличению степеней свободы в системе: диссипативности, вариабельности, неопределённости. Применительно к социальным процессам — это дробление смыслов, «размывание» нравственных категорий, уничтожение исторического опыта. В качестве примеров можно привести: включение в понятие «гибридной войны» всех форм межгосударственного взаимодействия (экспорт энергоресурсов, Олимпийские игры или чемпионат мира по футболу и т.п.); «*фейковые новости*», распространение которых привело к невозможности для гражданина нормально ориентироваться в происходящем, а для политических субъектов — возможности дискредитировать любой информационный источник. Как следствие, правовые системы (в первую очередь — международное право) становятся ничтожными, так как основание применения

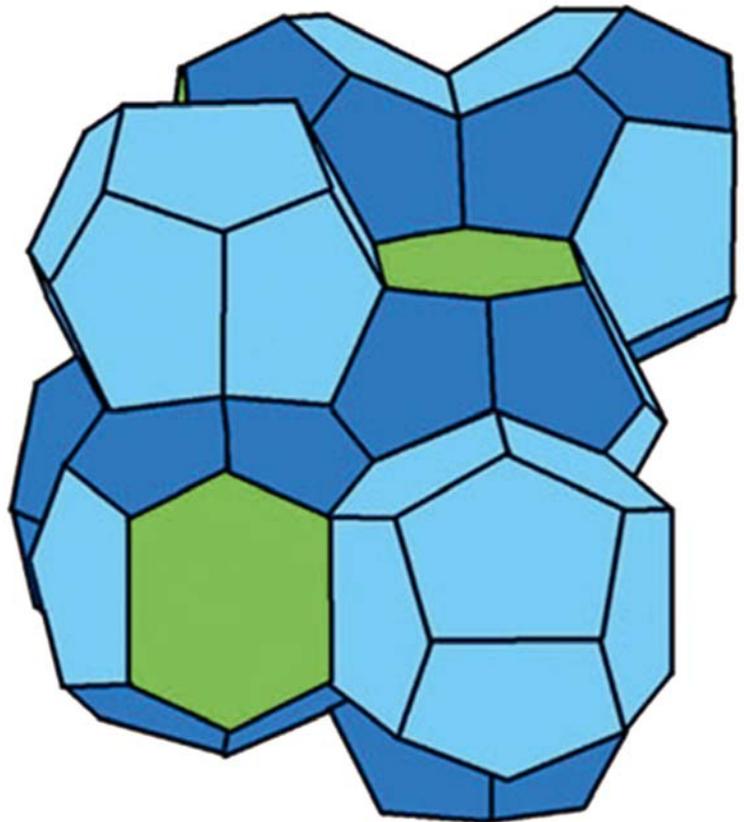

Иллюстрация: Tormruen/Wikimedia Commons/PD

Рисунок 1

На рисунке: пена Уэйра-Фелана. Каждый её пузырь напоминает угловатый шар, образованный из 12 соединённых гранями пятиугольников.

любой нормы можно оспорить, сославшись на «фейковые доказательства» или приведя свои, не менее «фейковые». В плане морального регулирования гипертрофия «толерантности» привела к тому, что содомия и сатанизм начинают вытеснять традиционные нормы нравственного поведения. Тем не менее увеличение степеней свободы в системе необходимо для «проработки» предыдущего накопившегося в системе опыта достижения положительных результатов деятельности (у индивидов и социальных групп задействуются механизмы памяти). Таким образом, увеличение объёма афферентаций позволяет сработать «механизму принятия решения».

Понятно, что при таком генеральном процессе, как *переквантование реальности*, условный «объём» *пенности* возрастает соответственно мета-масштабу происходящих изменений и проявляет себя, прежде всего, как наблюдаемая «неопределённость» в социальных системах. Природные системы тоже «флуктуируют», но их саморегуляция задана

более простыми и более «жесткими» параметрами — это можно наблюдать в настоящее время в климатических и других явлениях.

К субъективным факторам, искажающим восприятие образа будущего, относится и «жесткая реакция» сил, заинтересованных в «консервации сложившегося миропорядка». Следует подчеркнуть, что наблюдаемые «волны» реакции в ответ на продвижение социума к точке сингулярности были обусловлены, прежде всего, не только действиями представителей определённых социальных групп, но и деструктивным воздействием с более высокого уровня системной организации — метафактором (неспецифическим информационно-смысловым объектом, оказывающим программирующее воздействие на социум с более высокого уровня системной организации как «помеха сверху» — и потому не воспринимаемым как «чужеродное построение» (см. «Изборский клуб, 2017, № 8).

Напомним, что уже с 60-х гг. XX века направленные воздействия метафактора привели к «закукливанию» человеческого сознания и попытке его инвертирования «внутри»: формулу «внутренний мир может быть богаче внешнего» «продвигали» представители «научного шаманизма» Т. Лири, К. Кастанеда, С. Гроф. Затем, в 80-е годы, началось свёртывание космических программ, и, наконец, в новом веке Миллениума было завершено строительство «Глобальной цифровой платформы, позволившей ещё в большей степени «виртуализировать реальность» и окончательно «закуклить» человека на самом себе, на своих витальных потребностях. Воздействие субъективных факторов, как социальных, так и «надсоциальных» (вызванных мета-фактором), является наиболее чувствительным для социума, поскольку осуществляется «сверху» благодаря информационным преимуществам программирования конечных результатов деятельности социальных процессов (которые функциональные системы социума должны неукоснительно достигать).

Остановить или затормозить объективный мета-процесс «переквантования реальности» невозможно, но остается «хитрый ход» — направленно «раздувать» объем афферентаций за счёт «дробления» смыслов (генерирование и поддержание «виртуальной реальности» с помощью мощностей Глобальной цифровой платформы) и затягивать генеральную стадию — как формирование «Образа светлого будущего». Только тогда, когда образ будущего сформирован как акцептор результата действия, система сама «избавляется» от **пенности** как «излишних

степеней свободы»: диссипативности, вариабельности, неопределённости, — и приступает к этапу реализации своей информационной модели и достижения конкретного результата деятельности.

«КРИЗИС КРИЗИСОВ» КАК ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА РАЗВИТИЯ ЗООПОПУЛЯЦИИ

Вероятно, это первый случай в истории, когда в социуме исчезло представление о «светлом будущем» как о «лучшем существовании» человечества — «бывали хуже времена, но не было подлей!». Подлость состоит именно в том, что даже при осведомлённости о процессе «переквантования реальности» не ставится задачи осознанно завершить зоопопуляционный цикл и перейти к новому этапу развития.

Основная задача — ровно противоположная («не вверх, а вниз»): стагнация любых проявлений социального (психосоциального развития), *консервация сложившегося миропорядка* — любым доступным способом продлить «своё» существование в зоопопуляции. Вопрос даже не «поднимается» в политико-экономическом аспекте — речь не о капитализме и его дальнейшей «реанимации» в каких-либо новых формах, а о создании *локальных территориальных агломераций* — своеобразных анклавов для «выживания» прежнего миропорядка.

В силу «резкого перепада» уровня сложности «Образ будущего» для человечества сегодня воспринимается и видится многими аналитиками: учеными-футуристами, социологами, экономистами, политиками и другими специалистами, — как «конец света», Апокалипсис или Армагеддон, на выбор. Трагедия кривую Панова–Снукса–Курцвейла, «британские учёные» пугают нас тремя вероятностными сценариями будущего: **глобальной войной, антропогенной катастрофой и, наконец, технологической сингулярностью** как «киборгизацией» человечества и техносферы — как якобы апофеозом «удаления от естества». Другие, не-апокалиптические вероятностные сценарии ими пока не рассматриваются: подразумевается, что человек и социум не содержат в себе предпосылок для качественных изменений, а потому не смогут стать субъектами грядущих изменений.

Мэтры Римского клуба в своем юбилейном докладе (декабрь 2017 г.) «развёртывают» тему более обстоятельно и подробно, обосновывая, что современный кризис «не циклический, но усиливающийся — он не ограничен при-

родой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы...»

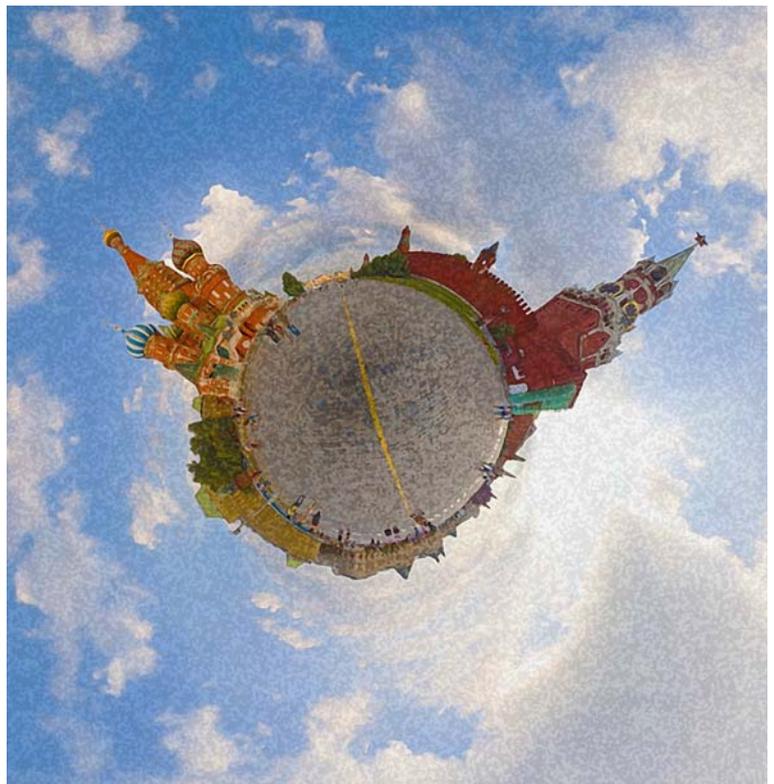
Получается, что даже такие радикальные «людоедские рецепты», как «утилизация населения», «создание мирового правительства» и «внешняя стратификация населения», применяемые к социуму по рекомендациям Римского клуба вот уже 50 лет, не помогли «стабилизировать» «загнивающую», «паразитическую» и «умирающую» глобальную систему капитализма даже после деструкции СССР и поглощения ресурсов всего «соцлагеря»... По мнению М. Делягина, «утилизация населения, с чем столкнулись ещё гитлеровцы, крайне сложна. В неразвитых странах голод, болезни, искусственное бесплодие (включая прививки и планирование семьи) и войны не решают проблему: люди перестают размножаться, лишь если живут хорошо, но это повышает издержки, а не снижает их».

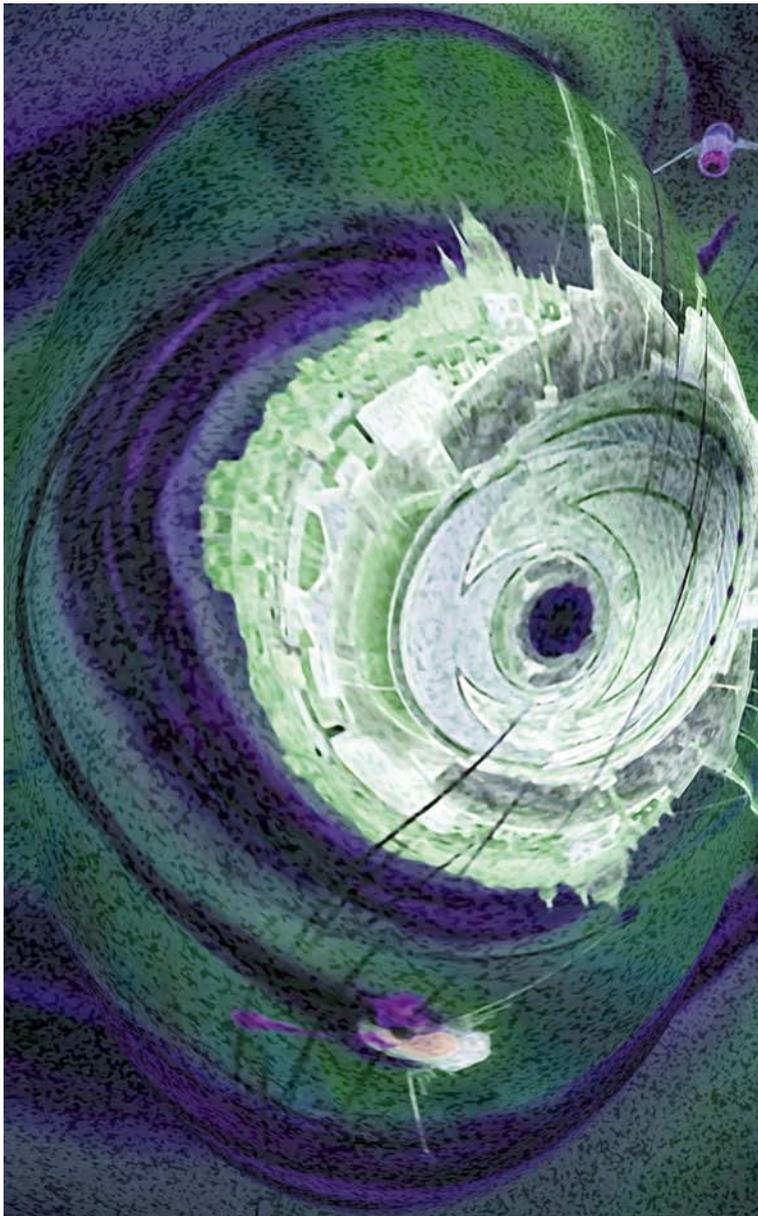
Впрочем, и в юбилейном докладе от прежних «людоедских рекомендаций» никто из авторов и не отказывается... Авторы лишь «сменили пластинку» и стали «стелить мягко», жёстко критикуя капитализм, осуждая финансовые спекуляции, призывая к альтернативной экономике и даже к «новому Просвещению». Эта «реадаптация» и «переобувание в прыжке» обусловлены тем, что обрисовать контуры новой модели будущего авторы уже не в состоянии, поскольку их взгляд направлен только в прошлое — в тот опыт зоопопуляционного развития капитализма, по законам которого они за несколько веков научились глобальному управлению. Новое особенно пугает их тем, что может лишиться имеющегося статуса: ни глобальные, ни региональные элиты никогда не откажутся от «всего, что нажито непосильным трудом», — в самом деле, не будут же «избранные» «делиться» со «всем остальным» народонаселением планеты, называемым ими «лузерами», то есть «неудачниками».

У них остается только один способ консервации сложившегося миропорядка — **нагнетание искусственного неравенства** через «завышение» границы отсечения в удовлетворении витальных и психосоциальных потребностей (доступности питания, жилья, образования, здравоохранения) по имущественному критерию (имея возможности анализировать базы данных, можно точно «вычислять» границу «отсечения» и так, например, ликвидировать средний класс). Различия в доступе

к ресурсам как своеобразный социальный «осмос» позволяет обеспечивать ту самую искусственную «динамику», которую мы и наблюдаем как «броуновское движение» в социуме. Понятно, что при поддержании неравенства «давление в колбе» будет нарастать, но, имея в руках Глобальную цифровую платформу, можно до некоторого момента пытаться «сравливать давление», используя стандартный маркетинговый ход — торговлю «поделками» (или «подделками») научно-технического прогресса (который в современном капиталистическом мире почти выполняет роль Новой религии).

Самые «крутые» технологии «иллюзии равенства», растиражированные с помощью мощностей Цифровой платформы, — вероятно, те самые «крохи с барского стола», «перепевки» результатов неудавшихся научных проектов по обеспечению **«бессмертия для избранных»** (деньги вложены, «бабки нужно отбивать»): **глобального трансгуманистического проекта** (переноса сознания на искусственные носители и замена органов на техногенные импланты) — киборгизация: частичная или полная), глобальной программы **редактирования генома человека** — попытка обрести бессмертие через манипуляции с генетическим кодом, и, наконец, программа, связанная с **управлением квантовой не-**

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК СИСТЕМОФОРМИРУЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИУМА

Образ будущего — не «культурная абстракция», не «политический лозунг», не «экономическая программа развития». Это — главный функциональный элемент человеческой психики (АРД), который и определяет «смысл жизни» человека (в его психосоциальном проявлении). Без образа будущего как «психической реальности» не могут существовать ни индивиды, ни социальные группы, ни государственные институциональные структуры. Согласно П.К. Анохину, функция «опережающего отражения действительности» — базовая функция всех живых систем (зоопопуляционных и психосоциальных), дающая возможность субъекту «опережающе» «подготавливаться» к грядущим, ещё не наступившим событиям (заранее «разворачивать» соответствующие функции и необходимые морфологические субстраты). Именно по этой причине «образ светлого будущего», «образ счастья», «социальный концепт», «национальную идею» — нельзя «придумать», «синтезировать», «собрать из того, что было», а затем «привнести» в социум и «привить» «искусственно». Нельзя увидеть пустоту.

В XXI веке люди уже стали забывать, каков он, «на вкус и цвет», «образ светлого будущего» и те радостные эмоциональные состояния, которые связаны с этим образом... Образ будущего и эмоции, связанные с этим образом, — неотделимы друг от друга. Эмоциональные состояния характерны тем, что они «подкрепляют» и «окрашивают» *социально значимый результат деятельности* (в том случае, когда он достигается, возникают положительные эмоции). Но эмоции «живут» только в момент социальных свершений — их невозможно воспроизвести «по памяти», то есть сделать это произвольно. «Коллективное сознание» как «историческая память» — тоже включает эмоциональные состояния. Когда мы говорим: «Я горжусь», — это акт психологического отождествления себя с предыдущими поколениями («Я» — сейчас как «Я» — предок), включая эмоциональный подъём (социально значимые результаты предков-прародителей воспринимаются как личностно-индивидуальные — это и есть та самая «преемственность поколений»). Именно на уничтожении исторической памяти построены современные методики деструкции социума.

Так, «коллективное сознание» уже стало забывать то состояние «душевного подъёма», которое сопровождало грандиозные по исто-

определённостью — своеобразного «трюка» с Ящиком Шредингера («войти» в него здесь, а «выйти» — в иной реальности)».

Для электората — обещания и как бы соответствующее «научное обоснование» научно-технического обеспечения вечного блаженства («принцип трех «Б»»: **«блаженство, бессмертие, божественность»**). Вот выдержка из бестселлера Юваля Ноя Харари **«Homo Deus. Краткая история будущего»**: «Счастливым человека делает только одно — приятные ощущения в теле... Что бы там ни твердили монахи в Гималайских пещерах или философы в башнях из слоновой кости, для капиталистического сознания счастье — это удовольствие. Точка... Кто знает, как всё изменится по прошествии следующей четверти века!»

рическим масштабам результаты социально значимой деятельности человечества на протяжении XX века (психологически не «воспроизводится»). Во-первых, мы (мы как «потомки и наследники») забыли тот эмоциональный подъём, который сопровождал уникальный результат Октябрьской революции 1917 года — **возникновение первого в мире социального (социалистического) государства — «государства социальной справедливости»**. Во-вторых, мы забыли то уникальное состояние, называемое «энтузиазмом», — забыли о едином порыве индустриализации, возникшем при строительстве инфраструктуры того самого социального государства: не только киркой и лопатой, но и прилежной учёбой и смекалистой инженерной мыслью («Время, вперёд!»). «В буднях великих строек» состоялась первая в мире социалистическая индустриализация (несравненно более эффективная, чем проведённая в мире капитала, потому что была результатом направленной коллективной психосоциальной деятельности). В-третьих, мы забыли ту мощь справедливого гнева, единения народа, который возник при новой попытке от мобилизованной Европы нас завоевать («Вставай, страна огромная!»): в основе Победы — морально-нравственные качества советского человека, прежде всего, и его волевые — душевные силы. Великая Отечественная война была не только испытанием, но и «закалкой», укреплением «образа светлого будущего». Победа 1945 года — это не просто трудная военная победа: это «окончательная победа» «образа светлого будущего»: уж теперь нам ничто не помешает его построить. В-четвёртых — мы уже забыли, что всего через 15 лет после окончания самой кровопролитной войны, покалечившей инфраструктуру нашего государства, в космос полетел первый человек — Юрий Гагарин. Одновременно был завершён и «атомный проект»: построены первые АЭС и создано атомное оружие. Любой руководитель-государственник и хозяйственник поймет, как это было трудно сделать в послевоенные годы... Забылась и радость от первого полета Ю. Гагарина, который воспринимался тогда как «живой символ» новой эры в развитии человечества — «светлое будущее наступило!». И мы «ПОЕХАЛИ!!!», но не в безжизненную Вселенную, а именно в Аристотелевский космос, в космос Циолковского («Ракета — не цель, а средство!»), к новым смыслам существования. Темы психосоциального развития человечества как «образа будущего» стали развиваться в советской и мировой литературе — особенно

в жанре фантастики: А. Кларком, Р. Брэдбери, И. Ефремовым, А. и Б. Стругацкими.

Видение «образа светлого будущего», особенно ярко проявившего себя в послевоенное время, передалось и капиталистическому миру — достижения социализма открыли людям глаза на возможность жить не только хлебом насущным, а «воплощать мечты» (высшие творческие потребности). И тогда «господа капиталисты» были вынуждены реструктурировать и изменить социальные отношения в своих государствах: расширить «соцпакет», организовать «средний класс», уменьшить различия в социальном (имущественном) неравенстве. Более того, в Скандинавских странах даже стали возникать своеобразные «гибриды» в виде государств «капиталистического социализма» («социальность» государства заключалась в гарантированном обеспечении витальных потребностей: сытом быте, уютном времяпровождении, — но о держаниях человеческого духа речи не шло). Затем, после удачного опыта «шведского социализма», уже всерьёз мысль зашла о **«конвергенции»** — «сплаве» двух противоборствующих систем: взять от каждой лучшее и воплотить это в государственных моделях...

Основой, социально-психологическим фундаментом жизни человека в послевоенные годы (несмотря на диалектическое противоборство двух систем в экономике, политике и военном противостоянии) продолжал оставаться **социальный оптимизм** — в светлом будущем, по большому счёту, никто уже не сомневался (тем более что успешно работали реальные социальные модели — формировались социалистические государства). В радостном «ожидании будущего» выросло послевоенное поколение, уверенное в том, что мир станет лучше — как провозглашали хиппи, «лучше заниматься любовью, а не войной!».

Однако к концу XX века недавно столь яркий образ сначала померк, а потом, словно от «мороза», стал «затуманиваться» и «забываться». На то есть ряд серьёзных причин, каждая из которых определяется весьма значимым фактором.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ «ПЕРЕКВАНТОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ»

Социальное государство — наиболее совершенная и эффективная форма социальной организации, достигнутая в ходе социогенеза (обладает наиболее высоким уровнем сложности, обеспечивающим антиэнтропийные качества). Поэтому для такого генерального

процесса, как *«переквантование реальности»*, нужна соответствующая социальная среда, «стартовая площадка», а именно — надёжная **базовая платформа социального государства** (чтобы с помощью государственного ресурса обеспечивать уже технологически достигнутую доступность «хлеба насущного», т.е. базового обеспечения витальных функций, — и тем самым помочь высвободить необходимые ресурсы человека для социально значимой психосоциальной деятельности). Переход от зоопопуляции к психосоциальной формации должен быть, безусловно, осознанным: научно-обоснованные представления должны лечь в основу **проектной** государственной деятельности (то, что называют стратегиями развития, причём — научно обоснованными). Поэтому в настоящий момент главная задача каждого государства, владеющего соответствующими институциональными ресурсами, — опираясь на научные представления о реальности (о текущем «переквантовании реальности»), осознанно **и направленно способствовать формированию субъектов и объектов сингулярности — помогать двигаться этому процессу.**

Например, для формирования соответствующей платформы в Российской Федерации потенциально существуют все необходимые предпосылки: по Конституции РФ наше государство является **социальным государством (а источником власти является народ)**; после деструкции СССР ещё сохранились «несущие фермы» соответствующей материально-технической инфраструктуры, структурно-организационной и ментальной «матрицы» — хоть и «покорёженные», но не разрушенные (поскольку изначально строилась она с учётом специфики социального государства и с запасом «на случай атомной войны» — например, энергетика), а самое главное — люди (*Homo soveticus* и их потомки) как носители нравственно-этических качеств и уже воплощённого опыта строительства социального государства (закреплено в наследственно-генетических и социокультурных формах). Именно эти люди и смогут помочь формированию субъектов сингулярности в ближайшие годы.

Важно, что для управления столь сложными процессами «квантовых переходов» в социуме (в настоящий момент сингулярности это особенно важно) всегда находятся «особо одарённые субъекты»: «талантливые руководители» (на Западе их принято называть «элиты», т.е. «сливки общества»), наделённые востребованными в данный исторический момент личностными

качествами (нравственными, психологическими и психосоциальными), — они способны «увидеть», «понять» и «верифицировать» новый «образ светлого будущего» (АРД), а затем привнести его в общество как «государствообразующий концепт» и воплотить с помощью «мощностей» соответствующих институциональных структур (вот зачем необходимо социокультурное разнообразие и «социальные лифты»). Чем выше уровень сложности привносимого «социального концепта», тем выше должны быть нравственно-этические качества руководителей (лиц, принимающих решения), — иначе невозможно взаимодействовать с объектами высокого уровня сложности (воспринимать их «смысл», принимать соответствующие управленческие решения, а также контролировать результаты).

В настоящее время экономику и политику можно рассматривать как уже устаревшие формы регулирования и управления, пригодные в нынешнем виде исключительно для зоопопуляции («Капитализм умер!»). «Дефицит» ресурсов для обеспечения витальных функций человечества создаётся вот уже несколько десятилетий искусственно. Это аргументировал академик С.П. Капица «Пищи в мире хватит всем — мы детально обсуждали этот вопрос в Римском клубе, сравнивая пищевые ресурсы Индии и Аргентины. Аргентина по площади на треть меньше Индии, но в Индии в сорок раз больше населения. С другой стороны, Аргентина производит столько продуктов питания, что может прокормить весь мир, а не только Индию, если напряжётся как следует... Дело не в недостатке ресурсов, а в их распределении. Кто-то, кажется, шутил, что при социализме в Сахаре будет дефицит песка; но это вопрос не количества песка, а его распределения».

Искусственное неравенство — это не только создание дефицита (доступности пищи, одежды, жилья, образования, медобслуживания), но и вынужденного бессмысленного низкооплачиваемого и низкопроизводительного труда, унижающего человека (работать, чтобы «прокормить себя и семью», «программирует» не человека-личность, а человека-функцию). Если человек будет вынужден думать только о «хлебе насущном», пребывать в состоянии «хронического эмоционального стресса», работать на нескольких «бессмысленных и беспощадных» работах по 12–16 часов в сутки, зарабатывая лишь «на прокорм» (низкооплачиваемые виды деятельности с низкой производительностью труда позволяют только «выживать»), — ему будет не до звёзд и не до космоса.

МЫСЛЬ И МЫСЛЕДЕЛАНИЕ КАК ОСНОВА ЗАРОЖДЕНИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Что такое мысль? Это **когнитивный объект высокого уровня сложности**, занимающий высокий уровень в иерархии системных построений и потому имеющий возможность «программировать» нижележащие уровни системной организации: и маскинетический и социальный уровень, т.е. мир косной и живой материи, а также результаты его социально значимой деятельности. Согласно современным научным представлениям о процессе мышления (К.В. Судаков), мысль — не только лишь «внутренний» субъективный процесс («внутренний голос»), возникающий «автономно» в черепной коробке человека (как в «чёрном ящике»), а результат информационно-голографического взаимодействия человеческого субъекта (его субъективного «я») с информационно-смысловыми объектами более высокого уровня системной организации (к которому имеется специфическая чувствительность-аффинность). Морфологическим субстратом, на котором происходит это взаимодействие, является, прежде всего, неокортекс (кора головного мозга человека), при соподчинённом «участии» более древних, «животных» отделов мозга (лимбическая система и «крокодилов мозг»). Именно по причине необходимости взаимодействия с «внешней» опорной (потребностной) волной, **«перенос» сознания на искусственные носители невозможен** — взаимодействовать (интерферировать) с «внешними» опорными волнами может только специализированный субстрат: мозг человека.

Поскольку мысль есть информационный объект *высокого уровня сложности*, она «не ограничена» классическими законами термодинамики (не является маскинетическим объектом): не имеет массы (не состоит из атомов и молекул), плотности, объёма, трёхмерных пространственных координат. Но, поскольку этот объект находится на более высоком уровне в иерархии системных построений, его влияние на социум, природу и материальные объекты гораздо более значимо, чем «тупое» кинетическое воздействие: «лоб в лоб», «масса на ускорение»... Соответственно, не так «прямолинейно» выстроены каузальные связи — корреляция между причиной и следствием; впрочем, их всегда можно увидеть, обладая нравственными качествами. А.С. Пушкин прав: «Гений и злодейство две вещи несовместные», —

человек, не обладающий нравственными качествами, творить не может, а может только разрушать, потреблять, присваивать, т.е. увеличивать энтропию.

Поскольку мысли — это отдельные информационно-голографические построения, то они динамичны (здесь, по аналогии с оптической голограммой, понимание «смысла» зависит от «точки зрения») и в то же время существуют как целостные объекты («holos» — от греч. «целый, целостный»). Независимость их существования от пространственно-временных коррелятов материального трёхмерного мира была отмечена еще В.И. Вернадским, предложившим концепцию ноосферы как особой «мерности», в которой они аккумулируются и продолжают своё существование (его современник М.А. Булгаков образно выразил это свойство фразой «Рукописи не горят!»).

Самое интересное, что начальные формы мыследелания как основы взаимодействия субъектов социума возникли в Советском социальном государстве и стали основой его эффективного функционирования — мы же, находясь «внутри» системы, воспринимали их как само собой разумеющиеся практики (и, будучи Homo soveticus, подшучивали сами над собой: ведь все давали друг другу советы — была «страна советов»). По мысли Р. Федорова, «будучи подчинёнными определённой духовно-нравственной и идеологической парадигме, в Советском Союзе сложились свои уникальные

и достаточно изолированные от окружающего мира принципы развития социальной и культурной сферы, образования и науки, армии, промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т.д. В каком-то смысле метафорическим определением представителя «советской цивилизации» можно рассматривать часто употреблявшееся в момент её распада ироничное определение **Homo soveticus**.

Мыследелание (в начальных, зачаточных формах и функциях) было основой развития Красного проекта (Страны Советов): Советы народных депутатов, коммунистические партийные и комсомольские организации, пионерские «звенья» и даже октябрятские «звёздочки», — все тем и занимались, что коллективно «мыследелали»; *все советовались*, а затем выносили коллективные решения, совершали «акты коллективного самоуправления» (обязательно контролировали результаты с помощью «обратной связи» — всё по науке!). И социальное общество по всем уровням его организации: от первичных ячеек-организаций до «райкомов-горкомов-крайкомов», — было «прошито» стройной системой принятия решений и заполнено петлями обратной связи (обеспечивали контроль за результатами и корректировку действий). Именно по этой причине «темпы роста» «в отдельно взятой стране» превосходили западные темпы по масскинетическим показателям, а в нравственно-этических «по-

казателях» их даже не с чем было сравнивать (не в калориях же измерять — построенные за 15 послевоенных лет 119 городов в суровом климате и «Русский космос»). Советская цивилизация освоила методы мыследелания и создала фундамент для перехода к психосоциальной формации.

В качестве иллюстрации эффективности советских форм «мыследелания» можно предложить пересмотреть х/ф «Человек на своём месте» (режиссёр А. Сахаров, 1972; в главной роли «самовыдвиженца» на должность председателя колхоза — В. Меньшов): принятие решений о том, как обустроить будущее сельского поселения Большие Бобры, обсуждается «многомерно», одновременно в нескольких «проекциях»: по «партийной линии», по «комсомольской линии», по линии «трудовых коллективов», по линии «правления колхоза», «общего собрания колхозников» и возникшей «деловой дружбы» между молодым председателем колхоза (С. Бобровым — «Бобром») и директором строящегося рядом химвкомбината. Именно вовлечение всех субъектов в коллективное мыследелание даёт прекрасный результат — жители деревни начинают осознанно строить новое будущее, новый мир.

Как пройдёт переход от зоопопуляции к психосоциальной формации, теперь, в сегодняшних реалиях, после направленных деструктивных воздействий? Прежде всего, чтобы преодолеть воздействие метафактора, в настоящее время очень важно психологически «раскулить» человечество, развернуть вектор с «внутреннего мира» снова на «внешний мир» — продолжить с того места, где остановились. Необходим **«космос как фронтир»** (а не источник драгметаллов или «поляна» для «космического туризма» в качестве статусного «временпровождения»). По мнению А. Анпилогова, «Современная космонавтика как-то буднично и незаметно потеряла главное — мечту о космосе... мало кто задумывается, что наш современный мир — это порождение космоса 1960-х годов... Теперь, на фоне существенного отката человечества от тех достижений, можно с пеной у рта доказывать или опровергать любые свершения тех годов СССР и США в космосе... Другой, альтернативный вариант развития событий — это осознание того, что космос по-прежнему может быть и генератором смыслов, и уникальной площадкой для человеческого таланта и ума... Для возврата в большой космос надо признать две вещи... Во-первых, то, что космос — это мечта, это неизвестность, это наше будущее,

которое сегодня может представляться совершенно невозможным с обывательской точки зрения, но которое неизбежно наступит. И, во-вторых, то, что процесс прихода этого неизбежного будущего неизбежно поменяет и наш с вами собственный мир, поскольку в процессе достижения космической мечты мы волей-неволей изменим и свой собственный мир, пытаясь достичь невозможного... Хочется верить, что романтики XX века не ошиблись. Мы вернёмся, как и обещали.

Ещё одна позитивная функциональная особенность проявляющих себя сегодня психосоциальных явлений — срабатывание **триггерного механизма** (универсальный принцип работы всех системных построений). Можно заметить, что в настоящем «информационном пространстве» сначала идёт накопление и консолидация «смыслов», а потом происходит своеобразный «скачок-эффект», и коллективное сознание уже «задним числом» («задним умом») становится «уверенным» в «незыблемости» и справедливости того или иного информационно-смыслового построения. *Например, таким «озарением» коллективного сознания в последнее время является уже осознанная потребность граждан в социальном государстве. Не просто удовлетворить «запрос на справедливость» (это частично можно реализовать для отдельных социальных групп и при нынешнем кризисе), а именно восстановить как системную функцию социального государства (на новом уровне психосоциальных отношений).*

Важная особенность такого триггерного перехода (информационного «скачок-эффекта») заключается в том, что каждый новый когнитивный конструкт (имеющий психосоциальную нравственную «ценность») воспринимается коллективным сознанием как «само собой разумеющееся», «очевидное», «давно известное», «понятно-тривиальное» — а не как «откровение свыше». В настоящее время когнитивные конструкты всё чётче демонстрируют «слаженное» синергетическое взаимодействие между собой, и быстрое «понимание» их «массами»: «утром в газете — вечером в куплете» (или в интернете).

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Исходя из понимания законов развития функциональных построений можно заключить, что Вселенная вступает в новый этап развития, где психическое становится доминантой («баланс» системоквантов изменяется от маскин-

етического к психическому). Носитель психики, человек (*Homo sapiens* в прямом значении этого слова) становится новой «преобразующей силой» Вселенной. Антропный принцип подразумевает, что человек — не «сосуд греха» и не «самая успешная обезьяна» в зоопопуляционных «раскладах», а субъект развития Мироздания. Ведь весь последующий цикл развития, «мета-системоквант», будет посвящён развитию «Психоса» во Вселенной посредством антропного фактора (формирование «материи» и жизни как «Биоса» завершено).

Пока за горизонтом сингулярности мы не видим отчётливо, как именно будет действовать антропный принцип во Вселенной. Но, например, из перспектив применения теории струн получается, что наблюдатель, обладающий разумом, уже своим «наличием» способен «сдерживать» мета-энтропию как «бесконечное разнообразие» и «вариабельность» для возможности построения своего «мира», имеющего рамочные границы мерностей и, соответственно, конкретные физические константы!!! По мнению А. Дымарского, «при использовании антропного принципа рассмотрения бесконечное количество вселенных (10^{500} !!!) ограничивается лишь рамками разума (свойствами наблюдателя) — и в этом наблюдаемом нами мире мы уже можем «понимать» действующие законы (они будут иметь «предсказательную силу»).

О той же зависимости квантовых свойств наблюдаемых объектов свидетельствует и «проблема Копенгагенской интерпретации» — наблюдаемый дуализм «системоквантов» физического мира («волна» или «частица») — в зависимости от наличия или отсутствия наблюдателя конкретного процесса-эксперимента. Все эти факты, накопленные в результате изучения свойств нашего мира при попытке, наконец, построить «объединённую» и «единую» теорию взаимодействий (маскинетических и психических процессов), свидетельствуют о приближении «революции» в понимании свойств Мироздания по мере приближения сингулярности. Интересны, например, наблюдения С.Г. Кара-Мурзы, повествующего о том, что результаты реакций тонкого химического синтеза зависят от личностных качеств экспериментатора: «Хотя наука с самого начала декларировала свой абсолютно рациональный характер и полную формализуемость всех своих утверждений, любой мало-мальски знакомый с научной практикой человек знает, что это миф... Гений органического синтеза Р.Б. Вудворд планировал парадоксальные пути полу-

чения невероятно сложных соединений, для которых рациональное объяснение находилось лишь потом... Эмилю Фишеру непонятным образом удавалось кристаллизовать (и, значит, очищать) такие соединения углеводов, которые не хотели кристаллизоваться ни в одной лаборатории мира, так что среди химиков ходили легенды о магических свойствах бороды Фишера, служившей затравкой кристаллизации».

«ПРОГРЕССОРЫ» — ВОСПИТАТЕЛИ «СИНГУЛЯРОВ»

«Прогрессоры» — это учителя, врачи, учёные, т.е. все, кто «имеет доступ» к сложным когнитивным объектам (знаниям) и доносит эти знания до нынешних субъектов социума — индивидов, которые могут стать «сингулярами». «Прогрессоры» более других подверглись деструктивному воздействию метафактора, причём их уничтожение происходит не «в отдельно взятой стране», а во всём мире — через умаление их социального статуса, через единую стандартизацию (упрощение) научных и образовательных программ, через снижение заработной платы, через завышение «норм выработки», через перегруженность отчётностью и ежегодную смену учебных программ и нормативов (воздействие организационного оружия).

Но каждый прогрессор сможет воспитать и передать знания какому-то количеству «сингуляров» — этого будет более чем достаточно для обеспечения вышеупомянутого «скачок-эффекта». Если прогрессоры будут осознавать то, что уже сейчас начинается «переквантование реальности», осознавать значимость своей просветительской миссии, — они уж точно смогут **«ночь простоять да день продержаться!»**.

Новые субъекты, «сингуляры», будут отличаться от «обычных» современных людей тем, что они смогут взаимодействовать с объектами (и субъектами) вышележащих по иерархии системных построений за счёт развития и совершенствования механизмов информационно-голографического взаимодействия. Вероятно, при «переквантовании реальности» у «сингуляров» произойдут лишь психофизиологические изменения, не затрагивающие морфологии тканей (по К.В. Судакову, врождённые и приобретённые функции формируются с помощью одних и тех же генов), но изменятся «нравственные ориентиры» и структура потребностей. Эта структура не останется «слоистой» «пирамидой Маслоу» (отражающей противоречия между «животным» и «человеческим» началами),

но приобретёт «кристальную» нравственную целостность. Кора головного мозга «сингуляров» не будетотягощена «нейрофизиологическим конфликтом» с подкоркой («седалищем» и «вместилищем» зоопопуляционных потребностей) и, как фотопластинка в голографии, сможет взаимодействовать с опорными волнами от вышележащих системных построений с минимальным «энергопотреблением». Именно за счёт высвобождения ресурсов неокортекса мы можем ожидать настоящих «чудес» в «мыследелании».

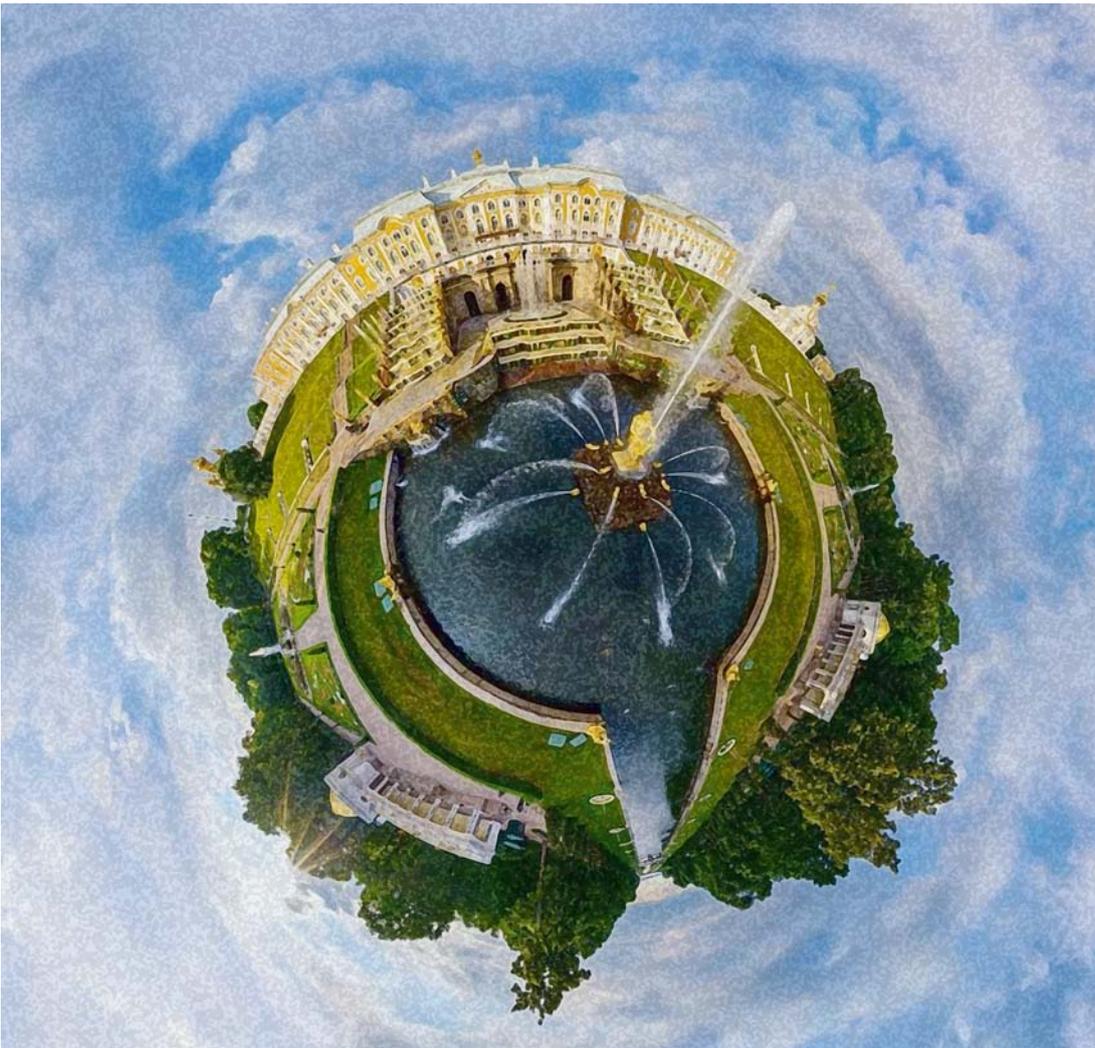
Именно «сингуляры» смогут сделать первые шаги в развитии психосоциальной формации, «прорвавшись» в ближайшем будущем за «горизонт событий» и реализовать антропный принцип взаимодействия с Мирозданием:

- возрождение и переход к доминированию высших форм мотиваций (обретение целостности в иерархии потребностей);
- развитие нравственно-этических качеств как антиэнтропийных факторов (возможность системно взаимодействовать с объектами и субъектами высокого уровня сложности);
- развитие закрывающих технологий как высшей формы жизнеобеспечения населения («творение реальности», открытия во всех областях знаний, позволяющих достигать сверхэффективность во всех видах деятельности наряду с сохранением экологического баланса).

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Что необходимо для того, чтобы стал виден «Образ светлого будущего» и состоялся «скачок-эффект» от зоопопуляции к психосоциальному обществу? Старый добрый дедовский «революционный метод» вряд ли поможет, поскольку критически увеличивает энтропию; он годился век назад для решения кризиса зоопопуляции, но неэффективен в предсингулярной стадии. При этом следует сделать поправку, что последние сто лет на графике Панова — Снукса — Курцвейла могут оказаться несколькими веками по астрономическому времени — если их измерять в событиях-системоквантах.

Пока увеличение объёма афферентаций («пенности»), многократно усиленное с помощью современных цифровых коммуникаций, не привело к срабатыванию «триггерного механизма». Очевидно, здесь дело не только в количестве, но и в качестве информации (в её уровне сложности и антиэнтропийных свойствах). Что нам важнее всего сейчас понять?

Ранее изменение уровня сложности представлялось учёным как результат «накопительного эффекта». Базовой моделью была модель И. Пригожина «Порядок из Хаоса», где автор впервые обосновывая «необратимость» термодинамических процессов в масскинетической вселенной, обозначил так называемую «**стрелу времени**», направленную «снизу-вверх», от прошлого к будущему. Однако по мере стремительного приближения к горизонту сингулярности становится очевидным, что «скачок-эффект» в социальных системах — это не «вертикальный» процесс (когда «триггер» «автоматически срабатывает» на количество афферентаций), а «объёмный» информационно-смысловой процесс, связанный не с количеством, а с качеством информации.

Получается, что результатами «интерференции» опорной (высококогерентной и высокоупорядоченной) волны, исходящей от «вышележащих» системных построений, и предметной волны, исходящей от «субъектов

сингулярности», — будет новый «смысл», новый когнитивный конструкт знания о способах нового взаимодействия между субъектами и объектами сингулярности (то, что раньше называлось «Единой теорией всего»).

Но поскольку подобная интерференция может осуществляться только как коллективное «мыследелание» (на мозговых субстратах индивидов, наделённых нравственными-анти-энтропийными качествами), то мы можем говорить о «мыследелании» именно как о методе научного познания (научного «мыследелания»).

Как только будет построена более «мерностная» модель реальности, и станет очевидным, что процесс развития Мироздания движется по «стреле времени» не только «снизу вверх», но и «генерируется» «сверху вниз», — это и приведёт к квантовому скачку. Очевидно, что в этом случае наука и станет той самой «преображающей силой»: «включение человечества в системокванты космического уровня должно соответствовать его космической сущности».

/ Александр АГЕЕВ /

Цифровизация как шанс и риск

В экономически лидирующих странах мира проекты, которые относят к комплексу процессов индустриализации 4.0, начались в заметном масштабе намного раньше, чем в России, и зашли намного дальше. Поток этих разнообразных перемен оценивается как крупнейшая трансформация в истории человечества, способная привести к фундаментальным цивилизационным сдвигам, вплоть до исчезновения «человека как вида». Однако многие проекты очередной технологической модернизации зачастую трактуются с излишней экзальтацией, при этом действительно серьезные метаморфозы остаются в тени. Или принимаются программные решения, осуществление которых происходит в явно устаревшем стиле бюрократического шапкозакидательства. В любом случае ряд ключевых вопросов требует прояснения. В первую очередь — проблема экономического роста, условия и последствия всеобщей цифровизации.

«УСКОРЕНИЕ РОСТА»

Ответом на ухудшение положения России в мировой экономике и политике традиционно становится установка на ускорение экономического роста. В одном из исторических периодов страна смогла провести индустриализацию, пусть и ценой «второй гражданской войны». В другом — «ускорение» вкупе с перестройкой обернулось распадом страны. В любом случае сегодняшняя необходимость модернизации технологического базиса в ответ на внешние и внутренние вызовы неизбежно ставит ребром вопрос о готовности общества пойти на определённые жертвы в текущем потреблении в пользу инвестиций. В недавней истории периодом, когда страна «вкушала» плоды повышенной доли потребления, были «тучные нулевые», хотя они всего лишь к 2010 году восстановили валовой объём экономики 1990 года, правда, при существенных сдвигах её структуры. Затем наступило «потерянное почти десятилетие», за которое ВВП и инвестиции выросли всего лишь на несколько процентов. Доля инвестиций в основной капитал составила лишь 17%, уступая средним значениям развитых стран и почти в два раза развивающихся. Между тем реальное состояние российской экономики вновь требует наращивания нормы накопления, вынуждая нынешнее поколение к относительному затягиванию поясов. Де-факто это и происходит — реальные доходы населения в последние годы реально снижаются. Тот же вектор показала и пенсионная реформа. Ещё более отягощённая картина складывается,

если учесть расслоение населения по доходам и имущественному статусу и распределение экономических активов между государством, населением, реальным и финансовым секторами.

Минимум стратегических задач, которые предстоит решить в обозримой перспективе под эгидой заявленных национальных целей, включает не просто полноценную технологическую модернизацию производства за счёт импорта или импортозамещения, но научно-технический прорыв в создании нового технологического уклада, а также создание современной транспортно-логистической инфраструктуры, удвоение объёмов жилищного и социально-бытового строительства. Поставленные цели требуют как минимум утроения темпов роста до 4–6% и удвоения нормы накопления.

Однако достижение таких темпов — непростой вызов для России. Годовой прирост в окрестностях 1,5% — таковы реальные российские темпы в 2017 и 2018 годах при среднемировых около 4%. Более того, традиционная («аналоговая») экономика, где основные фонды изношены почти наполовину, вряд ли способна так резко ускориться. Более высокий шанс совершить прорыв в развитии есть у цифрового сегмента российской экономики. Она опирается на новый и быстро развивающийся технологический базис — Всемирную сеть интернет, облачные вычисления, блокчейны, трёхмерную печать, роботизацию, электронную коммерцию, интернет-банкинг, электронные платежи и документооборот, интернет-рекламу, интернет вещей, «умные» дома и города, телемедицину и т.д. В некоторых из них у России есть неплохие стартовые позиции. По международным оценкам, Россия занимает передовые позиции в ряде сегментов цифровой экономики, в частности, в обработке больших данных (*big data*), визуализации, автоматизации рекламы, маркетинговых технологиях. Однако страна в целом занимает менее выдающиеся позиции в международных сравнениях по специализированным критериям, уступая в первую очередь в развёртывании научно-технологического роста. Польза любых рейтингов в том, что они фокусируют внимание на проблемах, главные из которых — «долина смерти» между наукой и массовым внедрением инноваций, падение количества патентных заявок, уровень внутреннего предложения и спроса на цифровые продукты и технологии. В большинстве сегментов цифровой экономики Россия всё же отстаёт от передовых зарубежных технологий и вынуждена платить иностранным правообладателям и производителям значительные средства за их трансфер.

ключевым: 1) как осуществить цифровой переход, без которого невозможно развитие страны со всеми вытекающими последствиями для безопасности, суверенитета и качества жизни — это, по сути, решение проблемы управления развитием, и 2) каким видится результат этого перехода, какое общество и, в конце концов, какое человечество возникнет в результате всех этих перемен.

Любое управление, тем более управление развитием, требует в первую очередь точной диагностики исходного состояния. Обратимся к результатам проведённого нами в 2018 году исследования адаптивности высокотехнологического комплекса России к реалиям цифровой экономики. Речь идёт о цифровой зрелости промышленности. Уровень цифровизации банковской деятельности, связи и телекоммуникаций, СМИ будет наверняка выше, но всё-таки именно состояние промышленности является индикатором цифровой зрелости всей экономики.

ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для России, как и для других стран, новая индустриализация предполагает комплекс мер по обновлению технологий и организации производства. Достигнутая к 2010-м годам встроенность экономики России в глобальные технологические и финансовые институты и, соответственно, зависимость от них при ужесточающихся санкциях делает этот процесс на достаточно длительный исторический период болезненным и турбулентным. В данном контексте перспективы цифровизации в российской экономике существенно образуются состоянием и трансформацией именно высокотехнологического промышленного сектора. Кратко приведём основные итоги исследования, касающиеся наиболее и наименее вероятных цифровых изменений, готовности промышленных предприятий к их осознанию и учёту в управленческой практике, ключевых рисков цифровизации и основных «стратегических разрывов».

Наиболее вероятные варианты цифровой трансформации, которые, по ожиданиям, будут в ближайший период проявлены во внешней среде и (или) будут внедряться на предприятиях высокотехнологического комплекса (ВТК) России, включили три блока изменений. Во-первых,

Доля цифровой экономики в общем объёме ВВП России сейчас оценивается в 3%, в ближайшей перспективе эта цифра должна стать двузначной. При этом российская экономика остаётся сильно неоднородной, в ней сосуществуют зоны отсталости и зоны роста, разные технологические уклады, разнородные социально-профессиональные группы и интересы. Но риск необратимого технологического отставания признан сегодня официально как один из наиболее серьёзных вызовов, который стоит перед Россией. Для решения этой проблемы сделана ставка на комплекс национальных проектов, среди которых значимое место заняла и цифровая трансформация.

Реальная ситуация оставляет, однако, немало вопросов. Они, в конечном счёте, сводятся к двум

идушее довольно быстрое развёртывание цифровой инфраструктуры (электронные торговые площадки, широкополосная связь, аддитивное производство, системы управления ресурсами, включая интеллектуальные); во-вторых, обострение цифровых угроз; в-третьих, разработка и обеспечение доступности новых производственных и управленческих технологий, опирающихся на цифровые решения.

Довольно значительный ряд цифровых изменений представился участникам проекта маловероятным в среднесрочной перспективе. В первую очередь это внедрение передовых технологий, которые находятся на самой начальной фазе своего жизненного цикла: квантовые технологии, разработки по «улучшению человека» и управлению свойствами биообъектов, природоподобные технологии, нейротехнологии. В то же время обнаружен достаточно высокий уровень компетенций и готовности к освоению таких элементов цифровой экономики, как использование электронных торговых площадок в качестве основного инструмента приобретения товарно-материальных ценностей и услуг, внедрение высокоскоростных широкополосных сетей связи, систем кибербезопасности, технологии SEO-оптимизации, аддитивное производство и т.п.

Наименьшая компетентность промышленно-сти обнаружена в таких областях, как квантовые технологии, разработки по усовершенствованию человека и управление свойствами биообъектов, природоподобные технологии. Признано также на текущий момент практическое бессилие перед таким высокоранговым риском, как деградация естественного интеллекта. Очевидно, что отчасти такие выводы связаны с особенностями новых технологий, разработка которых под силу лишь специализированным научно-технологическим структурам, которых штучное число и в мире, и как говорится: «Да что там в мире? В России!» Более того, часть передовых технологий вообще неправомерно относить к цифровым, они представляют собой уже «зацифрованную эпоху». Но то, что даже быстро распространяющиеся технологии, дающие импульс к формированию новых отраслей и множества новых элементов экосистемы (технологии распределённого реестра, цифровая экосистема маркетинга, продуктовые каталоги, «цифровой гражданин» и др.), слабо освоены кадровым корпусом большинства промышленных предприятий, сигнализирует о реальной проблеме управления на высшем уровне государственной научно-технологической политики. Наивысшие риски, генерируемые цифровизацией, ассоциируются, прежде всего, с киберугрозами

во всём разнообразии их проявлений, за ними, с существенным отрывом, следуют такие риски, как деградация естественного интеллекта, транснациональный характер конкуренции и цифровая трансформация государства и общества. Последние два фактора воспринимаются не только как угрозы, но и как возможности, требующие эффективного управления.

Характерно, что вторая по значимости угроза — деградация естественного интеллекта — практически никак не включена в управленческий процесс на уровне организаций. Это отчасти объяснимо: проблема имеет даже не отраслевой, а общенациональный и глобальный масштаб, затрагивая весь образовательный цикл. Например, в США эта тематика рассматривается через призму повышения научной грамотности всего населения, начиная с детского сада и до высших академических сфер. Рост научной грамотности там обеспечивается специальным законодательством и политикой.

Тренд деградации естественного интеллекта охватывает целый клубок новейших явлений, включая широкое распространение клипового мышления, вытесняющего мыслительные практики, восходящие к логике и традиционной грамотности; рост интеллектуально-психической зависимости от электронных устройств (аутсорсинг функции памяти гаджетов — одно из ярких проявлений этого явления); стирание граней между действительностью и иллюзиями, что серьёзно облегчает манипулирование массовым сознанием в коммерческих и военно-политических целях; заимствование (отчасти и «подсаживание») ценностей и потребностей из цифровых шаблонов, предлагаемых компьютерными программами, играми, социальными сетями, происходящее практически подсознательно.

Строго говоря, киберугрозы и деградацию естественного интеллекта следует рассматривать как взаимосвязанные феномены.

В конечном счёте, деградация естественного интеллекта приводит к формированию устойчиво неадекватных представлений о мире у широких масс людей, с сильной их инфантилизацией и примитивизацией. В известной степени это свидетельство укоренения и скрытого, но эпидемоподобного распространения социально-ментальных и психологических патологий. Ещё тревожнее то, что почти 80% экспертов указали на низкую готовность противостоять этой угрозе.

На практике это проявляется, во-первых, в риске нарастания дефицита кадров, способных решать задачи цифровой трансформации, которые требуют высоких когнитивных компетенций,

способностей комплексного восприятия и решения проблем. Во-вторых, общая низкая готовность парировать процессы деградации умственной культуры повышает риски целенаправленного или косвенного поражения управляющего звена организаций. Известна преобладающая роль антропогенного фактора среди причин производственно-технологических и организационно-экономических катастроф. Так было и до цифровой эпохи, сегодня и в обозримом будущем рост неадекватности «картин мира» руководящего персонала и, соответственно, поведения становится едва ли не решающим вызовом устойчивости управляющих систем и кадров.

Практическое отсутствие приготовлений промышленности к такому аспекту цифрового перехода, как «разработки по усовершенствованию человека и управление его биологическими свойствами», свидетельствует скорее о том, что эта тематика и не могла сколько-нибудь заметно разрабатываться на большинстве промышленных предприятий, оставаясь прерогативой центров опережающих научных разработок.

В «отложенных» стратегических разрывах наличие современной корпоративной системы ERP остаётся первостепенной задачей. Но на второе место вышли инструменты прогнозирования как основы управленческих решений. Это важный нюанс, учитывая, что именно «прогнозная экономика» является сердцевинной цифровой экономической модели. В любом случае внедрение новых производственных технологий требует глубоких изменений системы управления на микро-, мезо- и макроуровнях. Продуктивнее, чтобы эти процессы шли синхронно, а лучше — с опережающим принятием управленческих решений, создающих экосистемы цифровых и нецифровых преобразований. Но без единого понятийного поля, без согласованного управленческого языка общения и, как следствие, — единого семантического пространства для создания новых стандартов и собственно систем управления вся эта комплексная работа превратится в довольно опасный «лоскутный» процесс. Поэтому на первый план выходит задача цифрового всеобуча.

Сегодня речь идёт и о том, чтобы успеть создать и внедрить модели цифровой трансформации, превосходящие по всем критичным критериям цифровой прогресс в ведущих странах. Цифровизация — это, прежде всего, жёсткая схватка за превосходство в разработке передовых систем управления силами и средствами по всем категориям потенциалов развития, включая и умение выращивать и привлекать таланты,

избегать деградации естественного интеллекта, создавать системы работы с большими данными и развивать искусственный интеллект.

Обнаруженные стратегические разрывы в восприятии значимости трендов и готовности их парировать указывают на приоритетные области цифровых преобразований. Это помимо «цифрового всеобуча» укрепление кибербезопасности, развитие кадрового цифрового потенциала, целевые программы сбережения как минимум естественного интеллекта.

Цифровая экономика возникает в результате сквозной и всеобщей трансформации предшествующей ей хозяйственно-технологического уклада. Её полноценное внедрение в локальном масштабе невозможно в принципе. Поэтому цифровой статус внешней среды для организации столь же значим, как и внутренняя цифровая динамика. Рассматривать организацию как цифровую корректно лишь после достижения ею минимального набора признаков цифровизации, включая параметры её включённости в цифровую внешнюю среду.

НОВЫЙ «ЯЩИК ПАНДОРЫ»?

Внедрение новых технологий и достижение возможного уже сегодня уровня цифровизации неизбежно обернётся высвобождением огромных масс работников, исчезновением целых классов профессий. Многим людям работы не найдётся в принципе, усилится расслоение внутри общества, увеличится неравномерность развития стран и регионов, что при общей глобализации спровоцирует рост миграции, масштабы которой заставят заговорить о новом великом переселении народов. Существенно возрастут риски социальной нестабильности.

По экспертным оценкам, развитие цифровизации в России при допущении стремительной автоматизации может привести к утрате работы более чем 40 млн чел., при сглаженных параметрах будет высвобождено более 12 млн занятых до 2030 года. Около четверти из них может принять малый бизнес, остальным предстоит переобучение и, возможно, внешняя или внутренняя миграция. Переобучение должны проходить примерно 1 млн занятых в год, иначе технологическое развитие будет приостановлено, как это уже случилось с реформой 1965 года. Похожая ситуация предопределяла многое и в 1980-х годах. Как отмечали в своей докладной записке руководству страны Геннадий Писаревский и Валентин Фалин, «в СССР 43 млн нищих людей. И примерно 40 млн ненужных

рабочих мест. Причем немало таких мест — мечта многих юношей и девушек, что отвратительно... Серьёзный массив социальной паразитации общества — следствие многих причин...»

В первую очередь автоматизация затронет самые массовые профессии: водителей, продавцов, бухгалтеров, экономистов, юристов, грузчиков и т.д. Сферу, которая сформируется из людей, исключённых из хозяйственной деятельности, можно уже называть «экономикой незнания» в противоположность «экономике знания». При этом будет обостряться дефицит высококвалифицированных кадров, способных работать в новой экономике. Иначе говоря, речь идёт не только о безработице вследствие цифровизации, а в принципе о невозможности переобучения и создания рабочих мест в современной экономике для многих, если не для большинства граждан. Это исключительно серьёзная проблема. Она на практике преодолевается либо через поддержание ненужных рабочих мест, через распространение низкого качества массового высшего образования, либо через низкооплачиваемые общественные работы, снижающие протестные энергии больших масс людей в региональном или возрастном разрезе.

Рост структурной безработицы уже происходит в ведущих западных странах. Одно из предлагаемых решений — базовый безусловный

доход, в ряде стран начат или планируется эксперимент по воплощению его в жизнь. Но есть и ещё один исторически опробованный подход, основанный Недом Луддом. Массовые протесты с перекрытием дорог происходили в США и странах Европы, где, например, таксисты выступали против компании «Убер». Становится модным переселяться в заброшенные уголки, чтобы жить без связи с внешним миром. Распространяется мода на проведение времени в стиле *internet-free*. Некоторые одиночки не отказываются от насильственных действий против университетов и цифровых компаний, но в основной массе технофобы отстаивают свои убеждения в виртуальном пространстве в виде индивидуального бунта, который выражается в отказе от интернета или в бойкоте интернет-рекламы.

Цифрофобы, как современная версия луддитов, усматривают в новых технологиях не только угрозу своим рабочим местам, но и опасность цифрового порабощения. Они предлагают и пытаются отстаивать разные ограничительные меры против вредных последствий внедрения новых технологий. Более отдалённой по времени фатальной опасностью озабочены приверженцы концепции технологической сингулярности. Целый ряд учёных и инновационных предпринимателей (Курцвейл, Маск, Хокинг и др.) окрестность 2045 года назвали моментом появления

сверхчеловеческого интеллекта. Их оппоненты полагают, что концепция сингулярности отражает всего лишь страх перед будущим.

Реальной проблемой, однако, является то, что научные заделы для технологического роста будут существенно исчерпаны к 2025 году, и требуется мощный прогресс в науке, чтобы создать фундаментальные знания для технологий нового поколения.

Переход к цифровой экономике накапливает признаки схожести с прежними технологическими революциями, которые каждый раз в истории сопровождались кризисами и разрушениями прежней структуры, утверждением новой струк-

туры производства и потребления, их энергетической, институциональной и кадровой основ.

Так, технологически экономика весьма скоро будет почти готова удовлетворить массовые персонализированные потребности максимально удобным способом. Но есть скрытая сторона этих трансформаций, а именно возможность манипулирования потребностями человека, причём на протяжении всего жизненного цикла — от зачатия до погоста. В результате наряду с появлением множества беспрецедентных возможностей развития возникает масса псевдоинноваций и проектов по взламыванию экономик и сознаний, массовых и индивидуаль-

ных. В кинотрилогии братьев Вачовски «Матрица», в частности, весьма реалистично показаны механизмы и инструменты конфликта между человечностью и сущностями, действующими на основе псевдоценностей.

Более суровый приговор вынес доклад Римского клуба «*Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*», опубликованный в декабре 2017 года, констатирующий, что в 80-х годах прошлого века произошло вырождение капитализма: 98% финансовых операций носят ныне спекулятивный характер, в офшорных зонах спрячено от 21 до 32 трлн долл. Существует переизбыток капитала в фиктивных, но доходных сферах, в то время как направления, от которых зависит будущее планеты, испытывают дефицит средств. Есть реальная опасность неконтролируемого развития и неэтичного использования технологий.

Действительно, есть все основания сделать вывод о ветшании многовековой модели экономического и социального устройства, которой, однако, удалось пережить не один технологический уклад и не одну социальную революцию. Утвердившаяся в 1990-е годы модель глобализации не сводилась только к финансово-экономическому и силовому доминированию одних стран и блоков над другими. Самое главное в этой модели — безразличие к высоким смыслам и ценностям жизни. Это можно назвать процессом институционального расчеловечивания. Модель экономики на принципах разжигания спекулятивных игр, безграничной алчности и монополии, нечестной конкуренции, наращивания всеобщего долга и потребительского ажиотажа настроена на всемерное высвобождение низких человеческих инстинктов вплоть до формирования в человеке всей гаммы психологических и физических патологий и мотивационной примитивизации. Пренебрежение идеальным, его очернение и высмеивание, подмена культуры стали следствием торжества именно этой экономической модели и одновременно условием её популярности. Между тем культура в своих подлинных основаниях остаётся пространством сохранения сложности, накопления наследия высших и уникальных творений человеческого духа, непрестанного поиска смысла жизни и её истинных ценностей, сизифова усилия, максимизации в человеке человечности и минимизации животных начал.

Кризис глобальной экономической модели обострил этот фундаментальный конфликт, имеющий, по сути, антропологическую природу. Идеальное в иерархии ценностей стоит

выше материального, и развитие предполагает не примитивизацию, а усложнение, наращивание «цветущей сложности» бытия. Развитие требует целенаправленного усилия, противодействующего энтропии.

Отсюда следует потребность в росте способности управлять человеческой эволюцией. Но здесь же нас подстерегает и принципиальная развилка: ради чего, каким образом и кому управлять эволюцией?

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО 5.0

Ядром цифровой экономики становятся электронная торговля, электронные оболочки всемирной кооперации, производство на прогнозной основе персонализированных товаров и услуг. Тот, кто разрабатывает идеи и стандарты этих благ, защищает их юридически или иным образом, получает доступ к массиву данных и способен их обрабатывать и использовать, вероятно, получит преимущества в новой экономике. В конечном счёте за формированием и воплощением всего множества проектов цифровизации таится некая мегаидея. Её генерируют вполне конкретные лица и сообщества. У них свои картины мира и свои представления о мироустройстве вообще. Разумеется, у каждой идеи есть своя генеалогия. Но новизна момента в том, что «закладки» мировоззрений масс людей происходят всё ответственнее не столько в семье и школе, а в недрах социальных сетей, в «деревьях» поисковиков, по сути, задаются алгоритмами на стадии проектирования и социальных сетей, и интернета вещей, а фундаментально — самим образом жизни общества потребления.

Обобщённо суть нынешней развилки в эволюции общества представлена в матрице сценариев Всемирного экономического форума, опубликованной в 2016 году. Сценариев будущего в ней четыре, но они впитывают в себя столетия футуристической и утопической мысли и учитывают уже чётко обозначившиеся новейшие достижения в цифровизации, отражая озабоченность задачами глобального управления.

Сценарии делятся по двум критериям. Критерий первый — это степень централизации владения персональными данными. Критерий второй — характер ценностных ориентаций людей. По первому критерию на одном полюсе — полный, централизованный контроль правительствами или квазигосударственными структурами над всеми персональными данными и возможность ими управлять. Другой полюс — это децентрализованное хранение

и контроль данных. Предполагается, что в этом случае граждане не позволят эти данные сделать общим достоянием и создать условия для появления монополии на владение данными, прежде всего — личными. Напомним, что сбор личных данных и, более широко, — больших пользовательских данных давно уже стал рутинной процедурой (полицейской, финансовой, налоговой, технической), вопрос лишь в характере контроля за ними, целями обладателей данных, состоянием защиты цифровых прав людей.

По второму критерию на одном полюсе абсолютно материалистическое, эгоистическое целеполагание и соответствующие ценности жизни. На другом — менее эгоистическая культура с ценностями социальной солидарности, экологической ответственности, интегрированного мышления и т.п. Иначе говоря, выбор здесь в диапазоне между материалистическим, потребительским эгоизмом и некоей социоэкологической картиной мира и моделями поведения.

Разумеется, в научной творческой среде мораль иная, нежели в зонах вооружённых конфликтов, в казино или в финансовых пирамидах. Между высшими и низшими моральными стандартами и практиками всегда существует компромиссный моральный диапазон. Миллиарды поступков, совершаемых 7 миллиардами землян каждый день, мотивируются ценностями по всему их спектру. Повседневность полна непростых моральных решений, реализующих явно или неявно те или иные моральные принципы. И в большинстве своём эти решения и поступки пропитаны духом глобализации и коммерциализации, иначе бы её нынешняя модель не прожила бы и дня. К счастью, поступков высокой моральной пробы также достаточно, иначе мир при всех его проблемах давно бы перестал генерировать новые научные и технические открытия, утратил бы какую-либо милосердность и связность и погрузился в пучину войн вплоть до «ядерной зимы». Однако существует реальная опасность, что люди с преобладанием самых низких моральных норм попытаются воспользоваться плодами цифровой революции. Глобальной цифровой системе для устойчивости по своей алгоритмической природе и принципу (обработка массивов данных) удобно, чтобы ценностные ориентации брались из фиксированного меню, как бы оно ни было безгранично. Так достигается снижение или полная ликвидация права и способности человека на выбор, в том числе и на выбор цели жизни по всему спектру смыслов, в том числе не предписанных компьютерными играми или мобильными приложениями.

В идеальном варианте этой системе вообще не требуется, чтобы управляемый объект что-либо решал, задумывался. У него не должно быть своих ценностей и своих потребностей. Всё должно быть заимствованным по сути, но желательным своим по форме. Так соединяются Оруэлл и Хаксли: тирания, тем более цифровая, не должна восприниматься как тирания, она даже не должна так именоваться, а должна представлять для большинства потребителей как «лучший из миров».

Обоснование у такой линии эволюции человечества вполне экономическое: для достижения высшей эффективности, полной индивидуализации потребления и сбережения скудных природных ресурсов. Возможно и социально-политическое обоснование: для поддержания стабильности, борьбы с терроризмом, преступностью и т.п. Возможно и управленческое обоснование: «всеобщий Госплан» вполне уместен, если будет досконально известно всё о каждом, то утолить все индивидуальные потребности и оптимизировать размещение мировых факторов производства эффективнее в плановом порядке. Логичен в такой конструкции и следующий шаг — для идеально управляемого мира нужен и идеально спроектированный человек или его новые виды. И это не абстрактное допущение: в мире идёт активная разработка сценариев будущего с проектированием будущих образов жизни и типов людей. Например, часть сторонников трансгуманизма стремится использовать плоды научно-технической революции для повышения человеческих возможностей и избавления людей от страданий и старения, болезней и даже смерти. В крайних вариантах трансгуманизма речь идёт «о сбросе человека как отработанной ступени». Обсуждается и даже в небольших пока объёмах реализуется сюжет продажи и присвоения права на жизнь. По сути, вновь реанимирован проект нового сверхчеловека, что уже не раз бывало в истории. Вновь появился призрак разделения мира на группу сверхлюдей и людей низших сортов.

В этом контексте главная опасность новой цифровой экономики заключается в том, что быстрое действие, память и консолидация информационно-вычислительных систем позволяют оцифровать едва ли не всё в этом мире. Как следствие, появляется техническая возможность не только целенаправленно и экспериментально управлять социальными процессами путём обработки больших данных, но и проектировать и внедрять, подобно любым потребительским продуктам — айфонам, косметике, лекарствам

или пылесосам — целевые виды массового, группового и индивидуального сознания. Западный кинематограф этот аспект вероятного будущего разработал уже не в одном кинофильме и сериале. Мало внимания привлекает китайский эксперимент с формированием социального кредитного рейтинга. И напрасно. Это исключительно серьёзный проект создания технологий управления эволюцией общества.

Пока шли оживлённые дебаты об ужасах вживления чипов, люди быстро и добровольно, в меру и сверх своей реальной покупательной способности — т.е. в кредит, обзавелись гаджетами, аккаунтами в сетях, навигаторами, банковскими и прочими картами, оставляющими «цифровые следы» — большие пользовательские данные. По сути, вся геолокация, перемещения, покупки, имущество, связи, слова и даже мысли людей стали прозрачны и, в принципе, управляемы. В этой логике для управляющих цифровых платформ нет никакой разницы между вещью и человеком.

Как только возникает техническая возможность спроектировать поведение и его мотивации, а значит, и мировоззрение, такие попытки неизбежно будут кем-то предприняты. Сегодняшняя новизна подхода к формированию нового человека состоит в том, что невероятно окреп технологический потенциал социального манипулирования на скрытой основе и без видимого насилия. А идеологический потенциал манипулирования, кстати, заметно упростился. Снижение качества образования позволяет, например, не замечать реанимации давних идеологем и подачи их в массовое сознание как новаций. Отсюда — немыслимый расцвет всевозможного хайпа.

Как видно, анализ практик и латентных целей и возможностей цифровизации заводит нас в довольно симптоматичные сюжеты. В финале этой логической цепочки появляется вопрос о том, что такое человечность, что такое эволюционный статус человека и общества.

За пониманием сути человечности последует вопрос о природе и исторических сроках возникающего в наши дни общества 5.0, в первом приближении — общества, которое возникает в ответ на цифровые перемены.

Концепт общества 5.0 подразумевает адаптацию социальной повседневности к технологическим платформам индустрии 4.0 и, соответственно, формирование новой культуры, по сути нового типа цивилизованности. Общество 5.0 призвано создать новые институты, право, образование, медицину, быт, межчеловеческие отношения, соответствующие наступающей новой

технологической реальности. Эта тематика разрабатывается сегодня особо тщательно в Японии.

Стоит заметить, что именно на волне индустриализаций и циклов «финансовых пузырей» появились массовые политические движения, осознанно поставившие цели, ведущие к внедрению доктрин и утопий в социальную практику и международные отношения. Так и концепция общества 5.0 может акцентировать адаптацию социума к цифровой трансформации, но может и скрывать новую попытку воплощения социальных утопий. Тем более что за горизонтом цифровой эпохи нас ждёт ещё более захватывающий вызов — общество 6.0.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящую массовую цифровизацию недостаточно рассматривать лишь как процессы разработки и распространения технологий как основы новой индустриализации. Речь идет о большем — о преобразовании всего социума как в страновом, так и в глобальном масштабе. Более того, цифровая трансформация ставит ребром вопросы о характере человеческой эволюции, способах управления ею по сути цивилизационного, если не сказать вселенского, космического масштаба.

Цифровая трансформация порождает серьёзные социальные проблемы, прежде всего занятости значительных контингентов рабочей силы и образа жизни в обществе. Одна из них имеет особое значение — формирование образа будущего мира, в котором человечность становится вовсе не безусловным понятием.

/ Алексей АНПИЛОВ /

Два пути к бессмертию

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу...*

А.С. Пушкин

Современный этап развития генетики, медицины и прикладной биологии открывает перед человечеством возможность совсем иного мира. Мира, в котором большинство болезней будет побеждено — или же не будет представлять прежней смертельной опасности. Мира, в котором проблема старения хотя и останется, но перестанет отравлять жизнь людей преклонного возраста немощью и болью. Мира, в котором само понятие «преклонного возраста» будет отодвинуто куда-то к вековому пределу, за которым в судьбе человечества будет уже не иллюзорно проглядывать перспектива практического бессмертия. Ведь, согласно словам известного физика Ричарда Фейнмана, одного из создателей квантовой электродинамики, не существует никаких фундаментальных принципов, ограничивающих длительность жизни или запрещающих бессмертие: «Если бы человек вздумал соорудить вечный двигатель, он столкнулся бы с запретом на него в виде известного физического закона сохранения энергии. В отличие от этой ситуации в биологии нет закона, который утверждал бы обязательную конечность жизни каждого индивида».

И некоторые из атрибутов и законов этого мира мы уже можем определить сегодня, даже не понимая до конца тех изобретений и открытий, которые человечеству предстоит совершить на трудной дороге к практическому бессмертию, управляемому старению и пренебрежительной смертности.

МИР В 2100 ГОДУ: СТАРОСТЬ ВОЗРАСТОМ В ВЕК

Уже сегодня в мире родились дети, которые гарантированно доживут до XXII века. Если посмотреть на возрастную пирамиду 2100 года даже в варианте обычного, инерционно-

го сценария, то мы увидим, что её форма разительно поменяется. Если в 1950-х годах число 70-летних людей в мире было чуть ли не в 10 раз меньше, чем число 10-летних, то уже к 2050 году это соотношение изменится до уровня 50% смертности к возрасту 70 лет, а к 2100 году 70-летних жителей Земли будет лишь на четверть меньше, чем 10-летних.

Эти цифры иллюстрируют одну из самых интересных тенденций современного мира — люди на Земле живут всё дольше, причём не просто дольше, а в здоровом и продуктивном состоянии. За последние 30–40 лет старость человека в развитых странах была отложена на 10 лет — и эта тенденция продолжает по-прежнему развиваться в линейной прогрессии: с каждым следующим годом люди начинают стареть на 3–4 месяца позже.

Нынешние споры о пенсионном возрасте в 55, 60 или 65 лет показывают не только кризис традиционного «социального государства» (которое как раз и было рассчитано на то, что 20-летних работников в разы больше, чем 60-летних пенсионеров), но и плохо воспринимаемые нами сдвиги в возрастном составе общества.

Как пример, в современной постановке оперы «Ромео и Джульетта» роль матери Джульетты обычно должна, по канону, играть какая-нибудь отставная прима лет пятидесяти, которая может степенно ходить по сцене и чинно изображать богатство семьи Капулетти в первом, открывающем оперу действии. На самом же деле — Джульетте на момент сватовства Париса и её знакомства с Ромео еще не было и четырнадцати, ведь точная цитата из текста Шекспира гласит: «...в Петров день к ночи и минет ей четырнадцать годков». Возраст же матери Джульетты мы можем вычислить из её фразы о замужестве дочери, когда на возражения Джульетты о раннем замужестве мать

говорит ей по тексту: «Что до меня — в твои года давно уж матерью твоею я была». Путем несложных подсчетов из этих двух фраз мы можем получить и цифру возраста матери Джульетты — ей около 26–27 лет. Ну а забеременела Джульеттой она, судя по всему, вообще лет в 13, а то и в 12!

Надо сказать, что процесс такого линейного роста продолжительности жизни, который вот уже второй век подряд наблюдается в человеческом обществе, сам по себе весьма специфичен. Ведь максимальная наблюдаемая продолжительность старости остаётся неизменной, и от старости по-прежнему умирают. До сих пор нет уверенных свидетельств о том, что кто-либо из вида *Homo sapiens* прожил более 130 лет, а максимальная документально зафиксированная продолжительность человеческой жизни составила 122 года.

То есть люди живут дольше не потому, что стареют медленнее, — они живут дольше, потому что старость наступает позже, а человечество, в свою очередь, научилось поддерживать жизнь стариков в ситуации износа основных жизненно важных систем организма. При этом у людей в возрасте более ста лет наблюдается очень важный эффект «пренебрежимого старения» — в таком возрасте темп старения организма уже трудно статистически отличить от нуля в масштабах всей выборки, а отдельный организм показывает феномен «нестарения» — нулевую корреляцию между возрастом и вероятностью смерти. Условно говоря, если человек не умер в 100 лет, то вероятность его смерти в 110, 120 или 150 лет практически одинакова. Хотя человек и продолжает оставаться физически очень старым и подверженным рискам внезапной смерти от массы внешних причин.

Математически такой эффект «нестарения» нарушает один из основных популяционных законов —

закон Гомпертца — Мейкхама, согласно которому смертность является суммой независимого от возраста компонента (члена Мейкхама) и компонента, зависящего от возраста (функции Гомпертца), который экспоненциально возрастает с возрастом и описывает старение организма. Член Мейкхама (константа) показывает смерть от внешних причин. Для человека, например, это может быть автомобильная авария, стихийное бедствие или же несчастный случай. В защищённых средах, где внешние причины смерти отсутствуют или пренебрежимо малы (например, в лабораторных условиях, для зверей в зоопарках, а также для большинства людей в развитых странах), независимый от возраста компонент часто стремится к нулю, и формула упрощается до функции Гомпертца.

Закон смертности Гомпертца–Мейкхама наилучшим образом описывает динамику смертности человека в возрастном диапазоне 30–80 лет. Однако в области большего возраста смертность ещё в XX веке стала возрастать так быстро, как предусматривалось экспоненциальной функцией Гомпертца. А с выходом значительной части населения на плато персонального «нестарения» сверхсмертность в преклонном возрасте и вовсе перестала отвечать распределению Гомпертца, которое, напомним, постулирует экспоненциальный рост смертности в зависимости от возраста.

В силу этого процесса даже при инерционном варианте развития демографическая пирамида не только в развитых странах, но и практически везде в мире всё больше перестаёт быть привычной «пирамидой», более напоминая что-то похожее на прямоугольник с небольшим «хвостиком» в области преклонных возрастов. Если эта существующая тенденция сохранится, то больше половины родившихся сегодня людей отметит свой сотый день рождения уже XXII веке — и это будет признаком «нормального», а не экстремального долголетия.

И тут возникают два главных вопроса.

Во-первых — до каких пор эта тенденция будет сохраняться и каков истинный лимит продолжительности человеческой жизни?

А во-вторых — есть ли шанс не только отложить старение, но и остановить или как минимум максимально замедлить этот процесс?

СТАРЕНИЕ И СМЕРТЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРИЧУДА?

Для ответов на эти вопросы надо вспомнить, что старение — это генетическая программа, которая возникла в ходе эволюции при переходе от одноклеточных к многоклеточным формам жизни. Одноклеточные организмы обладают тем самым «пренебрежительным старением», постоянно клонируя себя в цепочке последовательных делений.

Для большинства же многоклеточных организмов ситуация выглядит противоположным образом. Оставив потомство, многоклеточный организм выполняет свою главную эволюционную функцию и освобождает дорогу новому поколению. То есть старость — это неизбежная «заплата», которую эволюция наложила на свои собственные несовершенные алгоритмы улучшения организмов, которые совершенствуются и приспособляются к среде за счёт изменчивости, заложенной в акте производства потомства.

Если бы изменчивость была заложена в самом организме на достаточно приемлемом уровне, то в старости не было бы принципиальной нужды вообще. Гипотеза, которая легла в основу такого эволюционно-генетического подхода, была предложена Питером Медоваром в 1952 году и известна сейчас как «теория накопления мутаций». По мнению Медовара, естественный отбор просто «не видит» мутаций, которые преследуют и в конце концов разрушают старческий организм: ведь функция размножения им выполнена уже в полной

мере, а дарвиновский отбор действует на популяцию в целом, а не на отдельные особи.

Впоследствии идеи Медовара были развиты Джорджем Вильямсом, который предположил существование в организме человека так называемых «плейотропных» генов, которые имеют разный эффект для выживания организмов на протяжении разных периодов жизни. Такие гены полезны в молодом возрасте, обеспечивая лучшую приспособленность организма в то время, когда эффект естественного отбора наиболее сильный, но становятся вредны позднее, когда эффект естественного отбора практически исчезает.

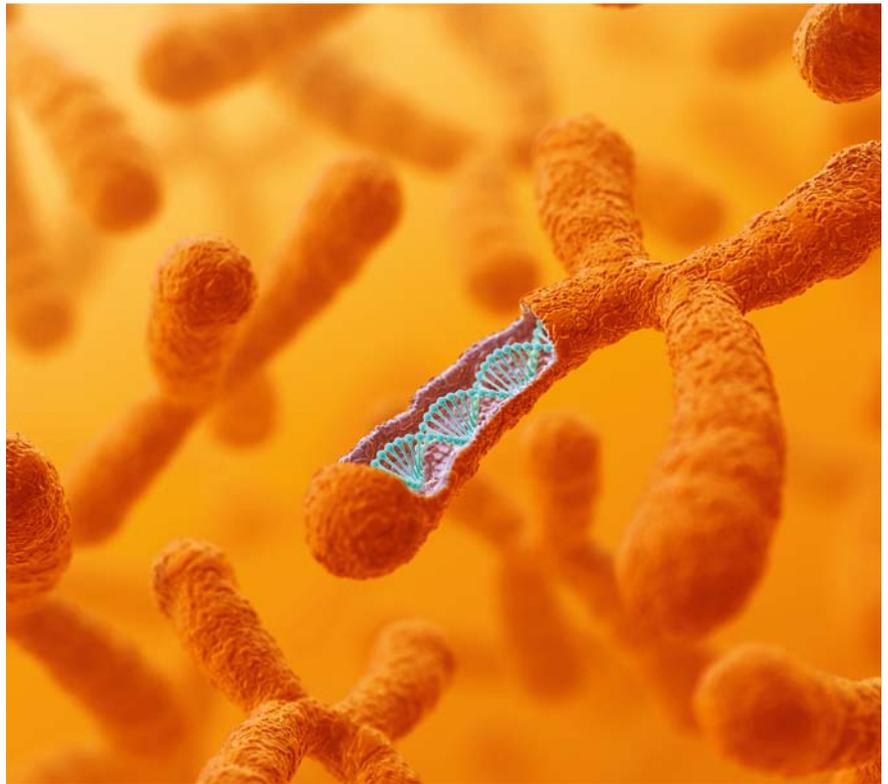
Например, широко известный ген фермента теломеразы является таким плейотропным геном. С одной стороны, он позволяет здоровым клеткам восстанавливать конечные участки своих хромосом (теломеры) и отдалять наступление предела Хейфлика (клеточной смерти из-за невозможности деления). Однако, с другой стороны, — именно теломераза отвечает за раковое перерождение клетки, когда «сломанный» генетический набор раковой клетки принудительно включает ген теломеразы для обеспечения выживания культуры клеток опухоли путём обеспечения их бесконтрольного деления.

Вторая теория старения, которая использует эволюционно-физиологический подход, называется «теорией одноразовой сомы» и была введена в научный оборот Томасом Кирквудом позднее, в 1977 году. Под «сомой» в положениях этой теории подразумевается внутренняя структура организма, которая и подвержена процессу старения. Теория одноразовой сомы задаётся вопросом о том, каким образом организм должен распорядиться своими ресурсами в постоянном выборе между поддержкой и ремонтом своей сомы или же другими функциями, жизненно необходимыми для выживания. Необходимость компромисса в использовании ресурсов возникает в связи с их ограниченностью и постоянным выбором лучшего

пути для их использования. Теория одноразовой сомы предусматривает, что виды и популяции, которые в среднем имеют небольшое число внешних угроз и низкую скорость размножения, должны инвестировать намного больше в защиту своей сомы, чем виды и популяции, которые ожидают короткую продолжительность жизни и быстрое размножение. При этом, когда часть организмов одного и того же вида попадает в защищённые условия и освобождается от влияния естественного отбора, различия в ремонте и поддержке сомы могут проявляться даже внутри такого вида, влияя на проявление межпопуляционных различий в скорости старения и в максимальной продолжительности жизни.

Нетрудно понять, что уже в середине XX века большинство жителей развитых стран сняло с себя «проклятие одноразовой сомы», когда функции элементарного выживания ушли на второй план, уступив место заботе о собственном будущем, здоровье и благополучии. Интересно и то, что теория одноразовой сомы постулирует и снижение рождаемости в ответ на наступление защищённых условий жизни. Так, одним из экспериментальных подтверждений теории одноразовой сомы стало наблюдение за двумя отдельными популяциями небольших сумчатых — виргинских опоссумов. Одна популяция опоссумов, найденная на острове в штате Джорджия, не имела природных наземных врагов-хищников, другая, наблюдаемая в материковой части того же штата, находилась под эволюционным давлением крупных хищников — пум, лисиц и рысей. В результате было обнаружено, что островная популяция рождает меньше детёнышей и имеет большую продолжительность жизни, хотя генетически обе группы практически идентичны. При этом представители островной группы были меньше по размеру, имели на 25% большую среднюю продолжительность жизни и на 50% большую максимальную продолжительность жизни, чем кон-

тинентальная группа. Возвращаясь к закону Гомпертца — Мейкхама, можно постулировать следующее: уменьшение независимого от возраста компонента (константы Мейкхама) прямо влияет на возрастно зависимый компонент (экспоненциальную функцию Гомпертца).

Важно отметить, что эволюционно-генетические и эволюционно-физиологические теории фактически дополняют друг друга. Первые говорят о том, «как» происходит старение, а вторые отвечают на вопрос, «почему» старение может столь разительно отличаться для разных индивидуумов и обществ внутри одного и того же вида, в нашем случае — людей.

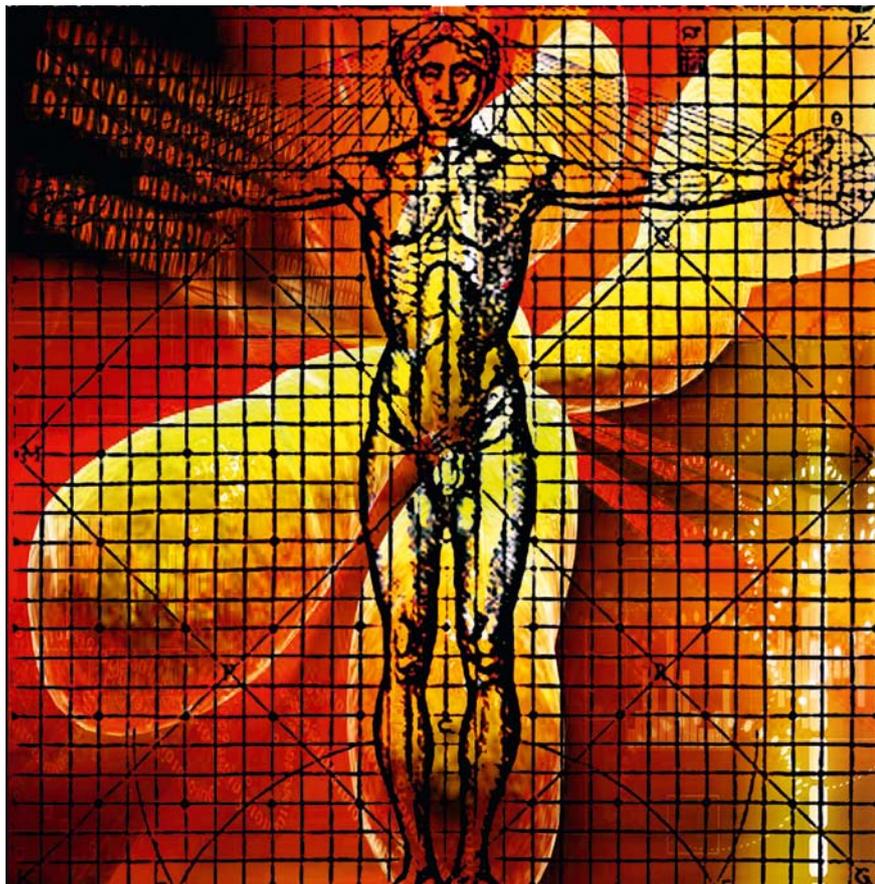
Борьба против старости — прикладной аспект

Уже сейчас известны десятки генов, которые позволяют в разы увеличить продолжительность жизни некоторых беспозвоночных животных или же лабораторных мышей. Кроме того, для человеческого генома уже создана база аналогичных генов, которые, скорее всего, определяют процесс

старения и могут быть использованы для продления активного периода жизни и увеличения её общей продолжительности. Отключение некоторых из таких генов или включение других позволяет замедлить, остановить или даже обратить вспять процессы естественного старения.

Более того, на сегодня в лабораторных условиях уже испытаны механизмы, способные полностью омолодить ткани у мышей, страдающих преждевременным старением. С новыми подходами системной биологии, высокопроизводительным скринингом и секвенированием генов, всё более точными и эффективными методами манипуляции геномом можно смело предполагать, что механизмы старения будут взломаны в течение ближайших 50 лет, а «среднестатистическая» человеческая жизнь будет, при желании, измеряться цифрой более ста лет, а в перспективе, возможно, — и веками.

При этом стоит подчеркнуть ещё раз: никаких физических или биологических запретов на такое будущее нет. Пока мы просто, согласно известной фразе, «стали более

лучше одеваться и сеять много овощей», и уже одно это подняло продолжительность жизни с жалких 40 лет в начале XIX века до 85–90 лет в развитых странах в начале XXI века — без какого-либо целенаправленного манипулирования человеческим геномом. Только перенос большей части населения Земли в защищённые условия сразу же позволил уйти от «проклятия одноразовой сомы» и включить внутренние механизмы регулирования продолжительности жизни. Пока что разительное наблюдаемое изменение демографической пирамиды — это успехи старой доброй химии, традиционной медицины, хорошего питания и здорового образа жизни.

Даже если этот оптимистический прогноз не сбудется, а мы будем в силу каких-то объективных, но пока неизвестных нам причин ограничены, например, наблюдаемой максимальной продолжительностью жизни в 120–130 лет, а старение будет по-прежнему поджидать каждого,

всё равно мир будущего однозначно изменится.

Даже в инерционном варианте изменений через пятьдесят лет продуктивный и здоровый промежуток жизни будет на 30–40% длиннее, чем сейчас. Речь будет идти о том, что продуктивный возраст человека вполне может быть растянут на дополнительные 20–30 лет. И человек в 80–90 лет в мире будущего, между 2050 и 2100 годом, будет сравним с сегодняшним 50–60-летним.

Что ещё немаловажно: для поддержания такого общества не надо будет рожать в 12–13 лет, как это пришлось делать матери шекспировской Джульетты. Сегодня репродуктивный возраст женщины (с мужчинами в общем-то проблем никогда и не было) уже уверенно шагает к 50 годам. Если раньше возраст роженицы в 40 лет воспринимался как событие, то сейчас — это уже обыденность и повседневность. Процедуры внутриутробного скрининга, ЭКО, суррогатное материнство,

значительно поднявшийся уровень перинатальной и постнатальной медицины позволяют полностью избежать негативных последствий поздних беременностей. Так, например, синдром Дауна у детей, развитие которого в значительной степени зависит от возраста матери и который в прошлом был неустрашимым фактором страха, сейчас уверенно определяется внутриутробно, что позволяет прерывать нежелательные беременности на ранних сроках.

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО

Такая практически неизбежная тенденция в изменении демографии означает, что в ближайшем будущем грянут столь же тектонические изменения в структуре общества. Мир будущего отнюдь не будет «миром дряхлых стариков» — скорее, речь будет идти о том, что люди будущего смогут жить гораздо более длинной и насыщенной жизнью, при формальном преобладании старшего поколения, которое вряд ли будут называть «старцами».

Распределение времени, которое человек сможет в такой длинной и активной жизни уделять на образование, семью, работу и отдых, может измениться кардинально, ведь 25 дополнительных лет продуктивной жизни — это очень немало. В частности, практически однозначно на более старший возраст сместится время трудовой деятельности. С одной стороны, общество будущего явно будет испытывать меньшую потребность в физической силе работника и низкоквалифицированном ручном труде, но, с другой стороны, больший удельный вес старших поколений вызовет неустрашимые диспропорции в существующей пенсионной системе.

Так, в частности, эксперты Евросоюза прогнозируют, что уже к 2030 году более 50% граждан в возрасте от 65 до 70 лет будут продолжать работать, а в когорте 70–75 летних будет не менее 10% работающих. С другой стороны, количество работающих

в возрасте до 20 лет сократится — с нынешних 25% до максимум 20%.

Практически весь мир к 2050 году станет «старым», если оценивать его в нынешней шкале социальных координат. Так, даже в Китае к этому моменту времени более четверти населения будет иметь возраст более 65 лет. Но это отнюдь не будет «старостью» и, тем более, смертным приговором: к 2050 году большая часть такого населения будет иметь к 60 годам ожидаемую продолжительность оставшейся жизни в 25–35 лет, что соответствует среднему возрасту дожития в 85–95 лет. В нынешнем виде социально-возрастная ситуация может оставаться разве что в экваториальной Африке, но и там динамика будет идти в том же направлении, только с отставанием на 10–20 лет, и повторять состояние развитых стран в середине XX века.

Понятным образом, те 20–25% мирового населения, которые в большинстве стран сосредоточатся в возрастах от 60 лет и старше, будут в гораздо большей степени влиять на научно-технический прогресс, нежели они это делают сейчас. Причём данное влияние будет определяться не только пенсионной или страховой системой, как сегодня, но и собственными возможностями должностелей, которые, как уже было сказано выше, в значительной мере возрастут в силу более длительного периода активного периода человеческой жизни.

Нетрудно понять, что финансовые накопления старшего возраста в ещё большей степени ускорят прогресс в генетике, биологии и медицине, в том числе (и в первую очередь) — в части исследований по борьбе со старостью, старением и смертью. Научный и технологический поиск, подпитанный такого рода вливаниями, однозначно сдвинет мир с рассмотренного инерционного сценария в гораздо более радикальную сторону.

Старение и смерть отдельных особей, когда-то необходимые для обеспечения изменчивости наших далеких животных предков, уже давно не нужны. Создав новые биотехноло-

гии в медицине — например, отменив сигналы старения в крови, которые провоцируются нашими собственными генами, — мы сможем отодвинуть видовое ограничение продолжительности жизни до любого разумного предела и избежать болезненных страданий от «старческого закукливания». Ещё одна важная проблема, состоящая, прежде всего, в том, что основная масса населения унаследовала традиционную психологию и поведенческие стереотипы, заставляющие их верить в религиозное помириться со своей скорой смертью, может — когда люди осознают, что напрямую влияют на смысл, качество и продолжительность своей земной жизни и, возможно, когда-то победят и свою земную смерть, — обрести совсем иное звучание,

И ВСЁ-ТАКИ ЛОЖКА ДЁГТЯ...

Конечно, нарисованный в данной статье образ будущего — это некая утопия, в которую хочется попасть. Долгая, насыщенная жизнь, активная старость и перспектива совершенно иного общества по сравнению с нынешним — это тот приз, который человечество вполне может получить, справедливо превратив научно-технический прогресс и успехи генетики, медицины и прикладной биологии в повышение качества собственной жизни.

Однако, как и в любом реальном сценарии будущего, тут существует и негативный вариант. Все научно-технические достижения могут быть сосредоточены в руках тончайшей прослойки правящего класса, который может воспользоваться плодами научно-технического прогресса для решения своих эгоистических целей и задач. Ведь уже не раз в истории то, что должно было стать достоянием широких масс, в итоге концентрировалось в руках лишь немногих, которые к тому же ограничивали доступ к ресурсам и технологиям.

Конечно же, такого рода опасность присутствует и в вопросе управля-

емого роста продолжительности человеческой жизни. Большинство разрабатываемых технологий активного долголетия и бессмертия обещают быть достаточно затратными на этапе НИОКР, но буквально «копеечными» на этапе внедрения: ведь для продления человеческой жизни не нужны тонны золота или же килограммы алмазов — достаточно лишь понимание глубинных процессов в нашем организме и разумное ими управление.

Отсюда следует и простой выбор: либо общественные структуры (и в первую очередь — государство) берут на себя заботу о фундаментальных и прикладных исследованиях в этих сферах, впоследствии получая совсем иное «качество» населения, либо же генетика, медицина и прикладная биология отдаётся на откуп частному капиталу, для которого жизнь или смерть человека — не более чем статья доходов (или расходов) в бухгалтерской ведомости.

Подобный конфликт вывел в фантастическом романе «Час Быка» знаменитый советский писатель-фантаст Иван Ефремов, который описал в нём общество вымышленной планеты Торманс, разделённое на долгоживущих («джи»), к которым относились правящие классы, учёные и люди искусства, и короткоживущих («кжи»), под которыми понимался необразованный рабочий класс, вынужденный из-за дифференцированного доступа к общественным благам умирать здоровым уже в молодом возрасте.

Как видится, именно Российское государство должно ставить задачу о равном доступе граждан ко всем успехам медико-биологических наук — в противном случае нам вполне грозят и другие беды, описанные для общества Торманса: социальная нестабильность, остановка научно-технического прогресса, кастовость общества и экономическая деградация.

Мир будущего будет разительно не похож на наш современный, и задача России — занять в нём достойное, почётное место, показывая путь к такому лучшему миру для всех.

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

Может ли Россия пройти сквозь «чёрную дыру»?

Кризис будущего и гуманитарно-технологическая революция

«Я не люблю машины. Я ненавижу интернет, ненавижу компьютеры. Они мешают нам жить, они отбирают наше время. Люди слишком много работают за компьютерами, они слишком много болтают, вместо того чтобы слушать и слышать друг друга».

Рэй Брэдбери

И мир, и Россия сейчас находятся в совершенно новой ситуации — на той исторической развилке, где выбирается будущее. Это новый круг проблем, к которым мы тем не менее пытаемся подходить «по старинке», надеясь на рост ВВП, на нефть, ракеты или новейшие технологии.

И возможности, и риски мы по-прежнему связываем то с глобализацией, то со взрывным ускорением научно-технического прогресса (или регресса). Мы хватаемся за привычки, идеи и понятия прошлого, не желая заглянуть в будущее, которое, говоря словами Ф. М. Достоевского, привело нас к «последним вопросам». И вопросы эти связаны не с техникой, ресурсами, климатическими изменениями, а с сущностью человека, теми смыслами и ценностями, которые он несёт в себе, с его желаниями, возможностями, образом будущего, с его душой.

Анализ всех крупнейших катастроф XX в. показывает, что у них обязательно были предвестники. Обычно это аварии, бедствия, чрезвычайные ситуации того же типа, но меньшего масштаба. Иногда кажется даже, что откуда-то свыше нам посылаются знаки, намёки, предупреждения о том, что может произойти. Если этот знак понимался, осмысливался и предпринимались необходимые меры, то многих бед удавалось избежать, ну а если нет...

Одним из самых больших бедствий являются войны. Наполеон признался: чтобы начать войну, ему надо убедить всех маршалов, три четверти генералов и половину офицеров, а солдат и так погонят. Другими словами, подобное решение должно быть поддержано достаточно большим кругом людей, обладающих властными полномочиями, и поэтому требовало довольно много времени.

В случае же чернобыльской катастрофы локальные действия нескольких человек, не входящих в структуры власти, в течение суток изменили мир. Многие используемые сейчас технологии предполагают совершенно иной уровень ответственности, несравнимый с тем, который требовался в прежнее время. От действий нескольких людей может зависеть судьба всех.

В 2018 году Дональд Трамп посылал к берегам Северной Кореи авианосные группы и обещал «преподать урок» этой «стране-изгою». И, что ещё более важно, имел все возможности для того, чтобы это сделать. Новые технологии требуют иной этики и другого отношения людей друг к другу. Без этого наша цивилизация напоминает обезьяну с гранатой — рано или поздно чека будет выдернута. Главные опасности сегодня — внутри нас. Здесь же — и главные возможности.

Одним из первых это попытался осмыслить, объяснить, достучаться до других Ульрих Бек: «Чернобыль — это *конец «других»*, конец всех наших строго культивировавшихся возможностей отделиться друг от друга, ставший очевидным после радиоактивного заражения. *От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века — нельзя.* В этом их своеобразная культурная и политическая сила... В развитом модерне возникает новая «аскриптивная» разновидность *чреватой грозными опасностями судьбы*, от которой не уйти при всём старании. Она больше напоминает судьбу сословий в Средневековье, чем классовые ситуации XIX века. В отличие от сословных и классовых ситуаций она складывается не под знаком *бедности*, а под знаком *страха* и является не «традиционным реликтом», а *продуктом* модерна на *высшей* ступени его развития»¹. Известный российский учёный В. В. Иванов развивает научное направление, называемое *экологией технологий*². В его основе представление о необходимом уровне культуры и морально-волевых качеств и, в частности, ответственности, для того чтобы использовать современные технологии.

Второй не менее важный момент состоит в умении слушать и слышать, иметь стратегии и алгоритмы достижения согласия в обществе. Если просмотреть блоги и сайты, достаточно

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

² Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. — 304 с. — (Будущая Россия, № 26).

далёкие от актуальной политики, то можно увидеть, как формируются сообщества «наших» и «не наших» и как стремительно растёт их неприязнь, как на глазах возникает жёсткое противостояние. Интернет, который, по замыслу его создателей, должен был связывать и объединять людей, начинает всё чаще их разделять. Он становится инструментом для наживы, обмана и манипуляции одних людей другими.

Яркий пример неумения слушать и заглядывать в будущее даёт обсуждение глобальных проблем. На саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 г. все необходимые слова были сказаны. Ведущие политики мира признали, что нас объединяют глобальные проблемы и ответственность перед будущими поколениями: исчерпание невозобновляемых ресурсов, принявшее огромные масштабы загрязнение окружающей среды, климатические изменения и многое другое. Согласован и принят перечень угроз, справиться с которыми отдельные страны в одиночку не могут. Но практических шагов в этом направлении не было, нет и не предвидится. Сытые голодных не понимают. Но и голодные не понимают — и не хотят понимать! — сытых, при первой возможности стараясь отвоевать у них часть общего для нашей планеты и единственного «пирога».

Проект глобализации уходит в прошлое. Администрация Трампа пытается его поскорее похоронить и забыть. Он не дал американцам того, на что они рассчитывали, — долгого глобального доминирования. Что сегодня объединяет мир? Потоки товаров и свободная торговля? В эпоху санкций об этом говорить не приходится. Единая финансовая система? Но в её рамках тот, кто «равнее, чем другие», может по своему произволу включать печатный станок и грабить остальных. И конец такого миропорядка не за горами.

По сути, нас связывают в единое целое общие технологии, которые пока не знают границ. Хотя и тут траектории стран, которые умеют делать мобильные телефоны, и тех, которые умеют только по ним разговаривать, расходятся всё дальше.

Наступивший век вновь ставит перед нами классические кантовские вопросы: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» Но сейчас становится понятно, что все они в нашу эпоху сводятся к вопросу о сущности человека и о той мере, в которой она может измениться. Сумеем ли мы со- владать (и есть ли сейчас такая категория,

как «мы») с созданными и перспективными технологиями, или нас ждёт незавидная участь ученика волшебника, который не смог справиться с разбуженными им силами.

Именно с этой точки зрения, ставящей во главу угла человека, мы и посмотрим на риски будущего и перспективы России.

МЕТАФОРЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«Подытожим: метафора — это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдалённого и недосягаемого».

Хосе Ортега-и-Гассет

Культура и наука, искусство, технологии, мировоззрение представляют собой части единого целого, самым активным образом влияющие друг на друга.

В настоящее время наше мировоззрение во многом меняет *теория самоорганизации — синергетика* (или более широко — нелинейная наука). Со времён древних греков, как в рамках христианской традиции, так и в историческом материализме, основы которого были заложены Марксом и Энгельсом, считалось, что у нас есть некая предопределённость. История мыслилась как единый поток, идущий из прошлого в будущее.

Однако естественные науки второй половины XX века и прикладная математика показали, что это не так. Как правило, в достаточно сложных системах мы сталкиваемся с совсем иной ситуацией, «витязя на распутье», — когда прежняя дорога закончилась, и надо выбирать из нескольких возможных путей, по которым ещё никто не ходил.

В 1834 г. К. Якоби исследовал зависимость формы небесных тел от параметра — скорости, с которой они вращаются вокруг своей оси. Решая эту задачу, он ввёл понятие *бифуркации* (от французского bifurcation — раздвоение, ветвление). С тех пор математики так начали называть ситуацию, в которой при изменении параметра меняется число и/или устойчивость решений определённого вида. Значение параметра, при котором такое изменение происходит, назвали *точкой бифуркации*.

Затем этим термином начали пользоваться гуманитарии, рассматривая случаи, когда прежняя траектория изучаемого объекта те-

ряет устойчивость и открываются новые возможности. Бифуркации бывают *мягкие*, когда новые пути поначалу не слишком отличаются от старых, и *жесткие*, когда характеристики системы меняются резко, неожиданно, скачком. Первые, естественно, связываются с эволюционным развитием, вторые — с революционным.

Потом понятие о бифуркации вошло в лексикон политиков, журналистов, философов. Само развитие стало рассматриваться как прохождение последовательности бифуркаций. При тех параметрах, при которых это происходило, сознательно или неосознанно делался выбор варианта будущего, к которому идёт система. Будущее оказалось не в единственном числе.

Это меняет наш взгляд на мир. В самом деле, Ньютон представлял Вселенную как гигантский часовой механизм, который создан Богом, которому он дал первотолчок. В ньютоновском мире нет свободы воли, и мы, хотим того или нет, разыгрываем кем-то и когда-то написанный сценарий.

Современная наука утверждает, что дела обстоят иначе. В точках бифуркации малые причины могут иметь большие следствия, они определяют путь в будущее, а вместе с ним —

и само будущее. В этих точках случайности, субъективные или игровые моменты, действия небольших групп, а иногда и отдельных людей, могут сыграть решающую роль. Мир не создан «от начала до конца», его творение непрерывно продолжается, и некоторые решения, которые мы принимаем, могут очень сильно повлиять на его настоящее и будущее.

Заканчивается индустриальная эпоха. Кончается время капитализма и прежняя траектория развития. Мир находится в точке бифуркации. Наступает время выбора и эпоха больших перемен. Вопрос только в том, что определит этот выбор и каким он будет.

Вторая важная метафора связана с так называемым «эффектом бабочки». В 1963 г. американский метеоролог Эдвард Лоренц сделал одно из главных открытий XX века. Исследуя на компьютере простейшую модель, описывающую конвекцию (этот процесс во многом определяет погоду), он открыл *динамический хаос*. Со времён Ньютона главным типом математических моделей стали так называемые *динамические системы*. Эти системы позволяют описывать движение. В них будущее объекта, вся его дальнейшая история однозначно определяется его нынешним состоянием. Последо-

ватель Ньютона Пьер-Симон Лаплас, живший в наполеоновскую эпоху, утверждал, что мозг, достаточно мощный для того, чтобы принять в расчёт координаты и скорости всех частиц во Вселенной, сможет заглянуть как угодно далеко и в будущее, и в прошлое.

Эдвард Лоренц показал, что это не так. Траектории множества динамических систем неустойчивы. И в них малые причины могут иметь большие следствия. А значит, взмах крыльев бабочки в нужное время в нужном месте может привести к разрушительному урагану, который может произойти через две-три недели в сотнях километрах от того места, где сидела бабочка.

И это меняет очень многое. С одной стороны оказывается, что наши возможности предсказывать состояние сложных систем весьма ограничены величиной, называемой *горизонтом прогноза* (для атмосферы этот горизонт составляет 2–3 недели). С другой стороны, мы можем посмотреть, что определяет неустойчивость в конкретном случае, и попытаться стабилизировать её, если она опасна для нас, или, напротив, ускорить ход процессов, если это отвечает нашим интересам. Появляется научная основа для технологий *проектирования будущего*.

В-третьих, — и это сейчас самое главное — совершенно иной в глобальном и вза-

имосвязанном мире становится *мера ответственности*. Ведь каждый из нас, ошибаясь и не осознавая происходящего, может стать той самой «бабочкой», взмах крыльев которой привёл к большим бедам. Слова поэта о том, что нам не дано предугадать, как наше слово (и тем более дело) отзовется, оказались пророческими. Наука подводит нас к выводу, что понятия *осознанность* и *ответственность* станут важнейшими категориями в наступившем веке.

КОЛИЧЕСТВО, ПЕРЕХОДЯЩЕЕ В КАЧЕСТВО

«Если даже человек всё может осуществить, то наверняка не любым способом. Он достигнет в конце концов любой цели, если только того пожелает, но, быть может, ещё раньше поймёт, что цена, которую придётся за это заплатить, делает достижение данной цели абсурдным».

Станислав Лем

Известно классическое утверждение, что политика является концентрированным выражением экономики. Но эту взаимосвязь можно продолжить. Экономика, в свою очередь, является воплощением и массовым использо-

ванием технологий, созданных человечеством. В то же время сами технологии («обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду»³, — как определил их С. Лем) сегодня опираются на научные достижения.

В течение XX века человечеством был пройден громадный путь. Благодаря родовспоможению, антибиотикам и ряду других достижений медицины средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах третьего мира увеличилась вдвое. Мечта Фауста о второй молодости нашла массовое практическое воплощение. Применение минеральных удобрений и произошедшая «зелёная революция» уже сейчас позволяют накормить голодных во всём мире.

Ряд технологий достигли своих пределов. Это особенно наглядно в военной сфере. Люди очень изобретательны в том, что касается оружия. В самом деле, возможности оружия в течение почти всей истории определяли *дальнобойность, поражающая сила и скорость*. Американская стратегия «быстрого глобального удара» направлена на то, чтобы межконтинентальные баллистические ракеты оказались там, где их захочет видеть президент, в течение максимум часа. По оценке американского футуролога Элвина Тоффлера, «убойная сила обычного оружия была увеличена на пять порядков от начала промышленной революции до наших дней. Это значит, что в наше время неядерное оружие в среднем в 100 000 раз мощнее, чем было, когда первая машина и фабрика стали изменять наш мир. А чтобы представить себе силу ядерного оружия, достаточно вообразить 100 или 1000 Чернобылей. Лишь в последние пятьдесят лет стали всерьёз обсуждаться сценарии конца света»⁴.

Около пределов, в окрестностях точки бифуркации, смыслы, цели, стратегии должны стать иными, как пространство и время в окрестностях «чёрной дыры». Какими? Ответ, который даёт теория «постиндустриального общества», чьи основы были заложены американским социологом Даниелом Беллом, звучит так: «На протяжении большей части челове-

ческой истории *реальностью была природа*: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести своё «я» с окружающим миром. Затем *реальностью стала техника*, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое состояние вне его «я», в овеществлённом мире. В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром* — воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях. Общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция... Человек может быть переделан или свободен, его поведение — запрограммировано, а сознание — изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей»⁵.

Белл ввёл «осевой принцип», позволяющий выделять различные основополагающие сущности в зависимости от «оси», от точки зрения на историю. Если эта ось — смена форм собственности и соответствующих общественно-исторических формаций, то можно выделить «феодализм», «капитализм», «социализм». Если ось — статус и историческая роль знаний, то эволюция выглядит иначе: «доиндустриальный», «индустриальный» и «постиндустриальный» типы общества. Для последнего характерно быстрое развитие сферы услуг, важное значение теоретического знания для осуществления технологических нововведений, превращение новой индустриальной технологии в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений.

Сейчас, через полвека после появления этой теории, со многими её деталями можно поспорить, но главная тенденция отражена абсолютно точно — в центре внимания новой эпохи оказывается сам человек. Очень большую долю в бюджетах стран-лидеров составляют расходы на социальное обеспечение, на здравоохранение, на образование. Каждая третья научная статья, выходящая сейчас в мире, посвящена медицине. Качество жизни становится важнейшим показателем в конкуренции стран друг с другом. Ряд государств оценивают как важнейший показатель не только валовый внутренний продукт (ВВП), но и валовое внутреннее счастье.

³ Лем С. Собрание сочинений, т. 13, дополнительный. Сумма технологий. — М.: Текст, 1996. С. 9.

⁴ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с. — (Philosophy).

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 2004, с. 663.

Если в индустриальную эпоху людей рассматривали в качестве «винтиков» огромной социальной машины, делали акцент на их «стандартизации» и взаимозаменяемости, полагая, что «незаменимых нет», то сейчас картина совсем другая. Очень многое зависит от очень немногих. Во многих странах признают, что их будущее определяется тем, сумеют ли они найти талантливых детей, дать им отличное образование и найти им работу, которая принесёт наибольшую пользу для них самих и для общества. Барак Обама в своё время говорил, что единственным показателем, по которому он будет судить о состоянии американской средней школы, является число ребят, занимающих первые места на международных олимпиадах по физике и математике, потому что страна, способная готовить таких детей, будет править миром через 20 лет...

Если посмотреть на то, как действует этот «принцип Обамы» сегодня, то можно использовать результаты стандартного теста для среднего школьника PISA, проверяющего способность 15-летних ребят использовать полученные знания. В подобных международных сравнениях советские школьники занимали первые места. Результаты новой России значительно скромнее (см. табл. 1). Наши школьники занимают места в конце третьего — начале четвёртого десятка.

В таблице обращают на себя внимание два обстоятельства. В лидерах находятся в большинстве своём быстро развивающиеся страны, и прежде всего — Китай. Эти страны вкладывают большие усилия в подъём своей экономики и в то, чтобы на этой основе изменить своё место в мире.

Мы смирились с тем, что наши дети не читают, не умеют говорить и грамотно писать. Это опасно. Как писал Осип Манделштам, «всякая попытка механически приспособить язык к потребностям жизни заранее обречена на неудачу... «Онемение» двух-трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». Но оказывается, в других странах иначе... Их дети добиваются больших успехов.

Пробелы средней школы не удаётся восполнить в высшей. Я преподаю старшекурсникам нескольких престижных вузов страны. Перед началом своих курсов я даю им небольшую контрольную работу и беседую с ними, чтобы представить их картину мира, — от этого зависит, чему и на каком уровне их можно научить. Задаю вопрос будущим инженерам, которым предстоит рассчитывать атомные

реакторы, проектировать гиперзвуковые аппараты и развивать нанотехнологии: «Почему, несмотря на то, что Солнце притягивает Землю, она не падает на него?»

В прошлом году я услышал такие ответы: «Ей не даёт упасть световое давление, которое отбрасывает её от Солнца» или «Земле мешают другие планеты, которые притягивают её» и, наконец, «В космосе действуют специальные центробежные космические силы, которые и не дают». В этой группе магистров последнего года не было ни одного правильного ответа, в то время как среднему советскому восьмикласснику ответ был совершенно очевиден.

Мы пытаемся дать высшее образование тем, кто не имеет среднего. Но других студентов у нас нет. Надо работать с теми, кто есть. И ребята-то, как выяснилось, толковые, просто их почти ничему не научили, и они очень невысоко оценивают свои шансы получить работу по той специальности, которую получают. Если страна действительно будет совершать рывок (помните слова про 25 млн новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики?), то многое можно будет быстро исправить. Кроме того, профессионализм и совесть обычно оказываются очень тесно связаны.

На стене Стеллинбосского университета — одного из ведущих в ЮАР — есть такая надпись: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащимися на экзаменах. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования — это крах нации». К сожалению, это пока про нас. Стремительная дисквалификация наших специалистов — очень серьёзная угроза для России.

Простейший способ развалить любую сферу жизнедеятельности — начать её активно реформировать, никак не соотнося результаты деятельности субъектов, дающих указания, с результатами их деятельности и состоянием объекта, который вынужден эти указания исполнять. С российской наукой происходит именно это. Ситуацию точнее всего характеризует анекдот про Горбачёва, популярный во времена перестройки. Народ из колхоза пишет генсеку, что у них дохнут куры в курятнике, и спрашивает, что делать. Генсек предлагает и то, и другое, и пятое, и десятое

Математика			Естественные науки			Родной язык		
1.	Сингапур	564	1.	Сингапур	556	1.	Сингапур	535
2.	Гонконг, Китай	548	2.	Япония	538	2.	Канада	527
3.	Макао, Китай	532	3.	Эстония	536	3.	Гонконг	527
4.	Тайвань	542	4.	Тайвань	532	4.	Финляндия	526
5.	Япония	532	5.	Финляндия	531	5.	Ирландия	521
6.	Китай	531	6.	Макао, Китай	529	6.	Эстония	519
7.	Корея	524	7.	Канада	528	7.	Южная Корея	517
8.	Швейцария	521	8.	Вьетнам	525	8.	Япония	516
9.	Эстония	520	9.	Гонконг	523	9.	Норвегия	513
10.	Канада	516	10.	Китай	518	10.	Макао, Китай	509
...				
25.	Россия	494	25.	США	496	23.	Тайвань	497
26.	Франция	493		24.	США	497
27.	Великобритания	492	32.	Россия	487	25.	Испания	496
...			33.	Люксембург	483	26.	Россия	495
39.	США	470	34.	Италия	481	27.	Китай	494

Таблица 1

Результаты стандартного теста для среднего школьника PISA, проверяющего способность 15-летних ребят использовать полученные знания.

(разумеется, никак не связанное с курами). И в конце он получает телеграмму, что все куры издохли, с грустью вздыхает и говорит: «Как жаль, а ведь у меня ещё так много отличных идей...»

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В течение многих веков жизнеустройство следовало принципу «человек для экономики», то есть люди «впрягались» в хозяйство, и очень немногие могли что-то изменить в своей жизни. «Если ты не будешь рабом своего дела, то тебе просто придётся работать на другого хозяина», — гласит испанская пословица, отражающая традиционный крестьянский уклад жизни.

Ныне очень часто реализуется иной императив: «экономика для человека», — набор жизненных траекторий стал намного шире.

Итак, всё для блага человека, всё во имя человека. Но каким будет сам этот человек? Творцом или потребителем (пусть даже квалифицированным)? Этот вопрос прекрасно обыгран в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». С одной стороны, увлечённые наукой, окрылённые и вдохновенные сотрудники НИИЧАВО (НИИ

чародейства и волшебства), для которых происходящее на работе в тысячи раз интереснее, чем отдых. С другой стороны, профессор Выбегалло, создавший идеального потребителя. Последний с большим успехом потреблял всё, до чего мог дотянуться, и в конце концов лопнул.

Постепенный рост благосостояния, развитие социальных программ создало иллюзию, что именно потребление и будет главным в наступившей эпохе, что «я не халявщик, а партнёр», что потребительские кредиты: то ли из-за инфляции, то ли из-за «реструктуризации долга», — возвращать не придётся. Этот морок поразил не только отдельных людей, но и правительства ряда государств. И когда выяснилось, что долги отдавать придётся, а бесплатный сыр бывает только в мышеловке, это стало для них неприятным открытием.

Да ведь и у большей части нашей творческой интеллигенции произошла смена вех. Автор романов о светлом советском коммунистическом будущем Борис Стругацкий говорил в интервью журналу Playboy: «Боюсь, ничего более стабильного и благополучного, чем Общество Потребления, человечество создать не способно. Худшее — сколько угодно, а лучшее — нет...»

Уильям Голдинг ещё в 1954 году написал повесть «Повелитель мух» — о детях, попавших в результате авиакатастрофы на необитаемый остров. Ребята начали жить по праву сильного, создав довольно бесчеловечную социальную структуру и свою религию — они поклонялись отрубленной свиной голове, которую наделили атрибутами божества.

В современном изводе теории общества потребления роль свиной головы, которую надо поставить выше себя, играют то искусственный интеллект, то большие данные, то нейронные сети.

Например, популярный американский футуролог Юваль Ной Харари провозглашает следующий этап эволюции (общества потребления): «Главным продуктом экономики XXI в. будут не вооружения, автомобили или одежда — а тела, мозги и интеллект.

Подобно тому как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, так следующая масштабная революция создаст класс неработающий, бесполезный.

Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам»⁶.

При таких целях, на мой взгляд, человечество может сломать себе шею без астероидов, ядерных войн и новых смертельных болезней. Эта «потребительская» ветвь развития, вероятно, является тупиковой для нашей цивилизации. Но есть и другие ветви...

Гуманитарно-технологическая революция (ГТР), которая происходит в настоящее время, более масштабна и значима, чем промышленные, цифровые, социальные революции прошлого. Последние меняли техносферу или общество, а ГТР меняет самого человека. Пользуясь выражением выдающегося математика и философа Н. Н. Моисеева, это «революция, меняющая алгоритмы развития человечества». И у нас пока нет готовых ответов. Нам ещё предстоит найти путь в будущее.

Но при таком отношении к делу, как сейчас, во многих областях не удастся даже удержать уже созданную техносферу. По мировой статистике, причиной 90% аварий в воздухе и 70% в море является не техника, а человек... Человек вновь оказывается в центре всего...

Как же выбраться из кризиса совести, атмосферы некомпетентности и безразличия? Если следовать идеям ГТР, то нам стоит опираться на три важнейшие сущности — *осознанность, ответственность и совесть*. Именно это отличает взрослых людей, которые берутся за серьёзное важное дело, понимают, что жизнь одна и второго дубля не будет, от детей, которые ощущают, что «всё понарошку», а если что не так, то «взрослые всё разрулят»...

Осознанность означает реальную, трезвую оценку своего положения и своих проблем и возможностей. Известный журналист и политический деятель говорит: «Да, мы сдуру развалили Советский Союз, и надо было как-то выплыть. Потом решали проблему терроризма, восстанавливали государственные институты... Русская интеллигенция, русская элита последние сотни лет хочет чего-то большого. То ли империю усиливать, то ли войны выигрывать, то ли шведов прогнать, то ли человека в космос запустить, то ли социализм построить в отдельно взятой стране... Мы должны снова стать такими, немного помешанными, какими были последние пятьсот лет». Много исторического времени потеряно. Наше место на карте мира — экономической, технологической, демографической и многих других — продолжает сокращаться. У нас нет более возможности что-то делать «сдуру» и смотреть на историю как на аттракцион, где хочется то ли большого проекта, то ли майдана, то ли конституции, то ли севрюжины с хреном...

Ответственность многолика. В частности, это ответственность перед будущим, предполагающая, что наше поколение решит сегодняшние проблемы России, не откладывая их на потом и не перекладывая на плечи детей и внуков, и создаст задел на будущее.

Совесть требует исполнения своего долга. Помните, как Верещагин объяснял бандитам, почему он будет делать своё дело. Да потому, что «за державу обидно». Если у нас появится достаточно много людей, которым за державу обидно и которые работают для того, чтобы обидно не было, то половину проблем удастся решить сразу.

И конечно, в пути нам понадобится компас — Мечта, Образ будущего, Идеология.

Пока у нас есть возможность достойно пройти точку бифуркации, выбрать путь к звёздам, а не безвременье и тьму. Именно этого мир ждёт от нас. Ему стоит дать шанс.

⁶ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. — М.: Синдбад, 2018. — 496 с. — (Big Ideas).

/ Андрей ОСТРОВСКИЙ /

Уроки для России

*Китайский опыт инновационного
развития экономики*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ХОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

В отчётном докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) была выдвинута идея «создания ускоренными темпами инновационного государства». Особо подчёркивалось место и роль инноваций в качестве главной движущей силы, чтобы прорывы в научно-технической сфере направляли всесторонние инновации. По мере роста производительных сил и комплексной государственной мощи Китая, повышения жизненного уровня населения и усиления роли международного влияния КНР на мировой арене всё более важным фактором успехов экономической реформы и построения общества «малого благоденствия» (сяокан) становится развитие науки и техники. Согласно прогнозам социально-экономического развития КНР, доля экономически активного населения станет постепенно снижаться, и Китай уже вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом избыточной рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе — и в сельском хозяйстве. Это означает, что в течение ближайших лет Китай должен будет совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики. Только в этом случае в Китае можно будет решить проблему избыточного населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет), относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счёт внедрения новых энергосберегающих технологий.

Было отмечено быстрое и стабильное развитие экономики за последние годы, что выражалось не только в высоких темпах роста ВВП, промышленности и сельского

хозяйства, но и в новых достижениях науки и техники. Был осуществлён запуск человека в космос и под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 метров в Марианской впадине на Тихом океане. За этот период были созданы самые быстродействующие суперкомпьютеры в мире «Шэньвэй Тайхучжигуан» или «Sunway Taihu Light» («Свет солнечного пути озера Тайху»), «Тяньхэ» и «Тяньхэ-2» («Млечный путь»), введена в эксплуатацию спутниковая навигационная системы «Бэйдоу» («Северная Медведица») и проведена пробная добыча гидрата природного газа («горючий лед») в Южно-Китайском море. Также была построена сеть высокоскоростных железных дорог общей протяженностью свыше 30 тыс. км и после запуска в серию скоростного поезда «Сетяо» («Гармония») запущен в эксплуатацию для высокоскоростных железных дорог (ВСЖД) скоростной поезд «Фусин» («Возрождение»), в котором были запатентованы такие изобретения, как интеллектуальная система охлаждения тягового трансформатора поезда, унифицированы устройства механической сцепки вагонов, разъёмы электрооборудования, взаимосвязи и взаимодействия подвижного состава. В результате КНР с 2000 г. переместилась с 6-го на 1-е место по объёму ВВП по паритету покупательной способности, с 8-го на 1-е место по объёму внешней торговли, заметно выросла совокупная государственная мощь страны.

По мнению руководства КНР, подъём Китая обеспечивается за счёт подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум показателям ВВП: удельного веса расходов на образование и на научно-исследовательскую деятельность. На наш взгляд, именно эти меры позволяют Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение вперёд экономики страны.

После «культурной революции» в ЦК КПК было принято четыре основных документа, определяющих стратегические перспективы развития науки и техники:

- 1) «Решение о реформе в области науки и техники» в 1985 г.;
- 2) «Решение об ускорении научно-технического прогресса» в 1995 г.;
- 3) «Решение об усилении научно-технических инноваций, о развитии новых и высоких технологий, о создании отраслей промышленности» в 1999 г.;
- 4) «Решение о реализации программы развития науки и техники, укреплении собственного инновационного потенциала» в 2006 г.

Но ещё до принятия первого из них уже в первые годы реформ (6-й пятилетний план 1981–1985 гг.) Государственный комитет по науке и технике КНР принял два документа, определяющих основные направления развития науки и техники на много лет вперёд: «Государственный план прорыва в области науки и техники» 1982 года и «Государственный план создания ключевых лабораторий» 1984 года. В рамках первого плана предполагалось развивать основные направления научных исследований для традиционных отраслей промышленности и определять главные направления исследований. В ходе реализации этого плана были определены такие приоритетные направления исследований для китайской науки и техники, как сельское хозяйство, биотехнологии и информатика. В рамках второго плана предусматривалось оказание поддержки и создание соответствующих условий для развития комплексных лабораторий по линии «научно-исследовательский институт — университет — предприятие».

Однако решающее влияние на развитие науки и техники в КНР оказала следующая, 7-я пятилетка (1986–1990 гг.). В эти годы было принято пять различных программ развития науки и техники, в том числе «программа 863» 1986 года, где

Страна	1995	2000	2007	2020	2030
КНР	10,2	10,1	19,7	30,0	35,0
США	18,3	18,4	19,8	15,0	12,0
ЕС	19,6	15,8	20,1	15,0	15,0
Япония	18,4	15,2	14,6	10,0	8,0
Россия	10,5	7,3	6,5	5,0	5,0

Таблица 1
Удельный вес научно-технических работников в общей численности научно-технических работников в мире (1995–2030 гг.) (%)

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперёд к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 91)

были поставлены задачи формирования инновационного потенциала Китая в сфере высоких технологий и повышения конкурентоспособности страны на мировой арене. Было намечено 19 приоритетных тем исследования для всесторонней поддержки как путём выделения централизованных средств из государственного бюджета, так и из различных фондов. Эти ключевые направления исследований включали в себя информационные технологии, биотехнологии, сельское хозяйство, технологии получения сырьевых ресурсов и энергоресурсов, новые материалы, передовое машиностроение и автоматика.

Не менее важное значение для будущего развития науки в Китае имела принятая в 1988 г. «программа

Факел», которая предусматривала поддержку создания зон развития новых и высоких технологий и центров инновационных услуг. Было намечено создать к 2005 г. 53 зоны развития новых и высоких технологий и 534 центра инновационных услуг, которые в КНР стали называться «предприятия-инкубаторы» (*жунхуауци*) и выполняли функции предприятий, создающих высокотехнологичный продукт на базе имеющихся научно-технических разработок в лабораториях вузов и НИИ наподобие так называемых «почтовых ящиков» в СССР. Надо отметить, что практически все такого рода «инкубаторы» в настоящее время находятся на территории зон развития новых и высоких технологий и имеют строго отраслевую

специализацию. Именно центры инновационных услуг в зонах развития новых и высоких технологий и являлись своего рода связующим звеном между научными лабораториями и предприятиями, которые могут производить продукцию новых и высоких технологий.

В 1986 г. была принята программа «Искра», в рамках которой предусматривалось внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство с целью развития аграрно-промышленного комплекса и постепенной урбанизации китайского села. Для реализации программы «Искра» в 2005 г. большую часть средств (70%) составляли собственные средства предприятий, остальные приходились на банковские кредиты (26,6%) и финансирование из госбюджета (3,4%).

Принятые в годы 7-й пятилетки (1986–1990 гг.) «Государственная программа создания новых ключевых видов продукции» (1988 г.) и «Программа внедрения результатов ключевых научных исследований» (1990 г.) были связаны как с разработкой новых видов продукции новых и высоких технологий, так и с внедрением новейших достижений развития науки и техники в традиционные отрасли промышленности.

Однако основные документы, определяющие основные стратегические направления развития науки и техники КНР в XXI веке, были приняты в период 9-й пятилетки (1996–2000 гг.). Безусловно, важнейшим из принятых в эти годы документов в области развития науки и техники, стала принятая в 1997 г. Государственным комитетом по развитию науки и техники КНР «Программа 973», в соответствии с которой в признанных ключевыми сферах экономики (сельское хозяйство, энергоресурсы, информатика, охрана окружающей среды, народонаселение и его здоровье, новые материалы) необходимо не только проводить комплексные исследования, но и готовить кадры, обладающие

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	0,2	1,3	3,7	10,9	18,0	25,0
США	39,7	34,9	28,6	29,0	24,0	20,0
ЕС	32,2	29,6	34,2	36,5	30,0	24,0
Япония	7,2	7,6	9,6	6,7	5,0	4,0
Россия	5,7	6,2	3,3	2,6	2,0	2,0

Таблица 2
Удельный вес научных публикаций в общей численности научных публикаций в мире (1980–2030 гг.) (%)

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперёд к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 94)

высоким инновационным потенциалом, привлекать обратно в страну отправившихся на учёбу за рубежом студентов, развивать международное сотрудничество и международный обмен. В 1999 г. были приняты ещё три программы развития науки и техники, связанные с развитиями отраслей новых и высоких технологий. В рамках этих программ был создан инновационный фонд развития малых и средних предприятий в области науки и техники, фонд развития научно-исследовательских тем в системе Академии наук Китая и программа действий по торговле инновациями в области науки и техники. Этим фондам предоставлялись различные налоговые и финансовые льготы и выделялись значительные суммы денег на проведение научно-исследовательских работ (НИР). В частности, на каждую тему НИР в системе Академии наук Китая было выделено от 500 тыс. до 2 млн юаней (примерно от 2,5 до 10 млн рублей), а патентная деятельность была возложена на Министерство коммерции и Государственный комитет по науке и технике КНР.

В годы 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) в основном занимались реализацией намеченных в конце XX века программ развития науки и техники. В основном государственная политика в этой области была в большой степени посвящена предоставлению налоговых и финансовых льгот всем структурам, занимающимся инновационной деятельностью. Такие льготы по вычетам из различных видов налогообложения получили занимающиеся инновациями предприятия на свои расходы по разработке продукта, заработной плате, импорту новых и высоких технологий из-за рубежа. В частности, в отношении такой продукции, как компьютерные платы, интегральные схемы и программное обеспечение, был установлен льготный период, в ходе которого вообще не взимались никакие налоги. Правительствам всех уровней было предписано оказывать финансовую

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	–	0,9	3,1	18,2	25,0	35,0
США	12,4	13,4	20,0	21,7	15,0	12,0
ЕС	19,8	12,5	14,4	10,5	10,0	9,0
Япония	33,1	49,2	46,6	30,9	22,0	17,0
Россия	33,0	16,7	2,8	2,6	2,0	2,0

Таблица 3

Удельный вес подаваемых патентных заявок в общей численности подаваемых патентных заявок в мире (1980–2030 гг.) (%)

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперёд к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 95)

и прочую поддержку инновационным предприятиям.

С начала XXI века в КНР особое внимание стало уделяться развитию нанотехнологий. Руководство Китая включило исследовательскую работу в данной сфере в список отраслей приоритетного финансирования, на эти цели было выделено 300 млн долл.

В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) были выделены основные направления развития науки и техники: компьютерные платы и программное обеспечение, технология нового поколения информационных сетей, передовые ЭВМ, биофармацевтика, гражданская авиация, использование спутников и новые материалы. С 2006 г. развитие науки и техники в КНР осуществлялось в соответствии с тремя основными

документами правительства КНР по развитию науки и техники: «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» (2006 год); «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования реформ и развития образования в 2010–2020 гг.» (2010 год); «Государственная долгосрочная и среднесрочная программа планирования развития талантов на 2006–2020 гг.» (2010 г.). В случае реализации этих трёх общегосударственных программ к 2020 году Китай должен войти в ряды стран с экономикой инновационного типа.

Особое внимание уделялось выходу КНР на лидирующие позиции в мире по количеству полученных

Страна	1981	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	1,3	1,7	2,9	12,1	18,0	25,0
США	26,6	36,1	29,4	29,8	25,0	20,0
ЕС	24,8	35,0	21,5	23,6	20,0	20,0
Япония	8,6	15,7	10,7	11,8	9,0	7,0
Россия	8,6	6,8	1,3	1,9	1,5	1,5

Таблица 4

Удельный вес расходов на НИОКР в общем объёме мировых расходов (1981–2030 гг.) (%)

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперёд к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 96)

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	0,03	0,6	3,7	19,7	25,0	30,0
США	26,1	22,0	19,6	13,4	10,0	8,0
ЕС	24,7	20,2	16,1	13,1	10,0	8,0
Япония	15,2	15,0	11,5	6,4	5,0	4,0
Россия	3,3	0,3	0,4	0,3	1,0	1,0

Таблица 5
Удельный вес экспорта продукции высоких технологий в объёме мирового экспорта (1980–2030 гг.) (%)

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперёд к всеобщей житочности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 97)

патентов на изобретения и по количеству опубликованных научных работ и статей. Предусматривалось также снижение зависимости от импорта зарубежных технологий, создание и продвижение на мировом рынке собственных технологических стандартов. При этом выделялось три основных направления развития науки и техники в КНР: энергоресурсы, водные ресурсы и охрана окружающей среды, — поскольку недостаточное развитие этих трёх сфер в значительной степени сдерживает темпы социально-экономического развития страны.

В июне 2017 г. Министерство науки и техники КНР совместно с тремя ведомствами выпустило «Специальный план по национальным фундаментальным исследованиям в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)», в котором отмечалось, что «Китай будет по-прежнему оказывать стабильную поддержку фундаментальным исследованиям, создавать основу будущего научно-технического развития Китая, реализовывать ряд крупных научно-технических проектов в области фундаментальных исследований, в том числе квантовой связи и квантового компьютера, науки о мозге и исследований в области церебрологии».

Было определено 16 проектов, воплощающих основные тенденции научно-технического развития, которые касаются информатики, биологии и других стратегических отраслей.

В каждый из проектов были инвестированы десятки миллиардов юаней и сконцентрированы силы ведущих научно-исследовательских институтов для реализации этих проектов.

Была создана Канцелярия по государственному важному специальным научно-техническим проектам, которая разрабатывает методы реализации этих проектов, утверждает планы их реализации, выдвигает политические установки и рекомендации, контролирует реализацию проектов, разрешает важные проблемы, организует оценку и приёмку. К числу таких проектов относится, например, «Хэгаоци» («Ядерные высокие технологии»), который направлен на создание основных электронных приборов, высококачественных общеупотребительных микросхем и бытовых программных продуктов. Этот проект обеспечивает повышение качества основных потребительских товаров длительного пользования: мобильных телефонов, компьютеров, холодильников, автомобилей и т.д., — которые уже не могут обойтись без микросхем программного обеспечения. В результате реализации проекта «Хэгаоци» удалось добиться заметных успехов в производстве основных электронных компонентов, высококачественных микросхем общего назначения и базового программного обеспечения. В рамках этого проекта разработанные в КНР центральные

процессоры (CPU) и системное программное обеспечение уже широко применяются как внутри Китая, так и за рубежом.

3 января 2018 г. на первом постоянном собрании Госсовета КНР была подчеркнута необходимость усиления поддержки фундаментальных исследований и повышения инновационного потенциала. Помимо государства отдельные крупные фирмы и предприятия также стали уделять внимание и увеличивать инвестиции в фундаментальные исследования. В частности, в октябре корпорация Alibaba официально объявила о создании исследовательской академии DAMO (Discovery, Adventure, Momentum, Outlook), чтобы заниматься исследованиями в области фундаментальных наук и прорывных инноваций. Корпорация запланировала в течение следующих трёх лет инвестировать более 100 млрд юаней (1 трлн рублей по текущему валютному курсу) в научные исследования и разработки.

Предполагается, что по итогам реализации трёх программ развития науки и техники к 2030 г. общее количество получивших высшее образование достигнет 300 млн чел., численность специалистов — 120 млн чел., общая численность занятых в сфере НИОКР будет ежегодно увеличиваться на 4 млн чел., в том числе учёных и инженеров — на 3,5 млн чел. в год, доля численности занятых в НИОКР достигнет 35% общемирового показателя, по уровню научно-технического потенциала — 30% мирового показателя, а по количеству научных публикаций, принятых патентных заявок, капиталовложений в НИОКР и экспорту продукции новых и высоких технологий Китай выйдет на первое место в мире.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КНР ЗА ГОДЫ РЕФОРМ

По большому счёту, в сфере науки и техники Китай в основном занимался копированием лучших

зарубежных научно-технических разработок и был в состоянии адаптировать их применительно к уровню развития производства в стране. Но, как было признано в проводимом Академией инженерных наук Китая исследовании по проблемам подготовки инженерно-технических кадров в сфере инноваций, которое проводилось в 2008–2009 гг., далеко не во всех областях науки и техники китайские научно-технические работники были в состоянии изобрести что-то принципиально новое. С целью изменения данной ситуации и развития инновационной экономики в Китае было принято решение, направленное на подготовку качественно новых кадров инженерно-технических работников.

За 40 лет, с 1978 по 2018 г., резко увеличилась численность студентов, выпускников вузов и аспирантов. Если в 1978 г. в КНР насчитывалось 856 тыс. студентов, 165 тыс. выпускников вузов и 10,7 тыс. аспирантов, то в 2018 г. уже было 28,31 млн студентов, 7,533 млн выпускников вузов и 2,731 млн аспирантов.

В 1978 г. было 860 китайских студентов, обучающихся за рубежом, в 2001 г. их число достигло 83 973, а в 2017 г. — 608400. При этом если в 2001 г. на в КНР после обучения вернулось 12 243 студента (14,6% от общей численности), то в 2010 г. — уже 186 200 (56,8%), а в 2017 г. — 480 900 (85,4%).

В результате резко выросло число принятых и одобренных патентных заявок. Так, если в 1990 г. по всей КНР была сделана всего лишь 41 469 патентных заявок, из которых одобрено — только 22 588, то в 2018 г. уже насчитывалось 4,123 млн принятых патентных заявок, из которых 2,447 млн одобрено — почти стократный рост за 28 лет!

За 26 лет, с 1991 по 2017 г., в КНР в 6,6 раза выросло число занятых в НИОКР, а расходы на НИОКР выросли с 34,9 млрд юаней в 1995 г. до 1965,7 млрд юаней, или до 2,18% ВВП в 2018 г., то есть рост составил 56,3 раза за 23 года.

На фоне усиливающейся международной конкуренции в области науки и техники для Китая важное

значение имеет укрепление фундаментальных исследований. Около 90% современных технологических инноваций являются результатом фундаментальных исследований. Непосредственно связаны с фундаментальными исследованиями технологические прорывы в таких сферах, как спутники, связь, сверхпроводимость, ядерная энергия, авиация, космонавтика, нанотехнологии и др. В области ключевых технологий пока ещё Китай зависит от других стран, потому что в стране ощущается нехватка фундаментальных исследований. Хотя Китай и добился успехов в области науки и техники, однако собственный инновационный потенциал остаётся недостаточным, роль науки и техники в развитии экономики пока ещё остается невысокой, по-прежнему сохраняется зависимость от импорта, в том числе продукции новых и высоких технологий. По мнению руководства КНР, необходимо повышать собственный инновационный потенциал для того, чтобы разрешить вышеуказанные противоречия и ускорить переход

от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста.

В Китае считают необходимым существенно повысить положение и влияние национальной фундаментальной науки в международном научном сообществе. Дополнительно выделяются средства на улучшение условий труда учёных и исследователей, на приглашение и привлечение лучших зарубежных научных кадров, закупки самого современного научного оборудования. Всё это нацелено на то, чтобы китайские учёные смогли в целом ряде научных дисциплин достигнуть успехов, соответствующих передовому международному уровню.

В последние годы Китай предлагает огромные усилия для развития международного научного сотрудничества. Китай как равноправный партнёр принимает активное участие в международных программах термоядерного синтеза, изучения генома человека, в международном эксперименте с нейтрино

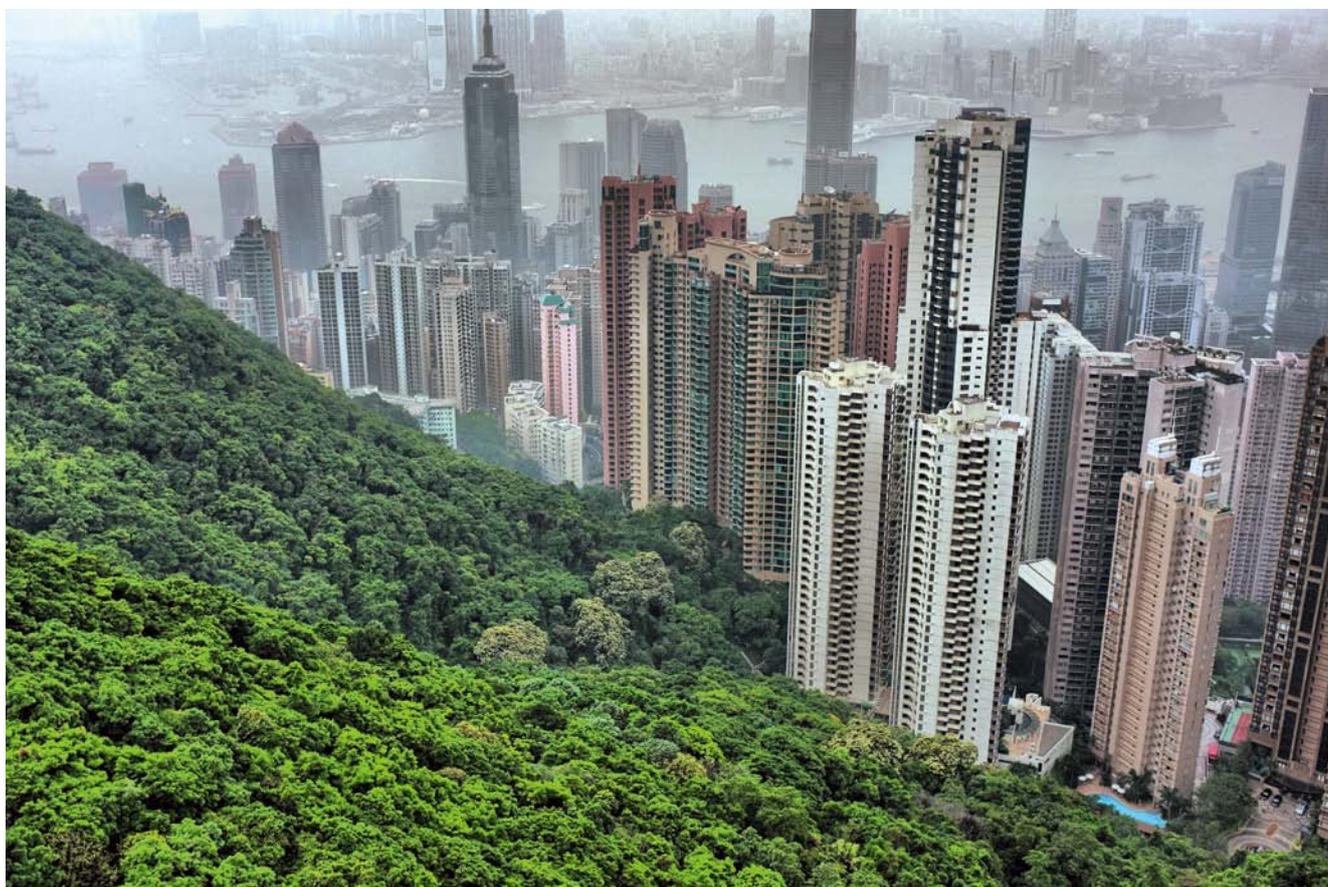
на Даяваньской АЭС. В последние годы Китай объявил о запуске плана действий по научно-техническим инновациям в рамках инициативы «Один пояс, один путь», главным содержанием которого являются научно-технические и гуманитарные обмены, создание совместных лабораторий, сотрудничество в области научно-технических парков и передача технологий. По данным на конец 2017 г., Китай проводит научно-техническое сотрудничество со 160 странами и регионами, подписал более 110 межправительственных соглашений о научно-техническом сотрудничестве.

В результате за последние годы в результате быстрого развития фундаментальных наук в КНР активно развивалась инновационная экономика в ряде отраслей науки и техники. Среди наиболее быстро развивающихся отраслей науки и техники и развитие на их базе новых и высоких технологий следует выделить такие области, как биотехнологии,

информационные технологии, нанотехнологии и наноматериалы, атомная энергетика, авиационные технологии, космические технологии, ракетная техника и возобновляемые источники энергии.

ЗОНЫ НОВЫХ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КНР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Тем не менее превращение Китая в технологическую державу во многом зависит от его участия в международном сотрудничестве, в том числе — с транснациональными корпорациями (ТНК). Для достижения баланса собственных интересов стороны выстраивают систему взаимовыгодных отношений. Рассматривая китайский рынок высокотехнологичной продукции как перспективный и высокодоходный, ТНК стремятся максимально расширять своё присутствие в КНР. Китай же, применяя тактику привлечения и ограничений, осуществляет заимствование

Показатели	1991	1995	2000	2010	2013	2017
Научные исследования и опытные конструкторские работы (НИОКР)						
Численность занятого НИОКР персонала в течение года (млн чел.)	0,671	0,752	0,922	2,554	3,681	4,040
Расходы на НИОКР (млрд юаней)		34,9	89,6	706,3	1190,6	1965,7 ¹
Доля в ВВП (%)		0,57	0,90	1,76	2,09	2,18²
Научно-технические результаты и государственные премии						
Зарегистрированные результаты в области науки и техники (ед.)	32653	31099	32858	42108	52477	59792
в том числе: использованные результаты	28258	27431	28843	37029	46456	51677
Государственные премии						
в том числе:						
за достижения в области естественных наук	53	57	15	30	54	35
за технические изобретения	209	131	23	46	71	66
за достижения в сфере научно-технического прогресса	502	607	250	273	188	170
за международное научно-техническое сотрудничество		6	2	5	8	7
Оборот патентов на рынке (млрд юаней)	9,5	26,8	65,1	390,6	746,9	1342,4
К-во успешно запущенных искусственных спутников		2	6	15	14	17
Научно-техническое обслуживание						
К-во выпущенных карт		970	1150	1944	1585	1513
К-во метеостанций	3903	4128	5117	37992	62137	62738
Объём имеющейся информации для метеостанций (ГВ)				358220	504874	
К-во станций по мониторингу землетрясений	1125	1183	1234	1477	1687	1668
К-во станций по прогнозированию морей и океанов				71	79	124
Качество контроля						
Лаборатории по проверке качества продукции		5000	5500	25171	30098	35000
в том числе: государственные центры сертификации		235	230	443	556	739
Выборочная проверка продукции (категория)	138	185	235	132	139	164
Выборочная проверка продукции (партия)	3902	6713	9705	16357	17020	20192
Патенты						
Заявленные	50000		170700	1222300	2377000	3697800
Одобрённые	24600		105300	814800	1313000	1836400

Таблица 6

Основные данные состояния и развития науки и техники в КНР в 1991–2017 гг.

Источник: Чжунго тунци чжайяо – 2012 (Китайский статистический справочник – 2011), Пекин, 2011, с. 172; Чжунго тунци чжайяо – 2014 (Китайский статистический справочник – 2014), Пекин, 2014, с. 150; Чжунго тунци чжайяо – 2018 (Китайский статистический справочник – 2018), Пекин, 2018, с. 173

^{1,2} 2018 год

технологий и продвигает развитие высокотехнологичного сектора национальной экономики. Одновременно вырабатывается комплекс целенаправленных мер, сочетающих элементы государственного и рыночного регулирования; материальные, финансовые, научно-технические средства и кадры концентрируются на развитии и внедрении собственных инноваций.

Для скорейшего внедрения новейших достижений науки и техники в КНР на конец 2013 г. действовало 112 зон развития новых и высоких технологий, являющихся по своему характеру современными научно-технологическими комплексами, которые способны превращать фундаментальные открытия в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство. Зоны развития новых и высоких

технологий (ЗРВТ, National hi-tech industrial development zone, NIDZ, *гоцзянци гаосинь цзишу чанье кайфацую*) являются особой формой научно-технического сотрудничества вузов, научно-исследовательских учреждений, малых инновационных компаний, консультационных фирм, обслуживающих организаций, местной администрации и крупных промышленных предприятий. Их деятельность способствует превращению науки в производительную силу. Ведущую роль в создании ЗРВТ в Китае играют Министерство науки и техники (ранее Государственный комитет по науке и технике) и Академия наук КНР.

Во многих крупных городах Китая вузы, академические и отраслевые НИИ расположены рядом друг с другом в каком-то определённом месте города, наподобие Академгородка в Новосибирске. В этих

районах или рядом с ними стали размещаться высокотехнологичные компании, для которых научные центры и университеты готовят молодых специалистов.

Для китайских научно-технических работников и инженеров ЗРВТ явились своего рода «особыми экономическими зонами», которые привлекали их на выгодных условиях в особую сферу, находящуюся на пересечении деятельности научно-исследовательских, конструкторских организаций, вузов, промышленности.

В соответствии с ходом научно-технического прогресса в мире направления развития в промышленности новых и высоких технологий пересматриваются и дополняются. В 2005 г. по инициативе Министерства информатики КНР в Китае были выделены в особую категорию 11 зон государственного уровня по произ-

водству продукции программного обеспечения. Основным условием вхождения в эту зону является доля доходов от продаж и экспорта продукции программного обеспечения, которая должна превышать 70%.

Первая зона развития высоких технологий в Китае (известная как Шэньчжэньский научно-промышленный парк) была создана в июле 1985 г. в экономической зоне Шэньчжэнь Академией наук КНР и правительством г. Шэньчжэнь. В мае 1988 года состоялось официальное открытие экспериментального района развития высоких технологий в Пекине. Подобные районы появились и в других крупных городах.

В этих районах действует особый преференциальный режим для зарегистрированных компаний, работающих в области высоких технологий и новой техники, разрешено предоставлять налоговые льготы иностранным инвесторам, специализирующимся в сфере высоких технологий. Налоговые льготы подобны предоставляемым в свободных экономических зонах (СЭЗ), но их предоставление входит в компетенцию Министерства науки и технологий КНР, а не местных властей.

Создание и функционирование ЗРВТ определяется такими нормативными документами, как «Порядок и процедура предоставления статуса предприятий новых и высоких технологий», «Временное положение о некоторых направлениях политики в зонах развития высоких технологий», «Положение о налогообложении в зонах развития высоких технологий» и др.

Как правило, районы развития высоких технологий КНР проходили в своем развитии три этапа:

1) «промышленная зона»; главная цель этого этапа — создание благоприятной среды и законченной инфраструктуры для привлечения и удержания крупных предпринимателей и транснациональных компаний для фор-

мирования сбалансированного контингента, которая в будущем могла бы репрезентативно представить деятельность зоны; деятельность характеризовалась притоком технологий;

2) «технологически ориентированная промышленная зона» — на этом этапе формируется система взаимоотношений с ведущими отечественными научно-исследовательскими организациями и зарубежными научными парками;

3) «исследовательский парк» — этот этап представляет более высокую ступень развития предыдущего этапа, деятельность зоны характеризуется большим объёмом рыночно ориентированных прикладных исследований; главный признак третьего этапа — разработка и реализация новых технологий.

Структура современного китайского научно-технологического парка, одной из главных задач которого является трансфер технологий, включает три основных блока: научное ядро, периферийные подразделения и система связей, обеспечивающих целостность всей структуры.

Ядро, задача которого разрабатывать высокие технологии, состоит обычно из четырёх элементов: исследовательская зона (университет или группа научно-исследовательских центров), организующая разработку передовых технологий, и связанные с ней малые предприятия; базы данных технической информации и выставочный комплекс; учебный центр и центр передачи технологий, где специалисты овладевают новыми технологиями; бизнес-инкубатор. Периферия ядра строится из трёх крупных блоков: жилая зона и обслуживающие ее предприятия и службы; зона рыночной инфраструктуры, требующаяся для организации бизнеса; производственная зона.

Технопарк обычно включает в себя такие структуры, как правление, дирекция, экспертный совет,

бухгалтерия, бизнес-школа, консалтинговые, инжиниринговые, лизинговые и страховые компании; сервисный центр, имеющий в распоряжении отель и апартаменты, рестораны, группу переводчиков, оргтехнику и средства связи.

Доходы научно-технологических парков формируются из прямого финансирования учредителями, оплаты оказанных клиентам услуг, арендной платы, полученной от клиентов, прочих доходов от собственности (гостиниц, предприятий питания, конференц-залов и т.п.), а также косвенного государственного финансирования в виде льгот по налогам и арендной плате.

ЗРВТ и научно-технологические парки Китая развиваются на основе сочетаний политики предпринимательства и государственного регулирования. Например, Пекинский экспериментальный район развития высоких технологий Чжунгуаньцунь является центральным в КНР звеном проведения исследований в области естественных наук и высоких технологий, в настоящее время Чжунгуаньцунь включает научный парк, состоящий из 25 научно-исследовательских институтов АН Китая и более чем 50 ведущих государственных лабораторий; центр по подготовке специалистов с докторской и постдокторской степенью, зону «инкубации» высокотехнологичных предприятий, парк электронной техники и зону разработки программного обеспечения.

В 2001 г. в Китае были созданы 22 научно-технологических парка государственного уровня при вузах. Они прошли утверждение Министерства науки и техники и Министерства просвещения КНР. Открытие научно-технических парков при вузах направлено на содействие внедрению научно-технических разработок в производство, развитию высокотехнологичных предприятий и подготовке специалистов. Средние темпы развития научно-технических предприятий, созданных вузами, составляют около 15% в год.

К настоящему времени существующие зоны развития высоких технологий КНР располагают развитой современной производственной базой, инфраструктурным обеспечением, значительным научно-техническим потенциалом и комплексной системой коммерциализации научных результатов. Они вступили в период стабильного функционирования и стали эффективным механизмом реструктуризации промышленности страны и одной из основных форм развития высоких технологий, явились катализаторами передовых научно-технологических идей, обеспечили подпитку экономики инновациями и могут эффективно решать такие проблемы, как безработица, утечка мозгов, структурная перестройка экономики регионов и развитие социальной инфраструктуры.

За 18 лет, с 1995 по 2013 г., в ЗРВТ количество предприятий увеличилось почти в 5 раз, а численность занятых в них — с 1 млн до 14,6 млн чел. В результате валовая продукция промышленности в ЗРВТ увеличилась со 140,2 млрд юаней в 1995 г. до 20 трлн юаней в 2013 г., а их доля в ВВП КНР — с 2,3% до 31,4%. При этом объём экспорта произведённой в ЗРВТ высокотехнологичной продукции вырос с 2,930 млрд долл. (1,5% общего экспорта КНР) до 413,3 млрд долл. (18,7%).

Таким образом, благодаря созданию ЗРВТ за 15 лет Китай из технологически отсталой страны превратился в одного из мировых лидеров в сфере высокотехнологичного производства. Большая часть ЗРВТ в Китае находится в городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Сиань и в приморских районах Китая, где имеются НИИ и вузы, обладающие первоклассным оборудованием и высококвалифицированными кадрами.

Однако по объёму экспорта больше его половины — 60,3% приходится на чисто иностранные предприятия. Как мы видим, в сфере производства высокотехнологичной продукции роль государства невелика.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В КНР

В различных странах мира активно ведётся работа по стандартизации нанотехнологий. С 2001 г. Министерство науки и технологий КНР также реализует проект разработки стандартов нанотехнологий и наноматериалов. В КНР был создан государственный орган по разработке стандартов в области нанотехнологий, что стало очередным шагом страны по стимулированию развития этой отрасли. Национальный комитет по стандартизации в области нанотехнологий начал работу в июне 2006 г., его возглавил вице-президент АН Китая Бай Чунли, который впоследствии заменил Лу Юнсяна во главе Академии наук КНР. Данный орган занимается координацией работы правительственных структур и исследовательских институтов с целью ускорения разработки терминологии, системы измерений и производственных норм в международных стандартах в области нанотехнологий. Китай, стремящийся выйти на передовые позиции в этой нарождающейся отрасли, принял семь стандартов в области нанотехнологий и сообщил, что это первая в мире серия национальных нанотехнологических стандартов.

В настоящий момент по ряду разработок в сфере нанотехнологий Китай приблизился или достиг передового мирового уровня. Китайские ученые получили научные результаты и опубликовали статьи в известных научных изданиях, которые признаны и цитируются ведущими учёными в этой области. Восемь НИИ и вузов Китая вошли в число 50 крупнейших мировых научно-исследовательских учреждений, занимающихся исследованиями и разработкой нанотехнологий.

В КНР наиболее бурное развитие получили пять сфер развития нанотехнологий: 1) передача информации; 2) биофармацевтика; 3) энергоресурсы; 4) охрана окружающей среды; 5) функциональные материалы. Во всех этих сферах

нанотехнологий Китай уверенно входит в тройку ведущих стран мира как по количеству патентных заявок, так и по количеству научных публикаций. В частности, по количеству патентных заявок по нанотехнологиям Китай занимает 4-е место в области передачи информации, 1-е место в области биофармацевтики и охраны окружающей среды, 2-е место в области функциональных материалов и 3-е место в области энергоресурсов. По количеству публикаций в сфере нанотехнологий Китай занимает 1-е место в области охраны окружающей среды и 2-е место в области передачи информации, биофармацевтики, энергоресурсов и функциональных материалов.

Детальный анализ статистических данных по развитию нанотехнологии в мире показывает, что Китай наряду с США, Японией и Республикой Корея имеет наиболее высокие показатели в области нанотехнологий как по количеству заявленных патентов, так и по общему количеству публикаций. Обращают на себя внимание и высокие показатели Российской академии наук по общему количеству публикаций практически во всех сферах (второе или третье место) за исключением производства материалов в сфере энергоресурсов, уступая в этом только Академии наук Китая. Однако Китай существенно опережает Россию и другие страны мира по количеству патентных заявок.

Следует также отметить, что к числу ведущих учебных заведений КНР, имеющих серьёзные достижения в сфере нанотехнологий, помимо Пекинского университета Цинхуа также относятся Нанькайский университет в Тяньцзине, Нанкинский университет, Фуданьский университет в Шанхае, Чжэцзянский университет в Ханчжоу и Шанхайский университет Цзяотун.

ВЫВОДЫ

Главным в китайском опыте инновационного развития для России следует признать выработанную

и реализуемую на протяжении 40 лет научно-техническую политику, предусматривающую выработку долгосрочной и среднесрочной программы развития науки и техники, программы повышения качества науки и подготовки научно-технических кадров, а также повышение финансирования государственных расходов на развитие науки и техники до 2,2% ВВП.

Как мы видим, на протяжении всех 40 лет реформ в Китае уделяли огромное внимание развитию образованию и науки. В стране сложилась система подготовки кадров «школа — университет — аспирантура», заметно увеличилось количество не только специалистов с высшим образованием, но и обладателей учёных степеней, выросло количество научных публикаций. Заметно повысился уровень образования в китайских университетах, а некоторые из них: например, университет Цинхуа в Пекине или Фуданьский университет в Шанхае, — вышли

на первые строки мировых университетских рейтингов.

Следует обратить внимание на заметное увеличение финансирования расходов в РФ на НИ-ОКР и их рост относительно ВВП страны. В Китае эта доля составляет 2,18%, что намного выше российского показателя, составляющего чуть больше 1%. При этом в науке КНР лидирующую роль продолжают играть, обеспечивая основные научные достижения страны, три национальные академии: Академия наук, Академия общественных наук и Инженерная академия.

С учётом успешности китайского опыта нашему правительству следует повысить роль Российской академии наук и создать действующую цепочку для внедрения научных достижений и открытий в практику: академические институты — прикладные исследования — серийное производство новой высокотехнологичной продукции. С этой целью необходимо создать зоны развития новых

и высоких технологий на территории России на базе региональных отделений РАН и передовых отраслевых.

В целом следует отметить, что использование китайского опыта инновационного развития экономики для России может осуществляться с максимальной эффективностью в создаваемых российско-китайских технопарках на территории КНР и на территории наукоградов в РФ. В ходе совместной деятельности можно будет выработать особый преференциальный режим на территории России для зарегистрированных компаний в области высоких технологий и новой техники, предоставлять налоговые льготы иностранным инвесторам в сфере высоких технологий, выработать необходимые нормативные документы по созданию и функционированию зон развития новых и высоких технологий, а также создать научно-технологические парки, в которых должен быть сосредоточен основной интеллектуальный потенциал зон развития новых и высоких технологий.

/ Карен СВАСЬЯН /

Германия: История одного отсутствия

НЕМЕЦКОЕ ПРОШЛОЕ

Наверное, нет более надёжного способа обмануться в оценке вещей, чем рассматривать их только в настоящем, в отрыве от их прошлого. Больше того: когда само это настоящее воспринимается не по *существованию*, а только по *обозначению*. Как, например, в интервью, которое корреспондент немецкого «Шпигеля» взял у Владимира Путина в июне 2007 года. После множества дежурных вопросов он неожиданно спросил: «Господин Путин, безупречный ли вы демократ?» (в оригинале: *lupenrein* — «чистой воды»).

Можно, конечно, обратить внимание на профессиональную развязность вопроса, но нахрап — вторая натура журналиста, и упрекать его в этом было бы не только наивно, но и глупо. Интересно другое. Чтобы задать такой вопрос, молодой человек должен был быть абсолютно уверен в безупречности собственной демократии. Ему и в голову не могло прийти, что уверенность эта того же рода, что и производимая им изо дня в день информационная (или, если угодно, дезинформационная) *ерунда*. Он жил в некоем своём настоящем, не имея ни малейшего представления о прошлом: не том зачумлённом отрывке прошлого в промежутке между 1933 и 1945 годами, погрязшем в котором и стала его настоящим, — а в том, где, как в зеркале, отражалась его идентичность.

Если попытаться охарактеризовать это прошлое по существу, то первым, что бросится в глаза, будет некое хорошо завуалированное *отсутствие*. История Германии после распада Римской империи и до 1945 года — это «Удивительная история Петера Шлемия», написанная в 1813 году Адельбертом фон Шамиссо. Петер Шлемия — человек, продавший свою тень дьяволу и оставшийся без тени. Чисто немецкий философский парадокс: оставшись без тени, он остался без самого себя, потому что не отбрасывать тень могло только то, чего нет. Германия без себя — это Священная Римская империя немецкой нации, о которой Вольтер сказал, что она «не является ни священной, ни римской, ни даже империей». Нужно просто сравнить историю этого гомункула с параллельно протекающими историями Франции, Англии, Испании, чтобы убедиться в позднем диагнозе Гёте: «Германия — ничто». За вычетом отдельных эпизодов, вроде эпохи великих Штауфенов (1138–1254), мы не найдём здесь ничего, кроме полигона чужих аппе-

титов и коллекции курьёзов, вроде истории с Карлом IV, которого после проигрыша в одном из игорных домов Флоренции ссудили деньгами лишь под залог короны. Или записи одного хрониста о Фридрихе III после известия о падении Константинополя: «Император сидит дома, засаживает растениями свой сад и ловит пичужек. Жалкое создание!»

Характерный момент: в «Энциклопедии», издаваемой Дидро и д'Аламбером статья «Германия» занимает менее чем полстолбца, половина которого посвящена какому-то торговому соглашению с Турцией.

Потом пробил час прусского школьного учителя. Пришлось за считанные годы, экстерном, нагонять упущенное тысячелетие. По сути, это было первое экономическое чудо, потрясшее и испугавшее ведущие державы, в особенности — Англию. Шутка ли сказать, но производство чугуна в промежутке между франко-прусской и Первой мировой войнами выросло в Германии на 334% (против английских 17%), а рост добычи угля за то же время составил 240% (против 60% в Англии).

Этот уникальный «базис» дополнялся химерической «надстройкой», что при врождённом немецком пороке *романтизма* не требовало особых усилий. Парад химер начался со «Второго рейха», лишь удвоившего химеричность первого. Абсолютный парадокс немецкого национализма по модели лихтенбергского ножа без лезвия с отсутствующей рукояткой: если немецкие философы (Фридрих Альберт Ланге) выдумали «*психологию без души*», то немецкие патриоты ухитрились культивировать оголтелый национализм при если не отсутствующей, то по меньшей мере даже не оперившейся нации. «Люди должны научиться понимать, что тот, кто не говорит по-немецки, — пария», писал англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен в 1914 году. Наверное, люди в самом деле научились бы этому, останься Германия при том, в чём ей не было равных, и не сделай она ставку на то, что — в силу особенностей национального характера — было ей просто противопоказано. Фантастическое трудолюбие и прилежание в сочетании с небывалым научным и художественным гением уживались здесь с прямо-таки ошеломляющей бездарностью в политике — за вычетом Бисмарка и двух-трёх мужей бисмарковской же школы и закалки. Из трёх составляющих социального организма: хозяйственной, политической и собственно культурной, — совершенными оказывались первая и третья, тогда как вторая

демонстрировала абсолютную никчёмность и нежизнеспособность. Но именно она и стала, с момента возникновения национального германского государства, определяющей, после чего было лишь вопросом времени, как долго это всё продержится.

Говоря со всей внятностью: немцу, чтобы достичь мирового господства, нужно было как можно дальше держаться от соблазна вовлечения в политику. Тысячелетнее отсутствие политического опыта вкупе с врождённой предрасположенностью к мечтательности и идеализму делало его абсолютно уязвимым, особенно на фоне окружающих его как с Запада, так и с Востока соседей и соперников. Немецкий «корабль дураков» бесцельно скользил по Рейну и фламандским каналам, в то время как флотилии Западной Европы открывали и осваивали мировые пространства. Ко всему прочему увалень оказывался и занозой, отравляющей другим беззаботные радости существования (как, скажем, Лютер, устроивший разнос в римско-католическом лупанарии, или позже Глюк, потребовавший от итальянских *castrati* прекратить сценический произвол и подчиниться воле композитора).

Немецкое прошлое закончилось с Первой мировой войной. Потребовалось ещё целых тридцать лет, пока это стало очевидным. Начало концу положил Версальский мир, причём даже не столько материально: почти 70 тысяч отторгнутых квадратных километров, передел всех колоний, репарации размером приблизительно в 100 тысяч тонн золота (последний транш, в 70 миллионов евро, был выплачен в 2010 году), — сколько *морально*: статья 231, согласно которой Германия несёт единоличную вину за развязывание войны. Характерно, что эта статья и по сей день находит самых рьяных защитников как раз среди немецких историков, для которых любое сомнение в абсолютной вине своей страны равносильно признанию в собственном фашизме.

То, что Версальский договор послужил толчком к новой войне, давно уже стало общим местом. Есть все основания полагать, что это не было ни наивностью, ни оплошностью победителей, а только тщательно спланированной репетицией окончательного и уже бесповоротного решения «немецкого вопроса».

НЕМЕЦКОЕ НАСТОЯЩЕЕ

С концом немецкого прошлого пришло немецкое настоящее, которому покойный канцлер

Гельмут Коль подыскал странную, но точную формулу: «*милость позднего рождения*». Он имел в виду немцев, которые появились на свет после 1945 года. Наверное, он мог бы сказать: которым повезло родиться после 1945 года. Немецкая история, с этого времени по сей день, — и есть немецкое настоящее: некий стоп-кадр, или прекрасное мгновение Фауста, замершего в нём, словно в рамке, и даже не ощутившего, что это остановленное мгновение было на деле — остановленным сердцем.

Понять немецкую действительность в каком угодно: политическом, хозяйственном, культурном — срезе без этого мгновения, значит заменить восприятие действительности уже обозначенной выше информационной (или дезинформационной) *ерундой*. Можно попытаться в максимально сжатом виде воспроизвести анамнез случившегося.

Некая, мягко говоря, ирония заключается в том, что отцом-основателем немецкого настоящего суждено было стать одному английскому философу XVII века. Джон Локк, либерал, либертарианец, просветитель, приобрёл, среди прочего, широкую известность своей теорией «*чистой доски*» (*tabula rasa*), согласно которой люди рождаются без врождённых идей, а человеческая душа при рождении представляет собой некий незаписанный чистый лист бумаги (*white paper*), на который извне через восприятия наносятся опыт и знания.

Потомки Локка развили эту незатейливую философию, перенесли её с отдельных людей на целые страны и народы. Прообразом, разумеется, послужили Соединённые Штаты Америки с их пуританскими первопроходцами, которым, за отсутствием всякого прошлого, не составляло труда просто *быть* «чистыми досками», в которые, как в будущие «чёрные ящики», входят ощущения, а наружу выходят условные рефлексы.

Гораздо труднее обстояло со странами, имеющими прошлое. То есть с теми, доски которых были уже настолько исписаны, что все вносимые туда извне новые содержания могли восприниматься только в контексте уже имеющихся. Безошибочный инстинкт подсказывал единственно возможное решение: то, что не поддаётся метафизическому воздействию, могло быть исправлено *политически*. Ковровые бомбардировки немецких городов во время Второй мировой войны, аналог которых английский историк Лиддел-Гарт увидел в монгольских нашествиях на Европу времён

Чингисхана, продемонстрировали высокую эффективность такого подхода. Бомбились, прежде всего, центры городов и жилые кварталы, поэтому нередко были случаи, когда нетронутыми оставались именно военные предприятия (как, например, эссенские заводы Круппа в июне 1943 года).

Германия к концу Второй мировой войны, с её 161 городом-трупом и более 800 испепелёнными населёнными пунктами, стала гигантской «чистой доской», готовой к нанесению на неё новых содержаний и опытов — во исполнение цели, сформулированной лордом Ванситтгартом, главным дипломатическим советником правительства его величества, в 1941 году: «С Божьей милостью и во спасение человечества мы избавим мир от Германии, а Германию — от неё самой».

Два миллиона тонн бомб, сброшенных на Германию, имели продолжение в послевоенной программе так называемого «перевоспитания», где онемевшему от страха населению психоаналитически внушалось, что всё это делалось ради него и ради его светлого будущего. Потом с планом Маршалла пришло

время очередного экономического чуда. Карл Шмитт, один из немногих «неперевоспитуемых», записал в дневнике 20 мая 1949 года: «Чудо немецкой марки: Томас Манн снова появляется в Германии».

Уравнение с двумя отсутствующими: с 1945 года место выбомбленного немецкого прошлого занимает немецкое настоящее. Разница между ними в том, что первого не было, а второго нет. Понять и объяснить это было бы под силу, пожалуй, только немецкому философу, но, поскольку нет и немецких философов, придётся либо увидеть это и принять как факт, либо смотреть на это в упор, оставаясь слепцом с открытыми глазами.

КАБИНЕТ НЕГОДНОСТЕЙ

О герцоге де Бройле, министре иностранных дел в правительстве Луи-Филиппа, изящно выразился однажды Талейран: «Призванием господина де Бройля было не *быть* министром иностранных дел». Похоже, это могло бы быть сказано сегодня о едва ли не всех политиках: их призванием, назначением, смыс-

лом было *не быть* теми, кто они есть, даже если бы при этом они перестали вообще быть. Или оказались бы хоть на что-либо годными. Как тот, к примеру, член Федерального совета Швейцарии (Адольф Оги), который по телевизору объяснял швейцарским домохозяйкам, как экономить электроэнергию при варке яиц: вскипятить в сковородке слой воды толщиной в два пальца, после чего выключить плиту и использовать остаточное тепло.

Это оптимальный случай сообразительности. На деле всё гораздо хуже. Похоже, кухарки и в самом деле поверили, что могут управлять государством, после чего выяснилось, что и кухарки они — никакие. Ну какому шутнику пришло бы в голову доверить кухню Терезе Мэй или, прости господи, Дале Грибаускайте!

В этом виварии негодностей немецким политикам принадлежит особое место. Они негодны настолько, что их не замечают даже собственные телохранители. Я цитирую июньский номер журнала «Шпигель» за 2000 год: «Для федерального министра обороны дело шло о совершенно обычном служебном полёте. Но вскоре после take off кто-то спросил сквозь облака: «А где, собственно, Рудольф?» Целью полёта была Фейра в Португалии. Там Шарпингу предстояло принять участие во встрече в верхах Объединённой Европы. И вдруг обычная трескотня в кокпите была прервана вопросом о министре обороны. Выяснилось, что Шарпинг не на борту, а стоит всё еще в аэропорту Кёльн/Ван. Отсутствие министра бросилось в глаза одному из членов делегации, когда самолёт пролетал уже над Ганновером. Экипаж пилотов бундесвера развернул машину обратно в направлении кёльнского аэропорта и с тысячекратными извинениями взял своего высокого начальника на борт».

Конечно, на месте Рудольфа Шарпинга мог оказаться любой и любая из них. Включая намертво вросшую в своё кресло канцлершу, которую её творец Коль называл «девочкой», а прочие недоумки называют «мамочкой». Это абсолютные нули, кичащиеся своей «безупречной демократией» и отличающиеся друг от друга самое большее — раскраской и регистрационным номером в Гражданском кодексе. Их особенность в том, что они, не будучи честными, не могут быть хитрыми, а только никакими. Они навсегда застряли в пубертатности, в любимом зелёном цвете, этом символе вечной незрелости, в котором сегодняшней немец столь же инстинктивно опознаёт свою политическую идентичность, как когда-то он опознавал её в любимом коричневом цвете.

Как ни странно, но, похоже, именно в незрелости и лежит ключ к их популярности. Они могут принимать любые пагубные решения, пробивать лбом заслоны здравого смысла, плодить бессмыслицу, не только оставаясь при этом на плаву, но и набирая очки. Что их всех роднит и примиряет — так это патологическая ненависть к своей стране, которую они даже не пытаются скрывать, — напротив, охотно демонстрируют при случае и без случая. На официальном сайте «зелёных» долгое время красовалась фотография школьников, справляющих малую нужду на валяющийся у них под ногами государственный флаг Германии. В день памяти жертв бомбардировки

Дрездена в различных городах прошли демонстрации с плакатами: «Bomber Harris, do it again!» («Бомбер Харрис, сделай это снова!») и даже конкретнее: «Бомбер Харрис, убей ещё раз немецких женщин и детей!» Клаудиа Рот, «зелёная» вице-президентша Бундестага, на марше протеста против партии «Альтернатива для Германии» в Ганновере иступлённо выкрикивала: «Германия, ты жалкий кусок дерьма!» и «Германия, сдохни!». Это как раз тот самый случай, когда всем следует молчать, чтобы дать слово психиатру.

НЕМЕЦКАЯ ЯИЧНИЦА

Можно, конечно, говорить о частностях немецкой политики, внутренней и внешней, анализировать встречи Меркель с Трампом или Путиным (Обама, уходя, сказал о ней: «Теперь она совсем одна») — всё равно мы не поймём в этой политике ровным счётом ничего, если не станем осмысливать её на истории её последних двадцати лет. История Германии: от конца эры Коля до бесконечности эры Меркель, — это история её последовательного и непреложного «позеленения» с окончательным (и сегодня уже очевидным) впадением в маразм.

Случай требует более подробного и обстоятельного анализа. Известно, что «зелёные», ядро которых составляли дебоширы 1968 года, возникли как ультралевая партия в пику христианским демократам. С их появлением в немецкой политике повеяло духом улицы, коммуналок и беспорядочных сношений. Гопник и хулиган Йошка Фишер, будущий министр иностранных дел в правительстве Шрёдера, эпатировал элиты не только джинсами и белыми кроссовками, но и фразами вроде: «Господин президент, с позволения сказать, вы — засранец», или о канцлере Коле: «Три центнера прошлого, ставшего мясом». Впоследствии, набрав сам до пяти центнеров, он угомонился и вошёл во вкус, защищая тот самый истеблишмент, на истреблении которого сделал себе карьеру.

Очень скоро «зелёные», начавшие с проблем экологии и защиты окружающей среды, стали тяготиться узостью профиля и расширили свою программу до глобальных внешне- и внутривнутриполитических тем. Это расширение отвечало всем признакам логической процедуры, известной как *сведение к нелепости*. Вдруг эти бешеные миротворцы, когда-то сжигавшие американские флаги и готовые костями лечь

за прекращение войны во Вьетнаме, стали требовать бомбардировок Югославии и вообще любых стран, нарушающих принципы демократии. Так же и во внутренней политике не пошло дальше известной торговой марки с собакой, слушающей граммофон, «his master's voice»: здесь всё вертелось вокруг легализации однополых браков и открытых границ (их последний проект, внесённый на обсуждение в Бундестаге, посвящён необходимости «феминизации внешней политики»).

Самое интересное: начиная с 90-х гг. в Германии всё больше и больше стирается граница между правоцентристскими христианскими демократами и левоцентристскими социал-демократами. Тенденция сближения — тяга к центру, так что ударение в обоих случаях падает не на «правое» и «левое», а на «центристское». Быть «правым» (особенно в Германии) — рискованное дело, ввиду опасности автоматического причисления к фашистам. С другой стороны, и социал-демократам, любящим напоминать, что сердце бьётся слева, следовало бы знать: важно не *где*, а *как* бьётся сердце. В итоге обе партии, пытавшиеся усесться на двух стульях: том, что с краю, и том, что в центре, — повисли в пустоте, поскольку быть *реально* «правой» и *реально* «левой» им мешала их центричность, а быть центром — их «правизна» и «левизна». Центр оставался вакансией, и вот тут-то и пробил час «зелёных», ставших вдруг катализатором сближения тех и других в причудливых коалиционных тандемах.

Нелепость заключалась в том, что роль центра выпала крайне левой партии, исповедующей радикализм и открытое презрение ко всякого рода центрам. Они даже и не думали акробатничать между двумя стульями, а просто обалдели от неожиданности, увидев свой стул перенесённым слева в центр, а себя — *de facto* ведущей политической силой. Христианским демократам и социал-демократам в их равнении на центр не оставалось ничего другого, как равняться на «зелёных». За время правления Ангелы Меркель тенденция позеленения «чёрной» ХДС выросла до неприличия: оголтелая левизна, занявшая центр, откровенно поощряется традиционными консерваторами. В то же время малейший сдвиг вправо чреват исключением из партии — как это, к примеру, случилось с депутатом бундестага Хоманном в 2004 году. Вот и буквально свежий пример: преемница Меркель, Аннегрет Крамп-Карренбауэр (её,

по понятным и уважительным причинам, догадались называть АКК), пошутила о туалетах для «нейтрального пола», сказав, что они, скорее всего, устроены для тех мужчин, которые не знают, должны ли они мочиться стоя или сидя. Берлинский сенатор Клаус Ледерер назвал это «трагедией», и теперь все хором требуют от острячки извинений.

Но ничуть не меньше позеленела и «красная» СДПГ, вливаясь в различные союзы с «зелёными», «чёрными», какими угодно. При всём отличии всех от всех, все прекрасно знают, что всегда найдут общий язык в туалетах для «нейтрального пола».

Старый рецепт В. В. Розанова стал вдруг реальностью немецкой политической жизни: «Нужно разрушить политику... Нужно создать аполитичность. Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью, обманом, жестокостью. Как это сделать? Нет, как *возможно* это

сделать? Перепутать все политические идеи... Сделать «красное» — «жёлтым», «белое» — «зелёным», разбить все яйца и сделать яичницу».

Немецкая яичница, состряпанная неудавшейся кухаркой Меркель, остаётся образцом несъедобности. За четырнадцать лет нахождения у власти это ничтожество претворило в жизнь самые сумасбродные фантазии былых студенческих горлопанов и оторвистов. Последним актом зелёно-чёрно-красного оборотня стала так называемая «культура гостеприимства»: миллионы беженцев, затопившие немецкие города и сделавшие их в веках устоявшийся и воспетый уют адом.

Факт «позеленения» Германии, которой «зелёные» желают сдохнуть, подтверждается множеством примеров, и ярче всего — их сенсационной победой (17,5% голосов) на выборах в баварский ландтаг в октябре 2018 года. Шутка в том, что это случилось в католической Баварии, самой консервативной из всех немецких земель. Михаил Клоновски, один из немногих современных умов, по которым ещё можно опознавать немецкую идентичность, цитирует письмо, полученное им от одного своего читателя: «После 55 вёсен земного существования в Восточной Германии я могу из результата выборов в Баварии лишний раз извлечь созревшее тем временем до убеждения осознание того, что большинство людей, от мала до велика, в этой стране (с 2015 года место поселения) из двух возможных путей всегда с прямо-таки инфантильно-упрямой решительностью выбирают тот, который с абсолютной предсказуемой достоверностью ведёт к гибели».

ВЕРСАЛЬ БЕЗ ВОЙНЫ

«Что общего между Версалем и Маастрихтом?» — спрашивает один французский журналист. И отвечает: «Оба раза Германия будет платить». Французская газета Le Figaro поясняет: «Маастрихт — это Версальский договор без войны».

Если, как было сказано выше, с момента образования Германии немецкая экономика и немецкая духовность (философия, наука, искусство) демонстрировала совершенство, а немецкая политика выглядела на ее фоне жалким дегенеративным образованием, то после Второй мировой участь политики разделяет и духовность, вырождение которой уже достигло дна. Немецкие интеллектуалы соперничают с немецкими политиками

по части слабоумия, притом так, что итогом почти всегда оказывается ничья. Чего стоит одна только концепция «конституционного патриотизма» Юргена Хабермаса — буриданов осёл, ухитряющийся не околеть между двумя стогами сена: бритоголовыми дебилами с их «Германия превыше всего!» и «зелёными» дебилками с их «Германия, сдохни!». Осёл призывает тех и других к примирению и упокою в Конституции: немецкий патриот — тот, кто гордится не своими поэтами, композиторами, философами, ни даже, в сегодняшней неolibеральной версии, футболистами и манекенщицами, а — Основным законом для Федеративной Республики Германия.

А гордиться следовало бы производителями, предпринимателями, промышленниками — немецкой экономикой, которую вот уже сто лет доят все кому не лень, но так и не могут выдоить до конца. Да какой же смысл и толк в мощной, на грани чуда, экономике, если за ней не стоят столь же мощный политический ум и твёрдая политическая воля?! Если политики транжируют полученное, а обслуживающие их интеллектуалы (так и хочется сказать — интеллектуальки) обосновывают это приверженностью к общечеловеческим ценностям?! Вот Вольфганг Шойбле, до недавнего времени — министр финансов, а теперь — президент Бундестага, заявил же, что Германия должна больше платить в ЕС и вообще быть более щедрой. Понятно, после такого надо быть идиотом, чтобы не отозваться должным образом на подобный идиотизм, выстроившись в очередь и скандируя ильф-петровское «Деньги давай!». Вот уже и поляки требуют выплаты репараций за понесённый ими ущерб и преступления нацистов в годы Второй мировой войны. Похоже, в Варшаве даже определились с суммой: порядка 350 миллиардов евро. Но особенно восприимчивыми к немецкой щедрости оказались миллионы беженцев, которые готовы рисковать жизнью, лишь бы попасть сюда, в этот Шлараффенланд с молочными реками и кисельными берегами, где вместо камней повсюду лежит сыр, а жареные птицы летят прямо в рот. Где их обеспечивают не только бесплатным жильём и питанием, но и выплачивают пособия, вплоть до карманных денег. Как тому сирийцу, который ухитрился осесть в Германии с четырьмя жёнами и двадцатью тремя детьми, чтобы, нигде не работая, получать более 360 тысяч евро в год. Единственное препятствие для этого — многожёнство —

он устранил, дав развод трём своим жёнам и оставшись с одной. Так — по документам, предъявленным в соответствующие ведомства. Фактически же он продолжает жить со всеми, из которых трое, находясь в статусе разведённых, также получают полагающиеся им по законодательству пособия.

Можно предположить, что, если когда-нибудь догадаются открыть в университетах кафедры по социальной дефектологии и политическому дебилизму, примерами из жизни современной ФРГ можно будет заполнять не книги, а библиотеки.

Факт: Германия, с постоянно восстающей из пепла экономикой на фоне отсутствующей политики и духовности, остаётся наиболее выдающимся достижением, почти что мастер-классом западной политической теологии. Они одурачили и обнулили её по полной программе, до дальше некуда. И хотя в известные моменты соблазн «убей немца!» и кружил головы даже таким политическим умельцам, как Клемансо и Черчилль, фактор здравомыслия и прагматики одерживал верх, не давая ненависти поставить последнюю точку. Эту нелюдь надлежало не искоренить, а всего-навсего оболванить и поставить себе на службу — словами министра иностранных дел Германии (бывшего хулигана и босяка) в дни бомбардировок Югославии: «Впервые за всё время нашей истории мы воюем на правильной стороне». Но, наверное, и здесь адекватнее всех оказался Трамп, одним-единственным жестом поставивший немецкого увальня перед *реальностью*. Во время саммита G7 в канадском Квебеке в июне прошлого года он встал, засунул руку в карман, достал две конфеты и бросил их на стол перед Меркель со словами: «Вот, Ангела, бери и не говори, что я никогда тебе ничего не даю».

И последнее. Едва ли это услышат, а услышав, поймут. Но засмолённые и брошенные в океан бутылки остаются, как и прежде, в силе.

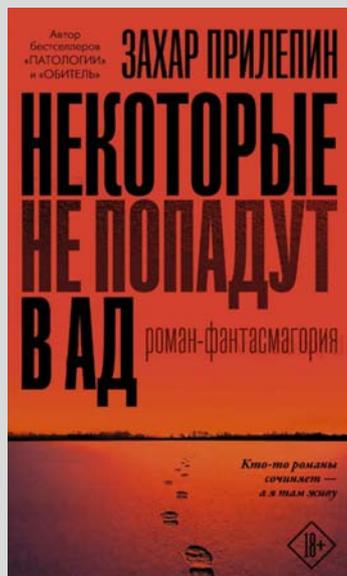
Фридрих Геббель, великий немецкий драматург и мыслитель, написал в 1860 году: «Возможно, что немцы вновь исчезнут с мировой арены, ибо у них есть все качества, чтобы завоевать небеса, но ни одного, чтобы утвердиться на земле, и все нации ненавидят их, как злые ненавидят добрых. Но если их и впрямь удастся извести, придёт такое время, когда все рады будут ногтями выскрести их из могилы».

Александр ПРОХАНОВ, Сергей ГЛАЗЬЕВ, Михаил ДЕЛЯГИН, Георгий МАЛЕНЕЦКИЙ, Александр НАГОРНЫЙ, Владимир ОВЧИНСКИЙ. Крах однополярного мира. — М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2019. — 512 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»).

Однополярный мир Pax Americana вступил в эпоху распада, последствия которого пока непредсказуемы, но могут оказаться сопоставимыми с самыми «тёмными» периодами человеческой истории — особенно если Соединённые Штаты в попытке сохранить своё, буквально ускользающее из рук, глобальное лидерство решатся на реализацию сценария полномасштабного военного конфликта с использованием оружия

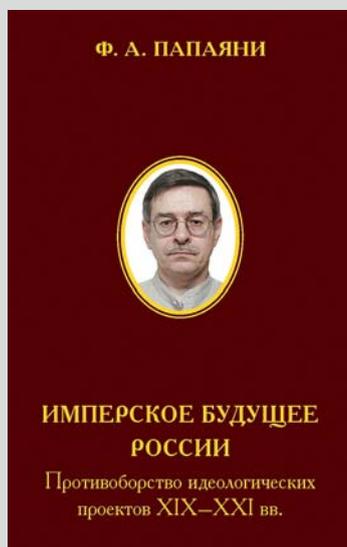
массового поражения. Сегодня главным препятствием, удерживающим мир от перспективы термоядерного Армагеддона, остаётся Россия, изнутри ослабляемая запредельным уровнем социального неравенства, либеральной идеологией и культурой, сырьевым экономическим укладом. Есть ли у нашей страны шансы выстоять и победить в столь неравном противостоянии? Ответ на этот вопрос пытаются найти авторы Изборского клуба.

Захар ПРИЛЕПИН. Некоторые не попадут в ад: роман-фантазмагория. — М.: АСТ, 2019. — 382 с.

Иначе, нежели фантазмагорией, назвать происходящее в Донбассе невозможно. Число погибших в ходе этого конфликта измеряется уже десятками тысяч, а пострадавших, включая беженцев, — миллионами. Шахтёрский, индустриальный край не желал встать на колени перед неонацистами, при поддержке США и их союзников захватившими власть в Киеве. И принял их удар на себя. Донбасс пытались залить кровью, сжечь и разрушить дотла, как это было в годы Великой Отечественной войны. Но благодаря мужеству его жителей, в которых жив дух героических предков, от «Слова о полку Игореве» до «Молодой гвардии», благодаря помощи России и всего Русского мира Донбасс выстоял.

Летопись его героического сопротивления создавали и профессиональные писатели — особо здесь можно отметить роман Александра Проханова «Убийство городов», и бойцы-добровольцы — кстати, многие известные командиры ополчения: Игорь Безлер (Бес), Арсен Павлов (Моторола), Михаил Толстых (Гиви), Алексей Мозговой и многие другие, — занимались литературным творчеством, писали прозу и стихи. Захар Прилепин — профессиональный русский писатель, поехавший добровольцем защищать Донбасс от «незалежных» карателей. С октября 2016 года по июль 2018 года был заместителем командира батальона спецназа ДНР в звании майора, так что с не меньшим основанием его новую книгу можно назвать и романом-исповедью об этой войне.

Ф. А. ПАПАЯНИ. Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Русская цивилизация, 2019. — 560 с.

Фёдор Алексеевич Папаяни — сопредседатель Изборского клуба Новороссии, генеральный директор НПО «Хаймек» в г. Донецке. В своей новой фундаментальной работе он пытается обосновать необходимость трансформации Российской Федерации в «империю XXI века». Не со всеми тезисами и выводами автора можно безоговорочно соглашаться (например, с утверждением о том, что «Россия — это федерация республик»), но в целом

его исследование, направленное на реабилитацию концепта православного империализма («византийской» традиции, «ромеизма»), по мнению автора, полностью выпавшего, вернее — вытесненного из политологического и философского дискурсов после 1917 года, представляет собой интересный и по-своему необходимый «взгляд со стороны» на современный российский идеологический «пейзаж», несомненно, нуждающийся в системной трансформации.

Хронология мероприятий клуба

27 февраля 2019 года

В Санкт-Петербурге под председательством главного редактора информационно-аналитического агентства «Русская народная линия» А. Д. Степанова прошло заседание регионального отделения Изборского клуба, посвященное 150-летию выхода в свет книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». В заседании приняли участие советник директора СЗИУ РАНХиГС В. В. Случевский, президент Института русско-славянских исследований (г. Москва) А. В. Буренков (докладчик), главный редактор журнала «Русское самосознание» Б. Г. Дверницкий, доктор философских наук, профессор СЗИУ РАНХиГС А. И. Кугай, доктор исторических наук, член Синодальной богослужебной комиссии протоиерей Владимир Василик; доктор философских наук, директор Российского института истории искусств А. Л. Казин и другие видные представители отечественной научной общественности.

5 марта 2019 года

Советник президента России и член Изборского клуба, академик РАН Сергей Глазьев выступил с докладом, посвященным текущему состоянию и перспективам развития российско-армянских отношений, на заседании Лазаревского клуба, которое прошло в Андреевском зале гостиницы «Ренессанс Москва Монарх Центр».

5–9 марта 2019 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов посетил Крымский федеральный округ России. В ходе поездки состоялись его встречи с главой Республики Крым Сергеем Аксёновым, губернатором Севастополя Дмитрием Овсянни-

ковым, представителями творческих и общественных организаций Крыма. Материалы поездки были представлены в многочисленных публикациях, а также в новом фильме из авторского проекта Александра Проханова «Русская мечта» на телеканале «Россия-24».

11 марта 2019 года

В офисе Центра евразийской интеграции состоялась встреча членов Изборского клуба с делегацией крупного индийского бизнеса во главе с президентом Конфедерации индийской промышленности **Ракеш Бхарти Митталом** и директором Конфедерации индийской промышленности **Чандраджит Банерджи**. Среди членов делегации были руководители SREI Group, SUN Group, Tata Power Ltd, Tech Mahindra Ltd, Bharat Forge Ltd и др. С российской стороны в диалоге участвовали советник Президента РФ академик РАН **Сергей Глазьев**, руководители Изборского клуба **Олег Розанов**, **Виталий Аверьянов**, **Александр Нагорный**, представители российского делового и экспертного сообщества. В ходе встречи обсуждались

вопросы актуализации колоссального потенциала развития сотрудничества между Россией и Индией, конкретные предложения по развитию «народной дипломатии» и бизнес-кооперации.

19 марта 2019 года

В Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф. И. Тютчева прошла презентация книги председателя Брянского регионального отделения Изборского клуба Сергея Ушкалова «Неизвестное сражение маршала Рокоссовского. Как образовался Курский выступ».

29 марта 2019 года

В Салехарде под председательством заместителя губернатора, директора департамента внешних связей ЯНАО Александра Мажарова состоялось первое заседание Ямальского регионального отделения Изборского клуба, в котором приняли участие первый заместитель председателя Изборского клуба Олег Розанов, постоянные члены Изборского клуба Сергей Батчиков, Михаил Деягин, Валерий Коровин, Елена Ларина, Владимир Овчинский, Юрий Тавровский и Сергей Ушкалов.

Первое заседание Ямальского регионального отделения Изборского клуба под председательством заместителя губернатора, директора департамента внешних связей ЯНАО Александра МАЖАРОВА

/ Елена ЗУЕВА /

«Всё настоящее вовремя кажется свету...»

История русской поэзии эпохи перестройки и рыночных реформ, наверное, никогда не будет написана. «Лишить сущности и память вытоптать» — эти слова из романа Владимира Орлова «Альтист Данилов» (1980) стали пророческими для очень многих произведений, и для их авторов — тоже.

Как известно, историю пишут победители. А в русской поэзии того времени победителей не было — проиграли так или иначе все. Даже самые «успешные» из тех, кто примкнул к победителям, оказался «на плаву» и «на слуху», получая премии, гранты, постоянно присутствуя в информационном поле и занимая видные места в так называемом литературном процессе. Не то чтобы совсем не свои места, но — в таком искривленном и крохотном «вагоне», что тем хуже для попавших туда...

Елена Зуева, чьи стихи 80-х — начала 90-х годов представлены в этой подборке, предлагаемой вниманию читателей журнала «Изборский клуб», оказалась среди подавляющего большинства «не попавших» и «пропавших». Она всегда пыталась не написать, а «наколдовать» свои стихи. Иногда — получалось. Например — в удивительной и уникальной «Лягушке», написанной почти треть века назад.

И сколько их ещё, таких безвестных для большинства читателей шедевров и их авторов, за эти годы были выброшены в грязь и закатаны в асфальт «невидимой рукой рынка»? Кошечевой рукой, укравшей Царевну-лягушку. Пойдут ли нынешние Иваны-царевичи её освобождать? Да и есть ли они?

Георгий СУДОВЦЕВ

* * *

Где враждебно живое блестящей звезде,
где черта горизонта не надобна, где
небо в снег провалилось,
все пятна на нём заморозив, —
в неземное пространство,
в изгнание двора
выйдет женщина,
тёплую ношу ведра
в неподвижной руке
напряжённо неся и серьёзно.

Выйдет женщина, за угол молча зайдёт
и ведро с отражением сопки и звёзд
наклонит —
и взойдут на снегу доверительно
звёзды.
Но никто в этом мире помойных небес
различить не осмелится
сопку и лес,
эту жизнь,
эту зиму,
где мёртвым становится воздух.

Но стоять для чего-то останется дом,
где — в углу, не затронутом бранью и льдом, —
тихо дышит ребёнок,

и снятся ему витамины,
и ещё ему снится озябшая мать,
что за дверью,
пальто уставая снимать,
наклоняет лицо,
и лица её
вовсе не видно.

* * *

Не приезжай!
У нас теперь — печаль.
Одна печаль.
До нас — такая даль,
что круглый год у нас — неурожай,
распутица, пожар...
Не приезжай!
Не то — сопьёшься, пропадёшь, сгоришь.
Здесь лет не помнят
и не чинят крыш,
и весь народ — без камня за душой.
Здесь бьют ногами,
здесь — нехорошо
в недобрый час задерживаться,
жаль
рождаться...
Два ножа —
не приезжай!!! —
здесь друг о друга точатся, визжа,
здесь тишина

заходится такой
рекой-тоской —
ни брода, ни моста,
ни мне тебя,
ни на тебе креста —
с какой под сердцем верная жена
находит небо, полное камней,
сырую землю,
чей-то крест на ней.

ЛЯГУШКА

А быть чему — тому и не бывать,
тому — пропасть, остановиться где-то...
А что ни жить — во сне чужое звать,
где наяву — лишь небо без просвета.
А красным сапогом — да по ковру,
да по стеклу, да по огню, да по лбу
еловому!..

Не больно ввечеру
красна тоска, хоть вечеру — быть полным
тоскою до краёв, дрожать листу
дорожному на всякий окрик гневен.
Царевну в жёны захотел?..

Не ту
царевну, вор! — перебирай царевен!
Перебирай царевен от двери,
лови в крови — достанется.

От крови
стоять святому пиру до зари
на десяти ветрах, на честном слове.
А рукава золотая чешуя —
летит, стремится... Полно, не поймашь!
Лови, царевич!

Понимаешь, я —
лягушка.

Ничего не понимаешь...
Бери судьбу — не выбирай врага!
Не подходи — она тебя боится!
Она мычит, остры её рога...
Ну чем тебе корова не царица?
На — вот тебе и тьма твоя, и свет, —
все десять дев, а где она, царевна-
лягушка? Где? Ты понимаешь? Нет,
не понимаешь — в сотый раз, наверно.
Очнись, вернись — тебя на свете чтут
река и поле, горицвет и птица...
Кто горькими слезами плачет тут? —
косматая медведица-девица.
Её слезам сюда напрасно течь,
и не от слёз красна моя подушка.
Тебе, царевич, лучше было сжечь
твои глаза — вот невидаль, лягушка!

Что встал, как пень? Моих честных гостей,
моих кормильцев — надобно потешить.
Они сюда из дальних областей
едва дособирались: конны, пеши,

дурных краёв да недурных кровей
все эти люди, нелюди и звери...
Закройте дверь!

...здесь появилась дверь,
а ведь недавно не было здесь двери.
Чьи — вместо глаз — болотные огни
внимательно следили за весельем?
Кто их позвал? За кем пришли они?
Зачем? —

пришли —
они?
чужие?
в сером?..

Всё сохранялось в памяти, пока
без памяти бежала лента ала.
Вот показалась быстрая рука,
схватила ленту. Дверь заскрежетала.
И солнце встало.

Никогда — окрест
на свете — утра не было убоже.
Тебя тоска, должно быть, завтра съест,
а ты вчера печалился о коже,
об этой грешной коже, будто в ней —
лягушачьей, зелёной — всё и дело.
Не жечь, не хоронить — кормить свиной
такой-то дрянью!..

А стрела — летела
всю ночь над жадной пропастью,
всю ночь
её, краснея, провожали взглядом
то пряха, то купеческая дочь,
то тихая смертельная наядя.
И в городах творилось воровство,
всю ночь не спали в тереме высоком,
чтоб завтра драгоценный сокол твой...
Опять в крови он воротился, сокол!

Ночь — это долго. Словно косы жён
твоих недолгих...

Некогда летела
стрела, которой белый свет сражён,
и даль по сторонам развеет тело.
А что — тревога, тёмная, ничья,
тому, чья воля — белый свет? Не горе —
забота у царевича...

И я —
лягушка.

И на это есть — другое.

* * *

И приходит весна,
на помине легка,
как туземец,
чей воздух и смех безрассудны,
и такие по небу
текут облака,
при которых не надобно
сути и судеб.
Но достоин
сквозной человеческий миг,
исходя,
останавливать небо на взлёте,
ибо есть в этой смуте
её проводник —
в нас текущая кровь
по извилинам плоти.
И в ветвистом круженье
любви праотцов:
доземной,
бессловесной,
мы не сыщем начал,
не увидим концов,
но приучимся
пробовать пяткою бездну.
Мы — как будто отвесное
эхо дорог,
по которым стекаются
меры и числа,
ибо есть в этой жизни
последний порог —
ощутив свою память,
не выдержать смысла.

* * *

Солнце опять подскочило выше.
Дни эти...
столько мороки с ними!
Как же безумно хочется вишен!
Хочется вишен — необъяснимо.

Только поднимешь
взгляд неподвижный —
садом июньским повеет снова:
это теплеют
глаз твоих вишни,
и поцелуи твои — вишнёвы.

Так вспоминается
время цветенья,
месяцы розовой,
спящей крови...
Вот лепестки мои
облетели,
стали побегии мои —
суровой.

Но за чертой,
нестерпимо красной,
в воздухе цвета
густой лазури
вишни вспыхивают
и гаснут,
как при высокой температуре...

* * *

Прежде всего — даже если на всё наплевать,
в царстве причин ничего никому неизвестно.
Что бы там ни было: Истина, Суть или Мать, —
Всё — это Всё, это Богом забытое место.

Дно обрывается. Мёртвые имут вину
и в тридцатые дали зовут их за это.
Время идёт незначительным камнем ко дну,
всё настоящее вовремя кажется свету.

* * *

Чуть заснёшь — раскроет ладонь земля,
синевой затянется дальний лес,
полетят подсолнухи на поля
золотыми коконами с небес.
Из воды и полдня — напололам! —
словно лопнет в небе тугая нить,
и пойдут подсолнухи по полям
шаровыми молниями
дымить,
собираться в жёлтые острова,
умывать окошечки чёрных сот...

И с такую силой растёт трава.
И с такую болью душа растёт.

* * *

И жизнь как будто едва началась:
горят снега и трещат слова;
в синем пламени закалясь,
встаёт зелёная трин-трава...

И кто-то в дом постучит, войдёт —
Но звук сквозь стёкла уйдёт в зенит.
С неба колокол упадёт —
после тысячу лет звенит.

